

INSTITUTE
FOR WORLD
ECONOMY
AND
POLITICS
AT THE FIRST
KAZAKHSTAN
PRESIDENT
FOUNDATION

ҚАЗАҚСТАН
РЕСПУБЛИКАСЫ
ТҰҢҒЫШ
ПРЕЗИДЕНТІ
ҚОРЫНЫҒЫ
ЖАНЫНДАҒЫ
ӘЛЕМДІК
ЭКОНОМИКА
ЖӘНЕ САЯСАТ
ИНСТИТУТЫ

ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ
ЭКОНОМИКИ
И ПОЛИТИКИ
ПРИ ФОНДЕ
ПЕРВОГО
ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН

КАЗАХСТАН
В ГЛОБАЛЬНЫХ
ПРОЦЕССАХ №3
2008
НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ISSN 1813-4467

Казахстан в глобальных процессах

Научное издание
№3 (17), 2008

Kazakhstan in Global Processes

Academic edition
№3 (17), 2008

Выходит ежеквартально с сентября 2004 г.

Published quarterly since September 2004

Учредитель

Институт мировой экономики и политики
(ИМЭП) при Фонде Первого Президента
Республики Казахстан

Founder

The Institute for World Economy and Politics
(IWEP) at the Foundation of the First President
of Kazakhstan

Шеф-редактор

Марат Шайхутдинов
директор ИМЭП

Editor-in-Chief

Marat Shaikhutdinov
Director of the IWEP

Исполнительный редактор

Аскар Абдрахманов

Executive Editor

Askar Abdrakhmanov

Редактор-корректор

Жаннет Нуралиева

Proof-reader

Zhannet Nuraliyeva

Дизайн и верстка

Кайрат Бакбергенов

Design and Layout

Kairat Bakbergenov

Адрес:

Республика Казахстан
050059, г. Алматы, ул. Махатмы Ганди.
Тел.: +7 (727) 2700-480.
Факс +7 (727) 2700-513.
E-mail: office@iwep.kz
<http://www.iwep.kz>

Address:

Republic of Kazakhstan
Almaty, 050059, Mahatma Gandhi St.
Tel.: +7 (727) 2700-480.
Fax +7 (727) 2700-513.
E-mail: office@iwep.kz
<http://www.iwep.kz>

Журнал зарегистрирован Министерством информации
Республики Казахстан 14 июня 2004 г.

Свидетельство о постановке на учет СМИ №5128-Ж.

При перепечатке, микрофильмировании и других
формах копирования ссылка на журнал обязательна.
Мнение редсовета журнала может не совпадать с точкой
зрения авторов статей.

The journal is registered at the Ministry of Information of the
Republic of Kazakhstan on June 14, 2004.

Registration Certificate #5128-Ж.

The reference to journal is obligatory, when reprinting, micro-
filming or using other forms of copying of articles.
The opinion of authors may not coincide with the opinion
of editors.

Отпечатано в типографии ОО «Школа XXI века»

г. Алматы, пр. Райымбека, 212/1

Тел.: 330-0312, 330-0313

Тираж 500 экз.

Printed at printing-house of the PA «Школа XXI века»

212/1 Raimbek Ave, Almaty

Tel.: 330-0312, 330-0313

Circulation: 500 copies.

Марат Шайхутдинов – д.и.н., профессор, председатель Редакционного совета, директор ИМЭП

Рой Аллисон – PhD, профессор Лондонской школы экономики (Лондон, Великобритания)

Маулен Ашимбаев – к.п.н., заместитель Руководителя Администрации Президента РК

Девендра Каушик – PhD, профессор, председатель Исполнительного совета Института азиатских исследований (Калькутта, Индия)

Фредерик Старр – PhD, профессор, председатель Института по изучению Центральной Азии и Кавказа Университета Джонса Хопкинса (Вашингтон, США)

Булат Сулганов – д.п.н., доцент, директор Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК

Марат Тажин – д.соц.н., профессор, Министр иностранных дел РК

Чжао Хуашен – PhD, руководитель Центра России и Центральной Азии Фуданского университета (Шанхай, Китай)

Геннадий Чурфин – д.э.н., профессор, член-корр. РАН, заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН (Москва, Россия)

Аскар Шоманов – к.филос.н., доцент, заместитель заведующего Отдела внутренней политики Администрации Президента РК

Редакционная коллегия

М.Е. Шайхутдинов – шеф-редактор

А.С. Абдрахманов – исполнительный редактор

Члены редакционной коллегии:

Л.М. Музапарова – заместитель директора ИМЭП,

А.М. Амребаев – заместитель директора ИМЭП,

А.Г. Косиченко – главный научный сотрудник ИМЭП,

В.Ю. Додонов – главный научный сотрудник ИМЭП,

А.С. Каукенов – и.о. директора Центра по изучению Китая при ИМЭП,

А.К. Нурша – руководитель Центра международных исследований ИМЭП,

А.Е. Есенбаев – руководитель Центра по изучению казахстанского пути и исторической роли Первого Президента ИМЭП,

Л.Р. Скаковский – руководитель Центра геополитики и проблем безопасности ИМЭП

- Marat Shaikhutdinov** – Doctor in History, Professor, Chairman of the Editorial Council, Director of IWEP
- Roy Allison** – PhD, Reader of International Relations at the London School of Economy (UK)
- Maulen Ashimbayev** – Candidate in Politics, Deputy Head of the Presidential Administration of the Republic of Kazakhstan
- Devendra Kaushik** – PhD, Professor, Chairman of the Executive Council of the Institute for Asian Studies (India)
- Frederick Starr** – PhD, Professor, Chairman of the Central Asia – Caucasus Institute at the Johns Hopkins University (USA)
- Bulat Sultanov** – Doctor in Politics, Professor, Director of the Kazakhstani Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan
- Marat Tazhin** – Doctor in Sociology, Professor, Minister of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan
- Zhao Huasheng** – PhD, Professor, Head of the Centre for Russian and Central Asian Studies at the Fudan University (China)
- Gennady Chufirin** – Doctor in Economics, Professor, Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute for World Economy and International Politics at the Russian Academy of Sciences (Russia)
- Askar Shomanov** – Candidate in Philosophy, Deputy Head of the Department for Domestic Politics at the Presidential Administration of the Republic of Kazakhstan

Editors' group

- Marat Shaikhutdinov** – Editor-in-Chief
Askar Abdrakhmanov – executive editor

Members of the Editors' group:

- Leila Muzaparova** – Deputy Director of IWEP,
Aidar Amrebayev – Deputy Director of IWEP,
Anatoly Kossichenko – Senior Research Fellow at IWEP,
Yuri Dodonov – Senior Research Fellow at IWEP,
Adil Kaukenov – Acting Head of the Centre for Chinese Studies attached to IWEP,
Askar Nursha – Head of the IWEP Centre for International Studies,
Assylbek Yessenbayev – Head of the IWEP Centre for Studies of Kazakhstan Way and Historical Role of the First President,
Leonid Skakovsky – Head of the IWEP Centre

- 8 Вступительное слово Шеф-редактора журнала *М.Е. Шайхутдинова*

**МАТЕРИАЛЫ ПЕРВОГО ФОРУМА
ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ
В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКО-КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ**

- 11 *Марат Шайхутдинов*. Региональная и глобальная безопасность в XXI веке: концептуальные подходы и реальность
- 17 *Фредерик Старр*. Историческая перспектива сотрудничества в Центральной Азии
- 25 *Алексей Власов*. Центральная Азия, Южный Кавказ и Каспий - единый геостратегический регион. Новые вызовы и риски для России и Казахстана
- 29 *Муратбек Иманалиев*. Центральная Азия в условиях глобализирующегося мира

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РАЗВИТИЯ
В ГЛОБАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТАХ**

- 35 *Константин Сыроежкин*. Современная военная элита Китая
- 47 *Чжао Хуашэн*. Теоретические и практические основы китайской дипломатии в Центральной Азии
- 60 *Леонид Скаковский*. «Патриотический акт» 2001 года и его роль в обеспечении национальной безопасности США: ретроспективный анализ
- 65 *Татьяна Каукенова*. Развитие образования в современном Китае: кризисные явления и поиски решений

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- 73 *Лейла Музапарова*. Основные перспективные направления казахстанско-российского экономического сотрудничества
- 79 *Вячеслав Додонов*. Концепция «мобильной экономики»: новые возможности и методы диверсификации в условиях глобализации
- 86 *Зауре Чуланова*. Интеллект нации как фактор инновационного прорыва
- 97 *Кайрат Шайхиев*. ЕС и Казахстан: опыт экономической интеграции

Тексты на английском языке отредактированы А.Абдрахмановым.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

- 104 *Юрий Булуктаев.* Внешний (глобальный) контекст трансформационных режимных изменений: исследовательские пути и подходы
- 110 *Галия Досмухамбетова.* Языковая политика как инструмент государственного строительства: проблемы и перспективы
- 115 *Асемгуль Есенбаева.* Связи с общественностью как фактор эффективности политических институтов

РЕЦЕНЗИИ

- 122 *Мурат Лаумулин.* Новейшие исследования Института Центральной Азии и Кавказа в Университете Джонса Хопкинса

ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ

- 130 *Галия Абдрахманова.* Проблемы региональной интеграции в Центральной Азии глазами казахстанских экспертов

- 144 **НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**

- 148 **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**

- 8 Opening Address of the Editor-in-Chief *Marat Shaikhutdinov*

**PAPERS OF THE FIRST FORUM ON SECURITY AND COOPERATION
IN CENTRAL ASIA – CASPIAN REGION**

- 11 *Marat Shaikhutdinov*. Regional and global security in the 21st century: conceptual approaches and reality
- 17 *Frederick Starr*. Historical perspectives on cooperation within Central Asia
- 25 *Alexei Vlasov*. Central Asia, South Caucasus and Caspian as single geostrategic region: new challenges and risks for Russia and Kazakhstan
- 29 *Muratbek Imanaliyev*. Central Asia in terms of globalizing world

**GLOBAL AND REGIONAL CONTEXTS
OF INTERNATIONAL DEVELOPMENT PROBLEMS**

- 35 *Konstantin Syroezhkin*. Contemporary Chinese military elite
- 47 *Zhao Huasheng*. Theoretical and practical foundations of Chinese diplomacy in Central Asia
- 60 *Leonid Skakovski*. Retrospective analysis of the Patriotic Act of 2001 and its role in providing national security for the USA
- 65 *Tatyana Kaukenova*. Development of education in contemporary China: crisis phenomena and search for solutions

ECONOMIC PROCESSES IN CONTEMPORARY WORLD

- 73 *Leila Muzaparova*. Key promising tracks for Kazakh-Russian economic collaboration
- 79 *Yuri Dodonov*. The concept of mobile economy: new opportunities and methods of diversification in terms globalization
- 86 *Zaure Chulanova*. Intellect of a nation as a factor of innovational breakthrough
- 97 *Kairat Shaikhiyev*. The European Union and Kazakhstan: experiences of economic integration

PRESSING ISSUES OF DOMESTIC POLITICS

- 104 *Yuri Buluktayev*. Outer (global) context of transformational regime changes: research models and approaches
- 110 *Galiya Dosmukhambetova*. Language policy as an instrument of state-building: problems and prospects
- 115 *Assemgul Yessenbayeva*. Public relations as a factor in efficiency of political institutions

BOOK REVIEW

- 122 *Murat Laumulin*. Latest publications by the Central Asia – Caucasus Institute, Johns Hopkins University

EXPERTS' OPINION

- 130 *Galiya Abdrakhmanova*. Issues of regional integration in Central Asia as seen by Kazakhstani analysts' community. Results of the survey

- 144 **ACADEMIC LIFE**

- 148 **ABOUT THE AUTHORS**

Очередной выпуск журнала знаменует собой начало нового этапа в развитии данного научного издания. На более системный и творческий уровень поднята работа редакционной коллегии. В журнале сформировались основные разделы, к подготовке которых самое прямое отношение имеют теперь руководители отделов и научных центров ИМЭП. В соответствии с духом времени в журнале появилась специальная рубрика, посвящённая актуальным вопросам внутренней политики. Кроме того, в ближайшем будущем начнут выходить оригинальные версии журнала на иностранных языках, что позволит нам на практике стать частью глобального информационного пространства.

Новые подходы к научным изданиям являются отражением общей стратегии развития ИМЭП на долгосрочную перспективу. Так, в Институте сформированы и начали успешно функционировать творческие рабочие группы, в состав которых вошли как отечественные исследователи, так и авторитетные зарубежные эксперты мирового уровня.

Важное значение Институт придаёт созданию новых и перспективных дискуссионных площадок с участием ведущих исследователей и действующих политиков разных стран и регионов. В частности, 25 августа 2008 года в рамках Совета министров иностранных дел СВМДА и при содействии МИД РК состоялся **Первый форум по безопасности и сотрудничеству в Центральноазиатско-Каспийском регионе**, одной из главных целей которого является подготовка практических рекомендаций для политических элит по вопросам международной политики. На ход научных дискуссий большое влияние оказал Кавказский кризис, послуживший мощным катализатором кардинальных перемен на международной арене. Некоторые полемически заострённые по духу и содержанию доклады Первого форума легли в основу первого раздела нынешнего выпуска журнала (полная версия материалов Форума выйдет в ближайшее время отдельным изданием).

В центре внимания форума оказались, в первую очередь, вопросы становления новой архитектуры международных отношений, нашедшие свое отражение в статье **М.Шайхутдинова**, по мнению которого на пути к столь желаемой многополярности нас ожидает длительная эпоха бесполярного мира – жёсткого, сурового и непредсказуемого. Если раньше международные эксперты возвещали наступление мира без Запада, то теперь речь идёт о мире без прочных правил и устоев. Глобализация также изменит свой прежний облик, поскольку на первый план выйдут процессы регионализации. Всё это обязывает нас по-новому взглянуть на перспективы Центральной Азии и Каспийского региона в новых геополитических реалиях. Известный американский исследователь **Ф.Старр**, развивая идеи, заложенные им в концепции партнёрства для Большой Центральной Азии, отмечает, что изменившиеся международные обстоятельства заставят страны Центральной Азии более полно использовать свой внутренний потенциал и интеграционные возможности региона. В свою очередь, видный российский ученый **А.Власов** предла-

гает более широко взглянуть на архитектуру постсоветского пространства и прилегающих регионов. Исследователь считает, что Центральная Азия, Южный Кавказ и Каспий в изменившихся условиях должны рассматриваться как единый регион со всеми вытекающими отсюда геополитическими и экономическими последствиями. Авторитетный кыргызский политик и эксперт **М.Иманалиев** убежден, что дальнейшие перспективы Центральной Азии будут во многом зависеть от того, насколько адекватным будет ответ региона на современные глобальные процессы.

В рамках второй крупной рубрики размещены статьи, посвящённые актуальным проблемам развития двух крупнейших держав современного мира – Китая и США, олицетворяющих важнейшие мегатренды XXI века. В частности, один из главных китайских экспертов **Чжао Хуашен** дает глубокий и основательный анализ теоретических и практических основ китайской дипломатии в Центральной Азии. Ведущий отечественный китаевед **К.Сыроежкин** публикует очерк современной военной элиты Китая, органично соединяющей в себе верность историческим традициям и восприимчивость к инновациям. **Т.Каукенова** обращает внимание на ключевые проблемы развития образования в полуторамиллиардном Китае, тщательно анализируя при этом основные современные подходы к их практическому разрешению. **Л.Скаковский** продолжает серию публикаций, посвящённых деятельности администрации Дж.Буша-младшего в сфере укрепления национальной безопасности. Очередная статья эксперта посвящена ретроспективному анализу «Патриотического акта» 2001 года, положившего начало процессу фундаментального пересмотра основных подходов к проблемам внутренней безопасности США.

Финансово-экономический кризис, охвативший за последние месяцы практически весь глобальный мир, выдвигает на первый план вопросы дальнейшего развития мировой экономики, отдельных стран и регионов. Эти критически значимые для современного Казахстана вопросы нашли отражение в третьей рубрике журнала. В частности, обращает на себя внимание оригинальная концепция «мобильной экономики», предложенная **В.Додоновым**. Эксперт полагает, что каждый крупномасштабный кризис таит в себе не только новые вызовы и угрозы, но и новые возможности, новые методы диверсификации национальной экономики и её успешной адаптации к быстро меняющимся условиям. Особый интерес представляет статья **Л.Музапаровой**, посвящённая наиболее перспективным направлениям казахстанско-российского экономического сотрудничества в новых исторических условиях. Речь, в частности, идет о наполнении качественно новым содержанием привычной формулы о стратегическом партнёрстве наших стран. В свою очередь, **З.Чуланова** акцентирует внимание на интеллекте нации как важнейшем факторе инновационного развития, а молодой исследователь **К.Шайхиев** – на опыте экономического взаимодействия Казахстана и Европейского Союза. В целом анализ современной экономической ситуации, представленный в данной рубрике, даёт определенные основания для осторожного оптимизма и в то же время предостерегает как экспертов, так и политиков от упрощённой трактовки экономического содержания и исторического смысла новейшего финансово-экономического кризиса.

Особое внимание в данном номере журнала уделено актуальным проблемам внутренней политики. Авторы новой рубрики демонстрируют в своих работах органичное соединение сугубо теоретических и прикладных подходов к сложнейшим вопросам политического развития современного Казахстана. В частности, заслуживает внимания статья **Ю.Булуқтаева**, посвящённая изучению внешнего (глобального) контекста трансформационных режимных изменений. Детальный анализ современного состояния и перспектив языковой политики как важного инструмента государственного строительства на постсоветском пространстве и в современном Казахстане представлен в статье **Г.Досмухамбетовой**. Собственную трактовку связей с общественностью как фактора эффективности политических институтов предлагает в своей статье **А.Есенбаева**.

М.Лаумулин представляет вниманию специалистов глубокий и основательный обзор новейших исследований одного из крупнейших «мозговых центров» США – Института Центральной Азии и Кавказа при Университете Джонса Хопкинса. Завершает номер рубрика «Экспертное мнение», в рамках которой **Г.Абдрахманова** анализирует основные подходы казахстанских специалистов к проблемам региональной интеграции в Центральной Азии.

Надеемся, что предпринятые нами нововведения послужат дальнейшему укреплению научного авторитета журнала в международном экспертном сообществе и позволят выйти на передовые рубежи в исследовании жизненно важных вопросов современности на благо суверенного Казахстана.

Шеф-редактор **М.ШАЙХУТДИНОВ**

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В XXI ВЕКЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Марат ШАЙХУТДИНОВ

События последних лет и недель свидетельствуют о том, что вся архитектура международных отношений пришла в движение. Все более отчетливо и рельефно проявляются глобальные мегатренды, заявившие о себе в начале XXI века.

Во-первых, это смещение мировых центров силы, ставшее еще более очевидным в условиях мирового финансового кризиса.

Во-вторых, это усиление влияния стран БРИК, экономический взлет Китая и возвращение России на международную арену в качестве важного регионального и глобального игрока.

В-третьих, это относительное уменьшение влияния США на международные процессы при одновременном усилении роли и значения Европейского Союза.

В-четвертых, это возрастание роли ряда региональных держав – в том числе Ирана, Египта, Нигерии, ЮАР, Венесуэлы, Мексики и некоторых других государств.

В-пятых, это нарастание интеграционных процессов в различных регионах мира – в АТР, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и т.д.

В-шестых, это резкое обострение различных глобальных проблем – энергетической, экологической, продовольственной и ряда других.

При этом важно отметить, что если до недавнего времени данные тенденции развивались в относительно спокойном и эволюционном ключе, то после конфликта на Южном Кавказе развитие событий приняло лавинообразный и чрезмерно конфронтационный характер.

Вышеобозначенные и иные тенденции вновь актуализируют дискуссии о том, какой будет формирующаяся архитектура международных отношений – однополярной, биполярной, многополярной или даже бесполярной. Так, например, по мнению Р.Хааса, основной чертой международных отношений в XXI веке станет бесполярность: «доминировать будут не одно, два или даже несколько государств, а десятки акторов, способных оказывать различное влияние на положение дел в мире».

В этих сложных условиях все более важное и значимое место в международных отношениях начинают занимать проблемы безопасности, поскольку не только отдельные государства, но и регионы и все международное сообщество заинтересованы в мире, спокойствии и стабильности, без которых не может быть устойчивого и сбалансированного развития.

В мире практически не осталось ни одной «тихой гавани», где страны и народы могли бы чувствовать себя в полной безопасности. И Центральная Азия и Каспийский регион в этом смысле – не исключение. Более того, в условиях новых, нетрадиционных вызовов и угроз, *уже ни одна держава, включая США, не в состоянии самостоятельно обеспечить собственную безопасность*. Все это актуализирует проблему создания всеобъемлющей коллективной системы безопасности, в необходимости которой Казахстан убеждал мировое сообщество с первых дней своей независимости.

События новейшей истории показывают, насколько хрупок мир, как быстро и легко он может быть разрушен легкомысленными и безответственными действиями той или иной страны, того или иного международного объединения. *Все более отчетливой становится взаимосвязь и взаимообусловленность национальной, региональной и глобальной безопасности*. И, соответственно, становится все более очевидной необходимость совместных, скоординированных усилий всех стран по снижению международной напряженности и поиску взаимоприемлемых решений всех имеющихся на сегодняшний день проблем.

К сожалению, геополитические реалии не дают нам особых поводов для оптимизма. Мы видим, что *усиливающаяся конкуренция глобальных игроков за контроль над мировыми природными ресурсами и важнейшими международными коммуникациями генерирует* (в том числе на Южном Кавказе, Центральной Азии, Каспийском регионе, Африке и Латинской Америке, Арктике и т.д.) массу новых опасностей для многих стран и регионов, *способствует обострению старых и рождению новых конфликтов, а также появлению новых разделительных линий в современном мире*.

Нас тревожит непоследовательная и сугубо эгоистичная политика некоторых государств и международных организаций в отношении так называемых «замороженных конфликтов». Так, на протяжении многих лет мир не форсировал процесс решения этих конфликтов, и это казалось вполне нормальным, поскольку были созданы различные форматы, в рамках которых шел поиск взаимоприемлемых формул.

Однако именно в 2008 году эти конфликты начали в экстренном порядке «размораживаться» на высочайшем международном уровне, включая ООН. *Глобальные игроки начали проявлять не вполне понятное нетерпение, убеждая мировое общественное мнение в том, что далее откладывать решение того или иного конфликта более нельзя*.

В результате *были даны неверные сигналы всем сторонам других «замороженных конфликтов»*. В настоящее время полным ходом идет разморозка «замороженных конфликтов» на Южном Кавказе, а также раздаются призывы к размораживанию конфликта вокруг Приднестровья.

В этом контексте *все, что мы наблюдаем в Южной Осетии, – это прямое последствие балканских событий*. И вряд ли можно ожидать, что это – последнее звено в цепи развивающихся событий вокруг «замороженных конфликтов».

Демоны сепаратизма вырвались на свободу, и главная ответственность за это ложится именно на те страны, которые, как нам представляется, должны были проявлять особую осторожность и ответственность на международной арене. Неужели ведущим игрокам не было ясно, что нельзя в начале года

утверждать, что есть вещи поважнее территориальной целостности Сербии, а уже спустя несколько месяцев апеллировать к принципу нерушимости европейских границ?

Нас особенно беспокоит тот факт, что в результате действий глобальных и региональных игроков *под вопросом находится вся современная система международного права*. Нормы международного права толкуются произвольно, в зависимости от так называемой «политической целесообразности». Применение влиятельными мировыми державами «двойных стандартов» в сфере международного права стали привычным и даже обыденным делом. Складывается впечатление, что теперь можно говорить не просто о кризисе, но и о девальвации международного права как общепризнанного регулятора отношений между странами и организациями.

Мы не можем оставаться безразличными к тому обстоятельству, что все чаще в процессе разрешения сложнейших международных проблем конфликтующие стороны прибегают не к дипломатическим методам, не к услугам международных посредников, а к языку шантажа и угроз, к грубой военной силе.

Перед лицом непрекращающегося насилия даже стороны, не вовлеченные непосредственно в конфликты, приходят к выводу о том, что *право силы в настоящее время ставится выше силы права*, а потому также делают ставку на укрепление своей военной мощи, как важнейшего гаранта обеспечения национальных интересов.

Государственные деятели ведущих государств мира сейчас говорят о том, что применение военной силы для разрешения международных конфликтов – не лучший способ в условиях XXI века. Но разве XXI век начался 8 августа 2008 года? Мы уверены, что многие проблемы 2001 и 2003 годов тоже можно было решить более мирным и цивилизованным способом, не выдвигая архаичного принципа «кто не с нами, тот против нас». И тем не менее это все же произошло.

Миру напоминают о недопустимости непропорционального ответа на военную угрозу со стороны агрессоров. Однако можно ли считать соразмерным и адекватным ответ на события 11 сентября 2001 года?

Некоторые политики возмущены варварскими методами ведения боевых действий в Грузии и Южной Осетии, как бы забыв о том, что в XXI веке уже имели место Абу-Грейб и Гуантанамо с бесчеловечными пытками военнопленных. Перечень подобных противоречий можно продолжать до бесконечности.

Как свидетельствуют последние события, мир еще далек от идеалов всеобщего мира, о котором мечтал когда-то И.Кант. Более того, еще не успев окончательно избавиться от последствий и лексики «холодной войны», международное сообщество постепенно погружается в пучину «горячего мира».

Достоин глубокого сожаления тот факт, что глобальные игроки и международные организации, провозглашающие своей целью обеспечение коллективной безопасности, *не только не в состоянии наладить стратегический диалог, но и проявляют готовность к свертыванию с трудом налаженных форматов сотрудничества* (G-8, Совет РФ-НАТО и др.). Это обстоятельство только способствует эскалации напряженности на международной арене.

Между тем без стратегического партнерства военно-политических и функциональных организаций (в том числе НАТО, ЕС, ОБСЕ, ОДКБ, ШОС, СВМДА) невозможно решить многочисленные проблемы региональной и глобальной безопасности.

Мы глубоко убеждены в том, что только на основе диалога и партнерства возможно эффективное решение таких проблем Центральной Азии, как борьба с международным терроризмом, религиозным экстремизмом, наркотрафиком, нелегальной миграцией, торговлей людьми и т.д.

Мы уверены, что только на основе взаимопонимания, а не противоборства и обостряющейся конкуренции глобальных игроков, могут быть быстро и достаточно эффективно решены различные аспекты мирового финансового кризиса, вопросы продовольственной безопасности, экологические проблемы современного мира.

В частности, необходимо еще раз задуматься, как может повлиять обостряющаяся конфронтация на решение проблем мировой энергетической безопасности. Нарастающие геополитические риски не только способствуют росту цен на энергоресурсы, но и ставят под вопрос безопасность как проектируемых, так и уже созданных экспортных маршрутов.

Такая ситуация опасна для всех участников международного энергетического рынка – и поставщиков, и транзитеров, и потребителей. Поэтому *Казахстан, будучи достаточно влиятельным участником мирового энергетического диалога, призывает все заинтересованные стороны уйти от конфронтации и обеспечить стабильность и безопасность мировых транспортных коммуникаций.*

Казахстан встревожен тем, что весь мир и практически все регионы, включая Центральную Азию, Каспийский регион и Южный Кавказ, охватила гонка вооружений, которая не только не приближает нас к всеобщему миру, но и препятствует экономическому росту. При этом под вопросом оказались некоторые весьма важные международные договоры, ограничивающие гонку вооружений. Более того, гонка вооружений может быть перенесена в космос.

К сожалению, тон в гонке вооружений задают глобальные игроки, которые не только обеспечивают собственные потребности, но и интенсивно насыщают современными вооружениями самые взрывоопасные районы мира.

В результате многие страны, еще не успев укрепить собственную экономику и решить жизненно важные проблемы социально-экономического развития, вкладывают непропорционально большие средства в военный бюджет, формируют достаточно внушительные армии и закупают самые современные и смертоносные вооружения.

При этом, как бы не замечая никаких противоречий в своем поведении, эти же страны обращаются к международному сообществу и международным финансовым институтам за финансовой и гуманитарной помощью. На наш взгляд, было бы разумно, если бы МВФ, Всемирный банк, ЕБРР и другие международные финансовые организации принимали во внимание данное обстоятельство при подготовке решений о выделении кредитов и грантов тем или иным государствам.

Казахстан, добровольно отказавшийся от четвертого в мире военного ядерного арсенала, не может равнодушно взирать на *расширивание самих ос-*

нов Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), на господство «двойных стандартов» в этой сложной и деликатной сфере, на фактическое неравенство участников этого соглашения, а также на то важное обстоятельство, что некоторые страны, располагающие ядерным потенциалом, находятся вне контроля со стороны мирового сообщества в лице МАГАТЭ и т.д.

Не может не тревожить и чрезмерная *политизация деятельности МАГАТЭ*, что ставит под вопрос объективность и непредвзятость ее инспекторов, находящихся под мощным давлением со стороны глобальных игроков. Нас тревожит и то обстоятельство, что некоторые влиятельные ядерные державы не предпринимают действенных шагов по сокращению своего ядерного арсенала.

К сожалению, приходится констатировать тот факт, что *все меньшую роль в урегулировании международных конфликтов играет ООН*. Данная универсальная организация и ее органы все чаще демонстрируют свою неспособность принимать эффективные меры в сфере обеспечения мира и международной законности.

Так, Совет безопасности ООН продемонстрировал свою слабость и непоследовательность в дни конфликта вокруг признания Косово, теперь он не в состоянии принять сбалансированное решение по Южной Осетии. В результате *мир с каждым днем убеждает в необходимости скорейшего реформирования ООН и Совбеза*. Необходимы действенные и эффективные реформы, которые обеспечат не только нормальную деятельность ООН и ее органов, но позволят более полно и справедливо представить в этих органах все регионы мира.

Драматические моменты в мировой истории несут с собой не только новые вызовы и угрозы, но и дают возможность каждой стране и международной организации еще раз осмыслить свою цель и предназначение, осознать свой истинный экзистенциальный смысл и сделать надлежащие выводы.

Мы уверены, что в настоящее время, когда под вопросом оказались основополагающие ценности глобальной эпохи, *открывается своего рода «окно возможностей» для перехода к более взвешенной международной политике*.

Начинается сложный и неоднозначный процесс реформирования различных международных организаций и интеграционных объединений, который может привести к существенному изменению всего расклада сил на международной арене.

Несомненно, необходимо время для того, чтобы мир пришел в состояние нового равновесия. Однако *уже сегодня важно начать поиск взаимоприемлемых формул, поиск общепризнанных правил игры*.

Казахстан, как и другие страны, заинтересованные в стабильном и предсказуемом мире, готов внести свой вклад в благородное дело укрепления международной безопасности, используя при этом все доступные нам форматы международного общения – ООН, ОБСЕ, СНГ, ШОС и др.

Мы убеждены, что свою незаменимую роль должны сыграть различные механизмы коллективной дипломатии, в том числе и *Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии*, которое за годы своего существования превратилось в один из важнейших механизмов обеспечения безопасности и сотрудничества на азиатском континенте. Потенциал СВМДА далеко не

исчерпан, и мы возлагаем на него особые надежды, поскольку в данном формате страны учатся не только цивилизованно решать различные конфликты, но и предотвращать само их появление. В этом плане *будущее – за превентивной дипломатией.*

Казахстан, которому в 2010 году предстоит председательство в ОБСЕ, постарается использовать свою каденцию для дальнейшей нормализации международных отношений, а также *для всемерного укрепления роли данной организации в обеспечении мира и безопасности на всем пространстве ответственности ОБСЕ.* Надеюсь, что наши усилия получат политическую и моральную поддержку со стороны международного сообщества.

ABSTRACT

In this article Dr. Shaikhutdinov places his arguments on the most complicated issues of regional and global security in light of the latest crises in world economy and international politics.

He starts with a claim that the current financial crisis and some serious errors in unilateral pursuit of national interests leads to the weakening of one-polar world. This is accompanied by a continuing growth of international importance of BRIC countries and a dozen of other regional players.

The recent developments on the world arena indicate that no individual country, including the US, is capable of securing not only global security but even its own. This gives the creation of all-embracing system of collective security even higher priority, of which Kazakhstan has urged others so long.

Ideas concerning the need to 'defrost' some of old conflicts in Europe and the events of early 2008 surrounding Kosovo sent the wrong signals to those involved and led to a grave crisis in world diplomacy. It is sad that the West doesn't understand that one cannot first claim irrelevance of Serbia's territorial integrity in face of other factors and few months later appeal to the same principle of permanence of European borders.

All this threatens the relevance of international law in contemporary world. Double standards became a common practice and the power of strength gradually regains its superiority over the power of law. In Dr. Shaikhutdinov's words one can even speak of devaluation, not a crisis, of international law.

It is sad to see how principal players easily consider the possibility of abolishing the hard-won arrangements of strategic dialog between them, such as G-8 or Russia-NATO council.

In this situation Kazakhstan calls all governments to strengthen dialogs between them, avoid confrontation and keep searching for steps appropriate for each side of any relation in every possible way. It is important to remain responsible and Kazakhstan would continue to remind of these values within its roles in OSCE, CICA and other international arrangements.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ¹

Фредерик СТАРР

Уже в 1991-1992 годах, когда СССР еще толком и не развалился, прозвучали голоса тех, кто ратовал за «интеграцию» между бывшими союзными республиками. Некоторые из них призывали к масштабному восстановлению старых связей, но в рамках новой политической системы. Другие фокусировали внимание на разных видах «интеграции» в отдельно взятых регионах, особенно в Центральной Азии. И в самом деле, наряду с заявлениями о необходимости защитить и укрепить суверенитет новых государственных образований, всегда раздавались и призывы к новой форме региональной интеграции бывших советских республик Центральной Азии.

Однако попытки реализации этих идей до сих пор были неудачными. Некоторые из этих экспериментов сошли на нет по естественным причинам. Другие были хладнокровно уничтожены. Наиболее многообещающим был Центрально-Азиатский Союз (ЦАС), созданный Казахстаном, Узбекистаном и Кыргызстаном вскоре после обретения ими независимости и расширившийся в конце таджикской гражданской войны за счет Таджикистана. Мой казахский друг С. Примбетов потратил немало усилий на разработку способов снизить таможенные барьеры и ускорить прохождение товарами границ внутри региона. У старого ЦАС была даже собственная повестка по обеспечению безопасности. Я помню, как меня пригласили попристутствовать на встрече офицеров вооруженных сил региона в Бишкекской штаб-квартире объединения.

Однако успехи ЦАС были слишком явными. Россия попросила включить ее в состав этого объединения, и ей не могли отказать. Через некоторое время организация была распущена, а точнее поглощена Евразийским экономическим сообществом, здравствующим и поныне.

Ни ЦАС, ни какая-либо другая инициатива не охватывали все бывшие советские республики Центральной Азии. Политика нейтралитета не позволяла Туркменистану присоединиться к данному процессу, в то время как Таджикистану до 1997 года мешала его гражданская война.

Участие Афганистана было немислимо, по крайней мере до 2001 года. И даже после известных событий в этой стране присоединение Кабула к региональным инициативам вплоть до настоящего времени остается неясной абстрактной идеей. Туркменистан все еще предпочитает находиться за пределами региональных объединений. Единственной общерегиональной инициативой с участием исключительно стран Центральной Азии на сегодня является созданная в 2007 году в г. Семей (Семипалатинск) Центральноазиатская безъядерная зона. И это результат десятилетней работы дипломатов стран региона.

---

¹ Перевод с английского А.Абдрахманова

Сегодня президент Н.Назарбаев активно выступает за создание обновленного Союза Центральноазиатских государств (СЦАГ). Он достаточно убедительно пропагандировал эту идею во время своих поездок в соседние страны, и его слова получили положительный отклик в Таджикистане и особенно в Кыргызстане.

Однако новому ЦАС все еще предстоит приобрести очертания реальности. Внутрорегиональное сотрудничество остается на низком уровне и демонстрирует немного признаков вероятности ее активизации в ближайшем будущем. На этом фоне стоит спросить себя: «Что мешает большему сотрудничеству в Центральной Азии? Что его сдерживает?»

Знакомясь с обширной литературой на заданную тему, внимательный исследователь натывается, по крайней мере, на шесть разных «объяснений» причин низкого уровня внутрорегионального сотрудничества и интеграции в Центральной Азии. Позвольте мне рассмотреть поочередно каждое из них.

Аргумент первый: этнические различия

История этого аргумента в научной литературе доказывает, что даже многократно повторяемая ошибка все равно остается ошибкой. В своей классической форме это аргумент о противопоставлении друг другу персоязычных и тюркоязычных народов. Его проблематичность, очевидно, заключается в том, что ни национальные культуры, ни отдельные семьи, ни даже индивидуумы не могут быть аккуратно разложены по культурным полочкам. Покажите мне, пожалуйста, таджика из Душанбе, Самарканда или Бухары, чья ДНК не содержит в себе тюркские гены, или же, допустим, узбека или кыргыза из Ферганской долины, чья ДНК не содержит генов таджикских.

Более того, культурные различия внутри каждой из этнических групп также значительны. Что бы ни происходило в прошлом, сегодня кыргыз из Чуй отличается в культурном отношении от кыргыза из Баткена, узбек из Ташкента от узбека из Каракалпакстана, а таджик из Бадахшана отличается в религиозном и языковом отношении от таджика из Зарафшана. И в самом деле, если не учитывать случавшиеся время от времени войны, начиная с кушанских времен и до наших дней, тюркские и персидские народы продолжают тесно взаимодействовать между собой.

Аргумент второй: кочевнические традиции против городских

Этот аргумент пережил своего рода ренессанс в последние годы, в основном благодаря его популяризации среди казахов и кыргызов, исторически кочевых народов. Его адепты стремятся подчеркнуть «горизонтальный» характер политических культур своих народов в противовес «вертикальному» характеру построения персоязычных сообществ «оазисного» типа.

В этом есть своя доля истины, как на то уже давно указал выдающийся германо-американский ученый Витфогель. Этот аргумент исходит из специфических черт земледельческих и скотоводческих культур.

Тем не менее, данный аргумент упускает из виду два важных аспекта. Первое, оазисные и кочевые сообщества, как утверждал более века назад В.Бартольд, долгое время сосуществовали в симбиотической связи друг с другом, который даже приобрел характер взаимной зависимости. Второе,

этот аргумент не учитывает огромного «абсорбирующего» влияния городского образа жизни и его способности трансформировать людей вопреки их воле.

В Центральной Азии это происходило даже легче, чем в большинстве других районов мира, поскольку старый земледельческий аргумент утратил свою актуальность в городах, что существенно упростило для них задачу абсорбирования и аккультурации кочевников.

Аргумент третий: сохраняющееся влияние гегемонии Кокандского, Хивинского и Бухарского ханств

До 60-х годов XIX века центральноазиатские народы не имели непосредственного опыта существования в рамках государства-нации и даже его колониальной формы. Вместо этого они имели дело с довольно жестоким правлением эмирами Хивы, Бухары и особенно Коканда.

Туркмены, казахи и кыргызы имели собственные устремления, а последующие конфликты между этими тюркскими племенами и урбанизированными властями эмиратов были острыми, жестокими и продолжительными. Однако насколько сегодня важно знание того факта, что кыргызы когда-то искали российской протекции против кокандских репрессий? Или того, что туркмены, даже в наши дни, в наиболее сложные для двусторонних отношений моменты могут рассматривать современный Узбекистан как наследника традиций Хивы и Бухары, плативших своим солдатам с учетом количества отрубленных ими туркменских голов?

Вспоминая о тех давних конфликтах, следует признать, что сегодня они расположены под несколькими слоями более позднего опыта истории, часть которого была намного болезненней. И если некоторые из них имеют резонанс даже сегодня, они представляют собой всего лишь один голос в составе более многочисленного хора, да и то не самый громкий.

Аргумент четвертый: религия

Другой аргумент, часто упоминаемый в наши дни, заключается в том, что узбеки и таджики (а также афганцы) являются давними членами всемирной мусульманской общины, в то время как казахи и кыргызы - нет. В противоположность глубоко исламизированным городским культурам, общества, остававшиеся кочевыми вплоть до относительно недавнего времени, сохранили анимистские и шаманистские элементы в своем мировоззрении. За пару последних десятилетий большое количество научных трудов было посвящено этой теме, а также продолжающемуся до сегодняшнего дня влиянию вероисповеданий кочевников.

У этого аргумента имеются определенные основания. Однако реальность заключается в том, что все религии в Центральной Азии пересекали этнические границы, включая и те, которые сегодня стали национальными (государственными).

Это достоверно в отношении анимизма, но так же и в отношении зороастризма, буддизма, христианства и ислама. То же самое можно сказать и о секуляризме. В самом деле, секуляристы в Таджикистане и Казахстане имеют гораздо больше общего друг с другом, чем с ревностными верующими в своих странах.

Аргумент пятый: наследие российской политики «разделяй и властвуй»

Очевидно, что Российская империя, подобно своему французскому, португальскому и британскому аналогам, активно применяла на практике принцип «разделяй и властвуй». Наиболее наглядно это проявилось в эпохальном, а, по мнению некоторых, и трагическом размежевании 1924-1925 годов и его поздних этапов в 1930-е годы.

В то время советские стратеги бились над труднейшей задачей обеспечения каждого из крупнейших этносов региона собственной территорией. Однако они намеренно осуществили все это таким образом, чтобы каждая из групп зависела напрямую от Москвы, поскольку могла получить территорию только за счет своих соседей. В то же время в нескольких случаях принятые решения создали новые расколы внутри советских республик, которые фактически подрывали их возможности действовать на внешней арене с большей уверенностью. И никто не может отрицать того, что наследие тех решений ощущается вплоть до наших дней.

Признавая это, следует также обратить внимание и на тот факт, что сформированные когда-то Москвой республики сохраняют ряд общих черт, которые в значительной степени нейтрализуют эффект национально-государственного размежевания. В царское время движение джадидов носило региональный, но не национальный характер, так же как и восстание 1916 года. С высоты сегодняшнего дня можно признать и своеобразную ценность басмаческого движения, в том смысле, что это было такое же длительное общерегиональное явление, как эмансипация женщин, урбанизация и, конечно же, советизация правительственных и военных учреждений и общественных служб.

Нет ничего удивительного и в том, что в 1960-е и 1970-е годы одновременно возвысилась группа первых секретарей компартий союзных республик, правивших своими вотчинами сильной рукой. Туркмен Мухамметназар Гапуров, казах Динмухаммед Конаев, узбек Шараф Рашидов, таджик Джабор Расулов и кыргызы Турдакун Усубалиев были весьма разными личностями. Но различия между данными руководителями были гораздо менее заметны по сравнению с их сходством.

В свете этого общего наследия трудно признать правомочность того утверждения, что успехам региональной интеграции сегодня препятствуют последствия советской практики «разделяй и властвуй».

Действительно важный фактор: защита суверенитета

Из приведенного обзора мы можем заключить, что, несмотря на наличие множества исторических, этнографических, религиозных и политических обстоятельств, мешающих на сегодня региональной интеграции, каждое из них уравнивается другими факторами, в свою очередь благоприятствующими развитию многостороннего сотрудничества в Центральной Азии. То есть мы не обнаруживаем в рассмотренных аргументах объяснений неудач сегодняшнего дня.

Поэтому мы позволим себе сфокусировать наше внимание на историческом опыте, накопленном за время государственной независимости стран региона. В нескольких словах суть вопроса звучит так: *что же произошло?*

Все очень просто - *распалась империя, и из ее развалин возникли новые суверенные образования.*

Распад империй - явление не новое. Он начался с провозглашения независимости США от Великобритании в 1776 году и получил свое продолжение в виде постепенного развала Испанской империи в XIX веке, за которым последовали распад французской, голландской, португальской и британской колониальных империй в середине XX века. Российская империя распалась в 1914-1917 годах, однако была в несколько иной форме восстановлена силой оружия. Ее наследница - советская империя - распалась в 1991-1992 годах.

Десятки новых государств, возникших на руинах империй в Азии, Африке и обеих Америках, различаются так же сильно, как различаются культуры, на которых основаны их национальные идеологии. Но все они имеют ряд важных объединяющих их признаков.

Все они неизбежно фокусируются на самих себе, принимая законы, устанавливая общественные институты и придавая своим экономикам большую устойчивость. Превыше всего они ставят защиту и укрепление своего суверенитета и поэтому создают собственные законодательство, институты, символику и мифологию, призванные служить этой цели. Государства, стремящиеся к сохранению своего суверенитета, неизбежно будут рассматривать свои внешние связи именно с этой точки зрения. Джордж Вашингтон, подчиняясь закону и уходя в 1800 году после восьми лет службы с поста президента, призывал США заниматься решением именно этой важнейшей, с его точки зрения, задачи.

Это помогает нам объяснить как ограниченное развитие ЦАС, так и относительную безуспешность недавних попыток Астаны по стимулированию региональных соседей Казахстана к созданию нового интеграционного объединения. ЦАС достиг очень многого, но за его основу была принята модель Европейского Союза с его тенденцией к слиянию суверенитетов. Все соседи Казахстана будут противиться этому, поскольку их приоритетной задачей является сохранить и укрепить свой суверенитет, а не ограничивать его. В то же время соседние государства отчетливо осознают ценность *сотрудничества и координации* на региональном уровне.

Избегая приглашений к *интеграции*, с ее сильными политическими тонами, они готовы поддержать предложения по развитию сотрудничества и координации усилий, особенно в экономической сфере. *Другими словами, выбор между дорогой к успеху и дорогой к неудаче этой важнейшей инициативы может зависеть всего лишь от одного слова!*

Позитивный подход к региональному сотрудничеству отражен в подписании Семейских (Семипалатинских) договоренностей 1997 года. Он также получил свое отражение в том факте, что даже в сферах наибольших разногласий со времен распада СССР (делимитация границ, вопросы водных ресурсов) государства региона всегда воздерживались от вооруженного противостояния и каждый раз проявляли свою способность находить компромисс. В этом отношении центральноазиатские государства представляют собой образец сотрудничества и координации. Особенно, если сравнить эту ситуацию с конфликтами в постколониальных странах Азии, Африки и Латинской Америки за последние 175 лет.

Посредством негласных консультаций и взаимных уступок новые правительства находили приемлемые для всех решения. Они были несовершенны, но все же предотвращали переход противоречий к фазе вооруженного конфликта. А признавал ли кто-либо когда-либо это достижение центральноазиатских правительств?

Конечно, историческая память укрепляет их умеренность в желаниях и готовность идти на взаимные уступки. Коллективизация и политические чистки 1930-х годов уничтожили значительную часть населения всей Центральной Азии и продемонстрировали, как чрезмерный накал страстей может привести к разгулу политического террора. Однако как бы то ни было, в рассматриваемом регионе сегодня больше готовности к уступкам и пониманию. И это позволяет нам предсказывать *сотрудничеству* и *координации* в Центральной Азии светлое будущее.

Фактор табу: взгляды великих держав на региональное сотрудничество и координацию.

За всю историю центральноазиатских государств многие из наиболее сложных вызовов для региона исходили извне. Не важно, говорим ли мы при этом о персах, греках, арабах, китайцах, монголах, сельджуках или русских, мощные соседние государства частенько пытались изменить отношения в Центральной Азии так, чтобы они соответствовали их собственному видению региона. В некоторой степени это имеет место и сегодня, на этот раз с участием России, Китая, США и ЕС.

Следует заметить, что многочисленные попытки такого рода за последние два-три тысячелетия были далеки от успеха. Действительно, греки и арабы завоевывали регион, и их присутствие оставило здесь определенный след. Однако жителям Центральной Азии требовалось всего лишь несколько лет для того, чтобы взять в свои руки контроль над империей Александра Македонского или Багдадским халифатом эпохи Аббасидов. Даже «мега-государства» сельджуков и монголов прошли тот же путь, поскольку местные народы и культуры планомерно трансформировали их в нечто отчетливо центральноазиатское.

Сегодня будущее регионального сотрудничества и координации во многом зависит от ответа на простой вопрос: позволят ли это внешние игроки? По данной проблеме Москва высказалась весьма прямолинейно: центральноазиатские государства не могут создавать свои организации в какой-либо сфере, если в них не участвует Россия.

Эта позиция была доведена до каждого из правительств в регионе весьма доходчиво. Ее контекст стал более явным, когда россияне первыми попросились в ЦАС, а затем инициировали его слияние с ЕврАзЭС и, соответственно, окончательный роспуск субрегионального альянса. В любом случае это является серьезным препятствием на пути формирования какой-либо исключительно центральноазиатской формы институционального сотрудничества. Но это еще не вся история.

Другие партнеры Центральной Азии, включая США, ЕС, Японию и Корею, считают вполне нормальным и приемлемым право центральноазиатских государств создавать любые организации с эксклюзивным участием стран региона. Более того, самый мощный сосед региона, Китай, также разделяет

эту точку зрения, тем самым прямо отрицая российскую позицию по данному вопросу.

22 мая 2008 года гостем Института Центральной Азии и Кавказа в Вашингтоне был выдающийся китайский эксперт по вопросам ШОС. Директор Центра по изучению ШОС в Шанхае, Пан Гуан является одним из наиболее авторитетных экспертов по этому межгосударственному объединению. И хотя формально он не является сотрудником этой организации, тем не менее, его взгляд на ту или иную проблему воспринимается во многом аналогично тому, как в бывшем Советском Союзе относились к мнению Георгия Арбатова – как к очень авторитетному политическому заявлению достаточно высокого уровня.

Во время своего визита в Вашингтон доктор Пан Гуан выступил с докладом на тему «Новые тенденции в ШОС». Первый же вопрос, заданный ему после завершения выступления, касался того, признает ли китайское руководство право центральноазиатских государств на создание собственного объединения, без участия внешних игроков, в том числе Китая и России. Ответ Пан Гуана был недвусмысленным: да, они имеют такое право, и Китай будет не согласен, если какая-либо страна будет отрицать это их право. Другими словами, китайцы не возражают против создания какой-либо новой формы ЦАС, в который не входило бы ни одно из внерегиональных государств, включая и сам Китай. Значение такого заявления не стоит недооценивать.

Заключение: хорошие перспективы на будущее

Какие выводы можно сделать из приведенного выше обзора?

Во-первых, не существует исторических, этнографических или религиозных факторов, которые делают невозможным более высокий уровень взаимодействия центральноазиатских государств. На каждую из наиболее очевидных центробежных сил находится соответствующая сила центростремительная. В самом деле, если рассматривать их опыт в сравнительном контексте, за время своей государственной независимости страны Центральной Азии проявили гораздо более высокий уровень сдержанности в отношениях друг с другом, чем большинство постколониальных государств Азии, Африки и Латинской Америки.

Во-вторых, маловероятно, что новые государства будут искать пути вхождения в состав *любых* объединений, как со своими непосредственными соседями, так и с другими странами, которые будут ограничивать их суверенитет. Поэтому «интеграция» в смысле слияния суверенитетов не будет находиться на их повестке дня в обозримом будущем.

В-третьих, не приемля политической «интеграции», каждое из государств региона кажется вполне подготовленным к вхождению в состав новых объединений, которые усилят *координацию* и *сотрудничество* в Центральной Азии. Вероятность этого достаточно высока, а выгоды подобных соглашений могут быть гораздо ближе к тому, что на самом деле подразумевается сторонниками неудачно подобранного ими слова «интеграция». Ключевое различие заключается в том, что *координация* и *сотрудничество построены на фундаменте суверенитета* и на самом деле его лишь укрепляют, в то время как «интеграция» воспринимается в новых государствах как способ ее ограничения и завуалирования.

В-четвертых, все основные партнеры стран региона, за исключением России, рассматривают право центральноазиатских государств на создание собственных организаций и групп без участия внешних игроков как вполне обоснованное и легитимное. И действительно, в истории постколониальных государств это скорее норма, нежели исключение. Как народы Центральной Азии будут решать данные вопросы, это их личное дело. Внешние же игроки должны принять их право и ни в коей форме его не ограничивать.

ABSTRACT

In this article Dr. Starr employs historical experience of relations between peoples of Central Asia to support the plausibility of regional cooperation. He identifies the most widespread arguments employed by those who hold skeptical views on Central Asian regionalism and provides his own interpretation of them.

He first deals with five factors coming from the historical past. Namely Dr. Starr analyzes the arguments based on divisions within the region along the following lines: ethnic, religious, urban versus nomadic, heirs of the oppressors of the 19th century versus heirs of the oppressed. His statement is that neither of these factors is sufficiently relevant today to prevent better understanding between the regional states.

Dr. Starr also argues that despite the attempts from Saint Petersburg and Moscow to “divide and rule” the peoples of the regions, nevertheless they always had many common features and tendencies. Here he reminds phenomena of all-Central Asian importance in the 20th century – Jadidism, revolt of 1916, basmachi, strong and covertly nationalist leadership in 1960s and 1970s.

He then proceeds to the strongest argument of deniers of Central Asian regionalism, namely the priority placed by the young nations on defending their sovereignty. Providing examples from the world history, Dr. Starr argues that expecting national governments to readily limit their sovereignty, which regional integration implies, is unreasonable. However, each Central Asian state is willing to get involved into regional cooperation and coordination without the uncomfortable meanings of ‘integration’.

Dr. Starr also claims that the theoretically bright future of Central Asian cooperation largely depends on the actions of foreign players in this area. He claims that none of the extra-regional players (Russia in first place) should deny the Central Asia states the right to promote their intra-regional arrangements for cooperation and coordination.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ, ЮЖНЫЙ КАВКАЗ И КАСПИЙ -
ЕДИНЫЙ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕГИОН.
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И РИСКИ ДЛЯ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

Алексей ВЛАСОВ

Можно только согласиться с великим поэтом: действительно, счастлив тот, кто посетил сей мир в его минуты роковые. На наших глазах формируются новые геополитические реалии, утрачивают свое значение прежние правила игры, в мучительных противоречиях создаются новые, и мы становимся не только сторонними наблюдателями, но и непосредственными участниками этих процессов. Но и цена происходящего (экономическая, политическая, социальная) множится, поскольку мы уже не можем взирать на боль, кровь, страдания отстраненно, через фильтры терминов большой геополитики, а ощущаем сопричастность к трагическим судьбам людей, вовлеченных в большой передел постсоветского пространства. Усиливающаяся борьба за ресурсы, движение к новой разделительной линии и, следовательно, холодной войне (правда, учитывающей правила глобального общежития) - все эти факторы приводят к серьезным переменам на постсоветском пространстве, которое окончательно утратило прежние очертания и стало полем открытой борьбы между «большими игроками».

После событий 8 августа 2008 года стало очевидно, что на смену прежним политическим, экономическим, социо-культурным связям, стягивающим виртуальное пространство постсоветской или, если угодно, постимперской системы, приходит новая реальность огромных геостратегических регионов, системообразующим началом для которых выступают нефть, газ, уран, пространство, удобное для транспортировки энергоносителей. Именно здесь будут решаться конкурентные споры с участием великих и региональных держав, именно здесь нужно будет искать ответ на вопрос, по какому сценарию развития идет XXI столетие, будет ли этот мир свободен от глобальных рисков и нарастающей конфликтогенности.

Южный Кавказ, Каспий, Центральная Азия образуют один из ключевых геостратегических регионов, расположенных в важнейшем транспортно-ресурсном коридоре на пересечении Востока и Запада. 8 государств, более 80 миллионов населения, взаимосвязанная инфраструктура. Без четкого понимания геоэкономических и геополитических предпосылок к внутрорегиональной интеграции невозможно оценить перспективы развития Южного Кавказа и Центральной Азии. Как отмечает директор базирующегося в Азербайджане Института стратегических исследований Кавказа Э.Исмаилов, перспективы развития данного геостратегического региона в решающей степени зависят от рационального использования преимуществ геополитического и геоэкономического положения Центральной Евразии между двумя мегарегионами - Евро-Атлантическим и Азиатско-Тихоокеанским, что во многом и будет определять размещение мировых сил в новом столетии.

События последнего времени окончательно сломали внутренние коммуникационные барьеры, и теперь очевидно, что дестабилизация в одной из

частей этого региона ведет к сбоям по всему пространству от Еревана до Ашхабада. Речь идет не только о формальных экономических и финансовых потерях, упущенных выгодах. Это - системный удар по экономической безопасности государств, чей бюджет зависит от экспорта каспийской нефти и газа, от бесперебойных поставок энергоносителей в Европу и Китай.

Это - резкое ухудшение инвестиционного климата, что в первую очередь сказывается на экономике Казахстана и Азербайджана. Это - туманное будущее для стратегических проектов на ближайшие 10-15 лет.

По прогнозам экспертов «Caspian Energy Alliance», после стабилизации ситуации в зоне южноосетинского конфликта Казахстану, Туркменистану и Азербайджану потребуется время, значительные политические и дипломатические усилия для продвижения переговорного процесса по созданию транскаспийской экспортной системы.

Прежние схемы региональной безопасности показали свою недостаточную эффективность, поскольку они выстраивались исходя из главных рисков начала столетия, связанных с проблемой мирового терроризма. Сотрудничество между Востоком и Западом стало возможным благодаря четкому определению «трех сил зла», и ныне, хотя опасность со стороны международного терроризма и сепаратизма далеко не преодолена, на первый план выходят принципиально новые факторы.

Сейчас мы видим, что ни ООН, ни структуры СНГ, ни НАТО, ни мифические «совместные силы» безопасности не в состоянии преодолеть кризис доверия, создать фундамент для эффективного диалога, для окончательного отказа от игр с нулевой суммой возможностей. И тенденция будет сохраняться до тех пор, пока не будут сформированы новые - общие и ясные правила взаимодействия между участниками «Большой игры».

Не следует ожидать быстрого и безболезненного перехода к новым стратегиям. Многим политикам кажется, что все происходящее - это не новые реалии, а временное отступление от прежних, вполне разумных начал. Однако давайте оценим эффективность прежних стратегий безопасности применительно к нынешнему моменту. Ни открытые, ни закрытые стратегии с участием или же без участия внешних игроков не оказались гарантией от перерастания конфликтов вокруг непризнанных государств в горячую фазу противостояния.

Но повод для оптимизма сохраняется. Как справедливо заметил Р.Хаас, когда так много игроков обладает значительной силой и пытается оказывать влияние, труднее организовать коллективные действия и заставить организации работать. Но при этом ни одна из противоборствующих сил не сможет претендовать на роль абсолютного лидера в регионе, напротив - дальнейшая логика развития геополитических и геоэкономических процессов будет подталкивать к коллективным действиям для решения проблем Кавказа и Центральной Азии.

На первый план выходят консультации с участием всех заинтересованных сторон, формирование новых, более эффективных переговорных площадок. Будем реалистами, в нынешней ситуации идея «мирного Кавказа и Центральной Азии» подразумевает не создание какого-либо нового объединения, а выявление общих интересов и обеспечение условий мирного сосуществования путем переговоров и соглашений.

Роль и значение Казахстана в преодолении нынешнего кризиса доверия исключительно велика. Необходимо только перейти от роли модератора в крупных международных пиар-проектах к роли медиатора в конфликтных ситуациях. Да, неблагодарная и ответственная роль. Но и планка, которую казахстанское руководство определило для статуса своей страны в современной мировой политике - высока.

И хочется надеяться, что этот потенциал будет реализован уже в ближайшее время. В формате данного геостратегического региона необходимо укрепить роль и значение СВМДА, которое в нынешних условиях должно играть ключевую роль в восстановлении пространства доверия между ключевыми участниками международной политики. Прежде всего, через выработку превентивных мер по предотвращению перехода конфликтных ситуаций из «замороженного» состояния в горячую фазу. В этом контексте СВМДА может перейти от слов к делу и не только развивать системы мониторинга и контроля над конфликтными ситуациями, но и создавать механизмы их предупреждения, что обозначено в «кооперативном подходе к реализации мер доверия».

Главное достоинство СВМДА заключалось в том, что это была единственная структура, изначально ориентированная на формат геостратегических регионов, а теперь настал момент расширить географический и содержательный формат работы этой структуры, перейти от имиджевой составляющей к реальным делам.

Напомню слова Президента Казахстана Н.А. Назарбаева: «Вместе с другими государствами мы готовы поддерживать усилия, направленные на сближение Востока и Запада в понимании ключевых вопросов современного мироустройства. Государства-соседи не могут нормально сотрудничать, строить планы на будущее и при этом не доверять друг другу. Недоверие может иногда выигрывать как метод, но оно всегда проигрывает как принцип».

В нынешних условиях актуальность этого обращения возрастает многократно. Пора не только слушать, но и, наконец, услышать друг друга.

ABSTRACT

In his article Dr. Vlasov argues that Central Asia, Caspian and the Caucasus form one of the key geostrategic regions located in a highly important resource-transporting corridor at the crossroads of East and West. It contains 8 nations, 80 million people and intertwined infrastructure. Prospects for development of this strategic area depend greatly on rational use of the favors of its geopolitical and geoeconomic location between two mega-regions – Euro-Atlantic and Asia-Pacific, which would to a serious extent define disposition of powers in the new century.

After the recent events in South Ossetia it became clear that the former schemes of regional security proved their low efficiency since they were shaped with assessment of international terrorism as the major risks of the earliest years of the decade. Collaboration between East and West

was possible thanks to clear definition of the “three evils”. But although threats coming from international terrorism and separatism have hardly been overcome, principally new factors come into force today.

Now we see that neither UN, nor CIS, nor NATO, nor mythical “joint security forces”, are incapable of overcoming the crisis of trust and creating fundament for efficient dialog, as well as of eventual rejection of the zero sum games. And the tendency would persist until the new common and clear rules of interaction between those involved in the Great Game are established.

When so many players possess significant force and attempt at influencing others it get harder to arrange collective efforts and force organizations to function. But none of the counteracting sides can claim the role of an absolute regional leader. On the contrary, the further logic in development of geopolitical and geoeconomic processes would encourage them into collective actions for solving problems of the Caucasus and Central Asia.

Primarily role is going to be played by consultations involving all interested parties, formation of more efficient grounds for dialog. Realistically in current situation the idea of “peaceful Caucasus and Central Asia” implies not establishment of a new organization but revealing common interests and securing conditions for peaceful coexistence through negotiations and agreements.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

Муратбек ИМАНАЛИЕВ

Сегодня нет сомнения в том, что человечество переступило порог пространства глобальных кризисов, таких как кризис глобальных Идей, Религий, мировоззренческо-философских, социально-политических концепций и т.п.

Все ощутимее влияние демографического давления – сказывается отсутствие глубокого анализа и прогноза, реальных программ и проектов на этом направлении. Бесконтрольное и непрогнозируемое масштабное перемещение людей по планете порождает и развивает весьма своеобразные стереотипы поведения (иногда депрессивные), а порой формируя агрессивные настроения, влияющие на состояние и развитие отношений как между отдельными индивидами и сообществами, так и между государствами.

Возникли серьезные экологические проблемы, среди которых и нависшие над нами некие «разноцветные облака», и так называемое глобальное потепление. Человеческая деятельность перешагнула за линию безопасности отношений с Природой, за которой людей могут ожидать непредсказуемые формы наказания за безответственное отношение к планете, на которой они живут.

Одним из проявлений кризиса безопасного существования людей стало чрезмерное производство, накопление и распространение оружия всех видов и т.д. Поразительно то, что человечество, активно борясь с распространением оружия массового поражения, где, к сожалению, успехи весьма незначительны, фактически «прозевало» нагромождение ужасающих объемов обычного оружия, которым, как выяснилось, тоже можно истребить немалое количество людей.

Нередки в практике человеческого бытия и всякого рода гуманитарные кризисы. Достижения людей в области науки, прежде всего биотехнологические, могут породить новое понимание морали и нравственности.

«Всемирная паутина», которая все более мелкой сетью покрывает планету, видится не только как мощный и молниеносный инструмент информационного насыщения, но и как колоссальный ресурс формирования новой культуры, в том числе поведенческой.

Нарастают угрозы со стороны разноплеменных трансграничных преступников, объединенных зачастую при содействии и правительств, и государственных фондов в мощные международные криминальные синдикаты, иногда претендующих на роль неких лидеров народов, религиозных течений и различных полумифических наднациональных сообществ.

Экономический разрыв между развитыми и развивающимися странами и регионами перманентно расширяется. Миллиард в «заплатках» противостоит «золотому миллиарду».

Энергетика, продовольствие и преступная деятельность людей становятся факторами, определяющими наиболее важные векторы активности правительств, международных организаций и негосударственных сообществ. Нередко, как это ни печально, они влияют на процессы, имеющие отношение к гуманитарной сфере жизнедеятельности людей.

Человечество, в общем-то, согласилось с тем, что его в предсказуемом будущем ждет так называемая глобализация. Правда, разброс прогнозируемых векторов развития мировой цивилизации был и есть достаточно широк, хотя бы потому, что каждая страна или группа стран, предъявляющих человечеству свою концепцию или видение развития глобализации, стремится сконструировать свое участие в предполагаемых процессах в более привилегированном и надежном положении, нежели другие, т.е. таким образом пытаюсь уже сейчас защитить свои интересы в будущем.

Актуален вопрос, на который пока нет внятного ответа: нынешние процессы – это нечто принципиально новое в жизни людей, рожденное в недрах упомянутых выше кризисов, или это их продолжение? Что будет лежать в основе будущего развития человечества – духовные интересы или материальные потребности?

Глобализация - экономическая, информационная и т.п. - в американском, европейском, российском, китайском, исламском проектах рассматриваются предтечей глобализации геополитической – однополярный мир (безусловное доминирование одной страны), многополярный мир (разбивка политической и экономической карты мира на сферы влияния), бесполюсный мир и т.д. Все варианты предусматривают превосходство тех или иных ценностных ориентиров и емкостей, а значит лидерство или гегемонию той или иной страны либо группы государств.

Нередко эти ценности представляют собой совокупность весьма гипертрофированных и мнимых преимуществ. Зачастую морально-нравственные критерии и оболочки подобных ценностей если не отсутствуют, то, во всяком случае, размыты. Авторитет государств строится на военной, экономической, научно-технической мощи, но никак не на моральной и духовной.

При этом мы все осознаем, что оценки и выстраиваемые предположения по поводу вышеизложенного зачастую полярны и спорны, но имеют право на существование, хотя бы потому, что у разных людей и народов разные Боги.

Однако в одном практически все футурологи и иные политпредсказатели единодушны – кардинальные изменения в нашей с вами жизни коснутся всех, без исключения, сфер деятельности людей и государств. И пока более или менее понятно то, что глобализация несет в себе потенциал как позитива, так и негатива.

Изложенное выше имеет непосредственное отношение и к центрально-азиатским государствам. Они появились на политической карте мира в эпоху перехода человечества из одного состояния в другое. Представляется, что транзит из социализма в капитализм, от плана к рынку в своих смысловых конструкциях все-таки менее значим, чем актуальность анализа и оценки возникших глобальных кризисов и понимание смысла новых исторических процессов, хотя бы потому, что пресловутый транзит есть ни что иное, как часть этих процессов. Именно поэтому перспективный обзор и моделирование грядущего развития должно быть более масштабным.

При этом следует иметь в виду так же, что государства региона становятся участниками международной жизни в условиях постепенного разрушения сложившейся в послевоенное время системы международных отношений, в том числе международного права.

Вероятно, необходимо моделирование будущего Центральной Азии в нескольких системах координат развития: от посткоммунистического через трансформационное к реально независимому, от кризисного через мобилизационное к стабильному, от странового через консолидацию к региональному, от ресурсно-сырьевого через культуру интеллектуального к информационно-технологическому, в конечном счете - от ведомого к ведущему.

В этом контексте чрезвычайно актуальным является вопрос о том, насколько будут способны страны в условиях глобализации как бы изнутри начать полезные для региона в целом, и для каждой страны в отдельности, необходимые скоординированные подвижки. Полагаю, что будущие общерегиональные конструкции могли бы иметь как бы внутреннюю и внешнюю смысловые начинки. Первая (внутренняя) по сути своей есть консолидация усилий в формировании нескольких реальных и должных быть воспринятыми мировым сообществом обликов Центральной Азии:

1. Центральная Азия как единое цивилизационное пространство с воспринимаемым всеми жителями стран региона набором ценностей и приоритетов.

2. Центральная Азия как единый регион развития. Наверное, никто не сомневается и может подтвердить то, что действительно существуют и исторически, и политически, и экономически оправданные объективные предпосылки и потенциальные возможности для превращения Центральной Азии в такой регион.

3. Центральная Азия как единый геополитический и геоэкономический посредник между, если хотите, Востоком и Западом, Севером и Югом. И для этого существуют реальные возможности. Хочу лишь добавить, что в историко-культурном аспекте Центральная Азия уже на протяжении длительного исторического времени является регионом схождения мировых культур – русской, персидской, китайской, арабо-исламской. Одновременно Центральная Азия является стыком всех мировых религий.

4. Центральная Азия как объединенный плацдарм борьбы с трансграничными угрозами, которых, к сожалению, становится все больше и больше.

5. Центральная Азия как зона мира. Это должно означать не декларативный статус региона, а его становление как пространства, откуда импульсируют идеи миротворчества и развития. Регион, окруженный ядерными государствами либо намеревающимися стать таковыми, должен развивать это направление.

6. Но при всех возможных реализуемых азимутах развития региона, описанных выше, Центральная Азия должна оставаться пространством этнокультурного, конфессионального и лингвообразовательного разнообразия, открытым для внешнего мира.

В этих аспектах мне видятся важнейшие предпочтения и облики будущей Центральной Азии, на что и могут быть нацелены идеи региональной интеграции. Только без «старших братьев» и гегемонов.

Вторая (внешняя) – это формирование на основе изложенных выше внутренних аспектов нового исторического процесса, который можно условно обозначить как реставрация Великого Шелкового пути, которая, на самом деле, не должна стать примитивным восстановлением транспортных коммуникаций и обмена культурными достижениями. А это должно стать действительно долговременным историческим процессом от Атлантики до Тихого Океана. И именно центральноазиатские государства должны стать одними из важнейших движителей этого процесса.

Для достижения изложенных выше целей-идей, разумеется, необходимо формирование соответствующих региональных институтов и инструментария, в том числе (и, может быть, в первую очередь) региональной системы международных отношений, основанных на общности исторического прошлого, доверия и справедливости, а не сиюминутных и эгоистических интересах.

Из событий недавнего прошлого Центральной Азии очень важна оценка двух исторических моментов, которые, на мой взгляд, являются основополагающими деталями для понимания того, что происходит в регионе в настоящее время и что может произойти в будущем. Во-первых, гигантское государство, второе в мире по совокупной мощи, в составе которого были центральноазиатские страны, в одночасье превратилось в полтора десятка недоразвитых, в мировом списке благополучия находящихся во второй пятидесятке государств, то есть во второ- и третьеразрядную зоны человеческого жития. Во-вторых, центральноазиатские страны за 15 лет прошли путь от «окраин империи», до 1991 года больше известных людям на Западе и Востоке как территории Туркестанского и Среднеазиатского военных округов с мусульманским населением, до одного из центров притяжения разнообразных интересов многих стран мира, что открывает новые перспективы, но, с другой стороны, таит в себе и определенные угрозы.

Хотелось бы отметить еще одну важную особенность Центральноазиатского региона: он как бы «растягивается» в разные стороны, чем принципиально отличается от других регионов бывшего СССР, например стран Балтии. Исламский «угол» «тянет» регион в свою сторону, стабильно силен «российский фактор», нельзя отрицать укрепления партнерства с Западом и не обязательно на основе либеральных ценностей.

Эти обстоятельства еще раз подчеркивают мозаичность геополитической картинки в Центральной Азии.

Выбор пути развития центральноазиатских государств был и остается весьма «персонализированным», хотя мы ни в коей мере не можем игнорировать некие индивидуальные историко-культурные, географические, этнопсихологические особенности и характеристики народов и стран региона, которые оказали несомненное воздействие на этот выбор. В контексте последних основные подходы и концепции развития у всех пяти стран региона отличаются друг от друга и в силу фактора «персонализированности», и по причине «особенностей и характеристик», а по ряду важнейших элементов – даже принципиально, но, хочу особо подчеркнуть, не являются конфликтными по отношению друг к другу.

Экономические концепции и их реализация до настоящего времени еще не свободны от подражания (я имею в виду механический перенос какого-либо

зарубежного опыта) и инерции влияния советской модели социально-экономического развития. Хотя следует признать, что уже обозначились контуры ряда элементов концептуального свойства. Серьезной проблемой остается низкий уровень и фрагментарность интегрированности экономик государств региона в мирохозяйственные связи. Стратегический экономический интерес и Востока и Запада сфокусирован на энергоносителях Центральной Азии, причем никто не скрывает этого. Вопрос в том, кто быстрее «освоит центральноазиатский нефтегазовый резервуар».

Внешнеполитические ориентиры центральноазиатских стран подверглись за короткий период независимого развития неоднократным изменениям (правда, с разной амплитудой и разным содержанием), что в принципе оправдано отсутствием опыта в прошлом, что является одной из причин неспособности сконструировать реалистичные внешнеполитические проекты и соответствующие технологии, а также определенными дискурсами во внешней политике основных партнеров государств региона. Принципиальный вопрос для региона - останется ли он объектом внешнеполитических и иных усилий ведущих стран и межгосударственных объединений или все же странам региона удастся за счет совместных усилий существенно расширить сектор реальной, а не формальной, правосубъектности центральноазиатских государств?

Однако идея на сегодняшний день осталась практически вне контекста серьезного диалога стран региона.

Но, несмотря на определенные проблемы в реализации общего дела, из повестки дня корпоративного взаимодействия стран региона никоим образом нельзя исключить вопрос о верстке перечня общерегиональных приоритетов и ценностных емкостей и постепенной их реализации.

И смогут ли это сделать страны региона - ответ может быть только общерегиональным, либо вариант ответа будет предложен со стороны.

ABSTRACT

Starting with a review of the gravest problems facing humanity, Dr. Imanaliyev stresses the main challenge facing Central Asia. That is whether the region takes initiative in adapting to challenges of globalization into its own hands or continues being driven from the outside. For the sake of future where they decide for themselves Central Asians need to define their region as a common civilization with own values and a joint development region with no 'elder brothers' or hegemons. Surrounded by nuclear powers and ones wishing to join them, Central Asia should be a zone of peace, true mediator between East and West. It is vital however that the region remains area of cultural diversity open to the outside world.

In achieving these goals one needs creating regional institutions and instruments including a regional system of international relations based on common legacies, trust and justice, not on current and egoistic interests.

So far the regional states' choices of their development path were quite "personified". While none can deny some individual features of Central

Asian nations and that basic approaches and conceptions of development for five states differ quite strongly, Dr. Imanaliyev stresses that these approaches do not conflict each other.

Economic conceptions and their fulfillment haven't been free of imitations of foreign experiences and inertia of the Soviet model of socioeconomic development. Low level and fragmented integration of the regional economies into global markets remains a genuine problem as well.

The fundamental question for the region is whether it remains an object of geopolitical activities of the leading powerhouses and intergovernmental structures or the nations of Central Asia manage to join efforts and enlarge their real and not formalist subject actions on the international arena.

Although the idea has been out of practical context in dialog between the Central Asia's governments, Dr. Imanaliyev believes that forming an agenda of all-regional priorities and values, as well as their fulfillment, can not be denied a place in contemporary agenda of intraregional interaction. Whether they succeed, the answer can be only either all-regional or it is likely to be proposed from the outside.

СОВРЕМЕННАЯ ВОЕННАЯ ЭЛИТА КИТАЯ

Константин СЫРОЕЖКИН

В настоящее время в управлении вооруженными силами и в кадровой политике в НОАК наблюдаются две отчетливые тенденции. С одной стороны, происходит качественное изменение офицерского состава НОАК, а следовательно – решается одна из главных задач по ее модернизации – превращение из армии, построенной по количественному принципу, в армию, основанную на качественных показателях.

С другой усиливается влияние Ху Цзиньтао и его людей в вооруженных силах. Последнее обстоятельство, пожалуй, не менее значимо, поскольку, во-первых, НОАК остается одним из основных институтов, обеспечивающих социально-политическую стабильность в КНР. А во-вторых, именно в вооруженных силах, в отличие от партийного и государственного аппарата, позиции Цзян Цзэминя и его клиентелы до последнего времени оставались наиболее прочными.

НОАК в политической жизни КНР

НОАК практически восстановила свою роль в политической жизни страны и позитивный имидж, который несколько потускнел после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. Сегодня она – один из важнейших институтов, призванных не только обеспечивать внешнюю безопасность Китая, но являющихся инструментом власти, на который она опирается для поддержания внутривластной стабильности¹. Причем значимость и той и другой ее функций год от года возрастает.

Быстрый экономический рост Китая и его стремление играть все более значимую роль в мире вызывает плохо скрываемую аллергию у других глобальных игроков, в стратегических разработках которых Китай рассматривается как враг №1. С другой стороны, вполне очевидным становится рост социально-экономической напряженности, вызванный проблемами, порожденными экономическими преобразованиями и процессом коммерциализации социальной сферы. Но самое главное – в обществе все чаще начинают звучать сомнения по поводу способности КПК и далее в одиночку управлять государством. И в этих условиях опора на НОАК, как наиболее

¹ Закон КНР «О национальной обороне» от 1997 года (ст. 22) прямо предусматривает возможность использования для выполнения внутренних функций не только полицейских формирований, но и НОАК (включая действующие силы и войска резерва) и народное ополчение. – См. Жэньминь жибао. 19 марта 1997 г.

организованный и мобильный институт, чрезвычайно значима для политического руководства Китая.

Не менее значимо и то, что представители НОАК имеют серьезное представительство в партийных органах, в частности в ЦК КПК оно превышает 20%. И хотя в последние годы доля военных в высших партийных органах – Политбюро ЦК КПК и Постоянном комитете Политбюро ЦК КПК - постоянно сокращается (см. Таблицу 1), это не означает снижения значимости НОАК.

Таблица 1

Представительство военных в руководящих органах КПК

Год, порядковый номер съезда	Количественный состав ЦК КПК члены/кандидаты	Количество и процент военных представителей в ЦК КПК	Количественный состав Политбюро	Количество и процент военных представителей в Политбюро
1977 (XI)	333 (201/138)	123 (45%)	26	15 (57%)
1982 (XII)	348 (210/138)	77 (22%)	28	12 (43%)
1985 (Всеитайская конференция КПК)	330 (202/128)	57 (17%)	22	5 (25%)
1987 (XIII)	285 (175/110)	55 (19%)	18	2 (11%)
1992 (XIV)	319 (189/130)	ок. 65 (20%)	20	3 (15%)
1997 (XV)	344 (193/151)	37/13 (19,21/8,6%)	23 + 2 кандидата	2 (8,69%)
2002 (XVI)	356 (198/158)	67 (18,8%)	24	2 (8,3%)
2007 (XVII)	371(204/167)	65 (17,5%)	25	2 (8,0%)

Источники: Кузык Б.И., Титаренко М.Л. *Китай – Россия 2050: стратегия соразвития.* – М.: Институт экономических стратегий, 2006. – С.519; Li Cheng, Scott W. Harold. *China's New Military Elite.* // *China Security.* Vol.3. №4. Autumn 2007. P.65; <http://cpc.people.com.cn/GB/104019/104101/6414669.html>; <http://cpc.people.com.cn/GB/104019/104098/6410259.html>

Для нынешнего руководства КПК лояльность НОАК важна и с точки зрения укрепления его позиций в органах власти и постепенного вытеснения из них представителей «шанхайского клана» Цзян Цзэминя. Решить эту проблему простой перестановкой кадров не так просто. Помимо явной фронды существуют и объективные причины, порождающие недовольство людей в погонах: низкое материальное обеспечение военной службы, а также проблемы, связанные с сокращением НОАК и последующим трудоустройством уволенных военнослужащих. Именно поэтому в преддверии XVII съезда КПК было принято решение увеличить денежное довольствие военнослужащих на 20-40%. Но главный метод, которым действовало «руководство четвертого поколения» в достижении лояльности военных, традиционен – смена руководящего состава и его «омоложение».

Специфика изменений в военной элите

С момента занятия Ху Цзиньтао ключевых постов в руководстве вооруженными силами (с сентября 2004 г. – председатель ЦВС КПК; с марта 2005 г. – председатель ЦВС КНР) в НОАК был проведен ряд существенных кадровых перестановок, целью которых было приведение к власти лиц, лояльных нынешнему руководству страны.

Начал Ху Цзиньтао с главных органов управления НОАК – ЦВС КПК и ЦВС КНР, в состав которых дополнительно были введены: новый начальник Главного управления вооружений и военной техники Чэнь Биндэ, новый командующий ВМС Чжан Динфа, командующий ВВС Цяо Цинчэнь и новый командующий Вторым артиллерийским подразделением Цзин Чжиюань. Г-л-полковник Сюй Цайхоу был назначен заместителем председателя ЦВС

КПК (а позднее и ЦВС КНР), освободив должность начальника Главного политического управления. На эту должность был назначен Ли Цзинай, до этого занимавший должность начальника Главного управления вооружений и военной техники, сохранив тем самым свой пост члена ЦВС КПК. Сохранили свои должности члены ЦВС КПК Лян Гуанле (Начальник Генерального штаба) и Ляо Силун (начальник Главного управления тыла) – единственные, кто в высшей военной элите КНР обладает боевым опытом.

В марте 2005 года на очередной сессии ВСНП был утвержден новый состав ЦВС КНР (идентичный ЦВС КПК): председатель Ху Цзиньтао; заместители председателя Го Босюн, Цао Ганчуань, Сюй Цайхоу; члены ЦВС Лян Гуанле, Ли Цзинай, Ляо Силун, Чэнь Биндэ, Цяо Цинчэнь, Чжан Динфа, Цзин Чжюань².

Параллельно, в декабре 2003 года, то есть еще до того, как Ху Цзиньтао занял пост председателя ЦВС, ЦК КПК обнародовал пересмотренные «Положения о политической работе в НОАК», в которых политическая работа рассматривается как основная гарантия абсолютного руководства партии вооруженными силами и выполнения армией своих функций, а также указывается, что политическая работа является важным фактором боеспособности армии³.

В феврале 2004 года ЦВС КПК опубликовал «Положения о некоторых вопросах в области усиления контроля в воспитании армейских руководителей высшей и средней ступеней». В этом документе разработан и усовершенствован порядок контроля и проверки индивидуальной учебы, специального образования, воспитательных бесед, проверка идейно-политического уровня, отчетов о выполнении важной работы, служебных обязанностей и соблюдения принципа неподкупности для кадровых работников полкового уровня и выше.

В апреле 2004 года ЦВС КПК опубликовал «Положения о работе армейских комитетов КПК (экспериментальный вариант)», содержащие дальнейшие разъяснения обязанностей армейских комитетов, их постоянных комитетов,

---

² См.: КНР 2006. Политика, экономика культура. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2007. С.440-446; Китай: факты и цифры 2006. http://russian.china.org.cn/business/archive/ru-sz2006/node_7011561.htm; Li Cheng, Scott W. Harold. China's New Military Elite. // China Security. Vol.3. №4. Autumn 2007. PP.62 – 89; The People's Liberation Army and China in Transition /Ed. by Stephen J. Flanagan and Michael E. Marti. – Washington, D.C: National Defense University Press, 2003. P.45, 57-58; Синьхуа шэ. – Бэйцзин. – 19 сентября 2004 г.; Жэньминь ван, 14 марта 2005 г.; <http://russian1.people.com.cn/31521/4528118.html>

³ По мнению военно-политического руководства КНР, политическая работа в войсках должна обеспечить: служение НОАК реформам и открытости, всестороннему строительству среднезажиточного общества, продвижение социалистической модернизации; служение военным преобразованиям с китайской спецификой, построению революционизированной, модернизированной и регулярной армии; обеспечение гарантий того, что политически, идеологически и организационно НОАК находится под абсолютным руководством партии; строительство обладающих социалистической духовной культурой воинских подразделений, целью которого является подготовка военного персонала, обладающего высокими идеалами, высокими моральными стандартами, широким диапазоном знаний и дисциплиной; обеспечение гарантий внутреннего единства НОАК, единства между НОАК и правительством, единства между НОАК и народом; обеспечение боевой эффективности НОАК и выполнения ее возложенных задач. См.: China's National Defense in 2006. – Beijing: Information Office of the State Council of the People's Republic of China, December 2006. <http://www.china.org.cn/english/features/book/194421.htm>; 2006 нянь Чжунго ды гофан. Бай пишу. (Национальная оборона Китая в 2006 году. Белая книга). <http://news.sina.com.cn/c/2006-12-29/123911916402.shtml>

секретарей и членов и совершенствующие порядок и принципы принятия решений партийными комитетами.

Все эти меры были призваны исправить ситуацию с политическим разбродом в вооруженных силах, и если не вернуть их в лоно социализма, то хотя бы обеспечить гарантии того, что против руководства со стороны КПК вооруженные силы выступать не будут. Параллельно решалась и другая задача – ротация кадрового состава. Во всяком случае, как заявлялось, все было сделано для того, чтобы: «в мирное время армия не изменила свой цвет, а в военное - одержала победу над противником»; выдвинуть на руководящие посты «отличных кадровых работников»; обеспечить прочную опору демократической диктатуры народа; обеспечить, чтобы «армия, как один человек, откликнулась на призыв партии и завершила великое дело объединения Родины».

Второй шаг, предпринятый Ху Цзиньтао с целью завоевания симпатий военной элиты, присвоение большой группе офицеров высшего звена очередных званий. Так, например, в конце июня 2006 года Ху Цзиньтао присвоил 10 военачальникам звание генерал-полковник⁴, что, однако, не помешало ему заменить некоторых из них уже в 2007 году. В конце августа 2006 года получили повышение от Ху Цзиньтао и стали генерал-майорами 28 чинов народной вооруженной полиции. Это стало самым крупным мероприятием такого рода за всю историю существования сил внутренней безопасности КНР.

Следующим шагом стало перемещение высших офицеров из одного вида вооруженных сил или рода войск в другой. На должность начальника Генерального штаба был назначен начальник Главного управления вооружений и военной техники г-л-полковник Чэнь Биндэ. Заместитель начальника Генерального штаба У Шэнли заменил Чжан Динфа на посту командующего ВМС, а г-л-полковник Сюй Цилян заменил Цяо Цинчэня на посту командующего ВВС. Отвечавший с китайской стороны за проведение российско-китайских совместных военных учений Чжан Циньшэн был повышен сразу на две ступени до должности заместителя начальника Генерального штаба, а отвечавший за преследование в октябре 2005 года американского авианосца «Китти хок» китайской подводной лодкой Дин Ипин был назначен начальником штаба ВМС.

В 2007 году перестановки в высшей военной элите были продолжены. Основной акцент был сделан на изменении командного состава больших военных округов. До конца года Ху Цзиньтао заменил шестерых из семи командующих и четверых из семи политкомиссаров больших военных округов. Часть из них были отправлены в отставку, а некоторые получили новые, более высокие назначения. Например, бывший командующий Шэньянским военным округом г-л-полковник Чан Ваньцюань был назначен начальником Главного управления вооружений и военной техники.

---

⁴ Эти звания получили: заместители начальника Главного политического управления НОАК Лю Юнчжи и Сунь Чжунтун, политкомиссар бронетанковых войск НОАК Чи Ваньчунь, политкомиссар ВВС НОАК Дэнь Чанью, политкомиссар Второго артиллерийского подразделения Пэн Сяофэн, директор Академии национальной обороны Пэй Хуайлян, политкомиссар Пекинского ВО Фу Тингуй, политкомиссар Ланьчжоуского ВО Юй Линьсян, командующий Нанкинским ВО Чжу Вэньцюань и командующий Чэньдуским ВО Ван Цзяньминь. См. Агентство Синьхуа <http://russian1.people.com.cn/31521/4528118.html>.

Как и следовало ожидать после перестановок 2006-2007 годов в командном составе НОАК, изменился персональный состав ЦВС КПК, утвержденный решениями прошедшего в октябре 2007 года XVII съезда КПК. Председателем остался Ху Цзиньтао. Число его заместителей сократилось на одного. Цяо Ганчуань, которому исполнилось 72 года, был выведен из состава ЦВС КПК⁵. Аналогичным образом сложилась ситуация с командующим ВМС вице-адмиралом Чжан Динфа и командующим ВВС г-л-полковником Цяо Цинчэнем, которые не вошли в новый состав ЦК КПК и соответственно – в новый состав ЦВС КПК.

В новом составе ЦВС КПК у Ху Цзиньтао два заместителя – Го Босюн и Сюй Цайхоу, а число членов ЦВС КПК увеличено до 8 (ранее было 7): Лян Гуанле (бывший начальник Генерального штаба, а ныне – министр обороны, член Госсовета КНР), Чэнь Биндэ (начальник Генерального штаба), Ли Цзинай (начальник Главного политического управления), Ляо Силун (начальник Главного управления тыла) и Цзин Чжюань (командующий Вторым артиллерийским подразделением) из старого состава; Чан Ваньцюань (член ЦК КПК 17-го созыва, начальник Главного управления вооружений и военной техники), У Шэнли (член ЦК КПК 17-го созыва, командующий ВМС), Сюй Цилян (член ЦК КПК 16-го и 17-го созывов, командующий ВВС) – новички.

Прошедшая в марте 2008 года 1-я сессия ВСНП 11-го созыва, по-видимому, завершила кадровые перестановки в высшем военном руководстве КНР. На сессии был утвержден новый состав ЦВС КНР⁶, который полностью идентичен составу ЦВС КПК, а также назначен новый министр обороны, которым, как и ожидалось, стал г-л-полковник Лян Гуанле, ставший к тому же и одним из членов Госсовета КНР. Таким образом, за два с небольшим года Ху Цзиньтао удалось практически полностью «очистить» руководство НОАК от представителей «шанхайского клана» и расставить на ключевые посты своих людей (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Руководство вооруженными силами КНР (начало 2008 года)

Наименование органа	Персональный состав
ЦВС КПК Председатель Заместитель председателя Члены ЦВС КПК	Ху Цзиньтао Го Босюн, Сюй Цайхоу Лян Гуанле, Чэнь Биндэ, Ли Цзинай, Ляо Силун, Чан Ваньцюань, Цзин Чжюань, У Шэнли, Сюй Цилян
ЦВС КНР Председатель Заместители председателя Члены ЦВС КПК	Ху Цзиньтао Го Босюн, Сюй Цайхоу Лян Гуанле, Чэнь Биндэ, Ли Цзинай, Ляо Силун, Чан Ваньцюань, Цзин Чжюань, У Шэнли, Сюй Цилян
Министерство обороны Министр	Лян Гуанле
Командование НОАК Начальник Генерального штаба Заместители:	г-л-полковник Чэнь Биндэ (с 2006 года) г-л-лейтенанты Чжан Циньшэн и Ма Сяотянь

⁵ В марте 2008 года на 1-й сессии ВСНП 11-го созыва Цяо Ганчуань был снят с должности министра обороны и соответственно потерял свой пост в ЦВС КНР.

⁶ См. Го Босюн и Сюй Цайхоу утверждены заместителями председателя Центрального военного совета. – <http://russian.people.com.cn/31521/6374283.html>.

<p>Начальник Главного политического управления Заместители: Начальник Главного управления тыла Политкомиссар Начальник Главного управления вооружений и военной техники Заместители: Политкомиссар Командующий ВМС Политкомиссар Начальник штаба Командующий ВВС Политкомиссар Командующий Вторым артиллерийским подразделением Политкомиссар Ректор Академии национальной обороны Политкомиссар Ректор Академии военных наук Политкомиссар Ректор Университета оборонной науки и техники Политкомиссар</p>	<p>г-л-полковник Ли Цзинай г-л-полковники Лю Юнчжи, Лю Чжэнци и Сунь Чжунтун г-л-полковник Ляо Силун г-л-полковник Сунь Дафа г-л-полковник Чан Ваньцюань (с 2007 года) г-л-лейтенант Ли Аньдун г-л-лейтенант Чи Ваньчунь вице-адмирал У Шэнли (с 2006 года) вице-адмирал Ху Яньлин вице-адмирал Дин Ипин г-л-полковник Сюй Цилиан (с 2006 года) г-л-полковник Дэн Чанью г-л-полковник Цзин Чжиюань г-л-полковник Пэн Сяофэн г-л-полковник Ван Сибинь (с 2007 года) г-л-полковник Тун Шипин (с 2007 года) г-л-полковник Лю Чанцзюнь г-л-полковник Лю Юань г-л-полковник Вэнь Сисэн г-л-полковник Сю Итянь</p>
<p>Руководство НВП Командующий Первый политкомиссар Политкомиссар</p>	<p>г-л-лейтенант У Шуанчжань (с 1999 года) г-л-лейтенант Чжоу Юнкан г-л-майор Юй Линьсян</p>
<p>Руководство больших военных округов <i>Пекинский ВО</i> Командующий Политкомиссар Начальник штаба <i>Шэньянский ВО</i> Командующий Политкомиссар Начальник штаба <i>Нанкинский ВО</i> Командующий Политкомиссар Начальник штаба <i>Цзинаньский ВО</i> Командующий Политкомиссар Начальник штаба <i>Гуанчжоуский ВО</i> Командующий Политкомиссар Начальник штаба <i>Чэндуский ВО</i> Командующий Политкомиссар Начальник штаба <i>Ланьчжоуский ВО</i> Командующий Политкомиссар Начальник штаба</p>	<p>г-л-лейтенант Фан Фэнхуй (с 2007 года) г-л-полковник Фу Тингуй (с 2003 года) ? г-л-лейтенант Чжан Юся (с 2007 года) г-л-лейтенант Хуан Сянчжун (с 2005 года) ? г-л-лейтенант Чжао Кэши (с 2007 года) г-л-лейтенант Чэнь Голян (с 2006 года) г-л-майор Цай Интин г-л-лейтенант Фань Чанлун (с 2004 года) г-л-лейтенант Лю Дундун (с 2002 года) ? г-л-лейтенант Чжан Циньшэн (с 2007 года) г-л-лейтенант Чжан Ян (с 2007 года) г-л-майор Сюй Фэньлин г-л-лейтенант Ли Шимин (с 2007 года) г-л-лейтенант Чжан Хайян (с 2005 года) г-л-майор Ай Хушэн г-л-лейтенант Ван Гошэн (с 2007 года) г-л-лейтенант Ли Чанцай (с 2007 года) г-л-майор Лю Юэцзюнь</p>

Источники: Li Cheng, Scott W. Harold. China's New Military Elite. // China Security. Autumn, 2007. Vol.3. №4. PP.62 – 89; Military Power of the People's Republic of China 2008. Annual Report to Congress. Office of the Secretary of Defense. P.1. http://www.defenselink.mil/pubs/pdfs/China_Military_Report_08.pdf.

С теми, кого по ряду причин нельзя было отправить в отставку, Ху Цзиньгао, по-видимому, договорился. Во всяком случае, высшие военные чины, как во время юбилейных торжеств по случаю 80-летия НОАК, так и на XVII съезде КПК, постоянно подчеркивали необходимость следования решениям партии в оборонном и армейском строительстве. Все три заместителя председателя ЦВС – Го Босюн, Цао Ганчуань и Сюй Цайхоу – на съезде высказались о поддержке армией курса, заданного руководителями КПК, и о необходимости реализации политики единения партии и НОАК.

Серьезная ротация представителей НОАК произошла и в ЦК КПК. Из 65 представителей НОАК в новом составе ЦК КПК 66% ранее не являлись членами этого органа⁷. Если учесть то обстоятельство, что в составе ЦК КПК 16-го созыва среди представителей НОАК «новички» составляли 60%, включая начальника Генерального штаба и всех начальников Главных управлений НОАК, становится очевидным, что среди представителей НОАК в ЦК КПК практически не осталось лиц, относящихся к «третьему поколению руководящих кадров». Этот вывод подтверждают и данные о процентном соотношении в числе постоянных членов ЦК КПК и кандидатов в члены ЦК КПК «новичков», а также времени вхождения тех или иных представителей НОАК в число членов ЦК КПК (см. Таблицы 3-4).

Таблица 3

Доля представителей НОАК в ЦК КПК 17-го созыва

Статус в ЦК КПК	Общее число	Избраны впервые	
		человек	доля, %
Постоянный член	41	24	59
Кандидат	24	19	79
Всего	65	43	66

Источник: Li Cheng, Scott W. Harold. *China's New Military Elite*. // *China Security*. Autumn, 2007. Vol.3. №4. P.66.

⁷ Это – отражение общей тенденции серьезной кадровой «перетряски» высших органов КПК, предпринятой Ху Цзиньгао с целью их «очистки» от «шанхайского клана». На XVII съезде КПК из 198 членов ЦК КПК 16-го созыва оказались переизбранными лишь 96 человек, 46 членов нового ЦК КПК были переведены из кандидатов в члены ЦК КПК 16-го созыва и 10 из членов Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины 16-го созыва. Вновь избранных членов ЦК КПК, ранее не входивших в руководящие органы КПК, оказалось 52 (25,5% общего числа членов ЦК КПК). Численность членов ЦК КПК увеличена до 204 человек.

Более серьезной «перетряске» подверглись кандидаты в члены ЦК КПК. Из 158 человек списочного состава 46 были переведены в постоянные члены ЦК КПК, и 37 переизбраны в качестве кандидатов в члены ЦК КПК. Другими словами, только 52,5% старых членов либо улучшили, либо сохранили свои прежние позиции. В новый состав кандидатов в ЦК КПК было избрано 130 (77,9%) новых членов, ранее не входивших в руководящие органы КПК. Число кандидатов ЦК КПК нового созыва увеличено до 167 человек.

Аналогичным образом была проведена ротация членов Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины. 10 членов из ее бывшего состава стали постоянными членами ЦК КПК, и лишь 22 члена были переизбраны. 8 новых членов Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины 17-го созыва были «избраны» из числа кандидатов ЦК КПК 16-го созыва. Кроме того, в ее состав (в качестве председателя) был кооптирован один член ЦК КПК 16-го и 17-го созывов. Другими словами, из «стариков» в новом составе Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины осталось лишь 31 человек, 96 (75,6%) членов ранее не входили в руководящие органы КПК. Численность Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины увеличена со 121 до 127 членов.

Таблица 4

Представители НОАК в ЦК КПК 17-го созыва (по годам вхождения в состав ЦК КПК)

Год	2007	2006	2005	2004	2003	2002	2001	2000	1999	Нет данных
Число представителей НОАК	25	5	9	7	7	8	1	1	1	1

Источник: Li Cheng, Scott W. Harold. China's New Military Elite. // China Security. Autumn, 2007. Vol.3. №4. P.67.

Приводимые в таблицах данные показывают, что почти 94% членов нового ЦК КПК из числа военных заняли эту позицию после 2002 года, когда Ху Цзиньтао стал генеральным секретарем ЦК КПК, причем 60% из них - в период 2005-2007 годов, когда Ху Цзиньтао занял пост председателя ЦВС КНР. Кроме того, по данным ряда источников⁸, из 35 высших офицеров НОАК, являющихся членами ЦК КПК 17-го созыва, 21 впервые избраны в его состав, а 20 получили свои воинские звания после 2005 года. Из 21 г-л-полковника и адмирала 10 получили эти воинские звания из рук Ху Цзиньтао, когда тот сменил Цзян Цзэминя на посту председателя ЦВС КНР.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в ЦК КПК 17-го созыва присутствует только военная элита. Из 65 членов и кандидатов в члены ЦК КПК 21 (32%) – г-л-полковники и адмиралы, 33 (51%) – г-л-лейтенанты и вице-адмиралы, 10 (15%) – г-л-майоры и контр-адмиралы. Исключение составляет лишь один полковник – первый китайский космонавт Ян Ливэй.

За исключением заместителя начальника Главного политического управления Лю Чжэнци (хуэй), все остальные являются ханьцами. Женщина – одна (Чэнь Цзюмин), она является ведущим экспертом Китайского военного центра компьютерного обеспечения (China's military computer software center).

Любопытная деталь: 12 из 65 (18%) являются уроженцами провинции Шаньдун (Восточный Китай) – главного региона, поставляющего кадры в современную военную элиту Китая. Трое членов ЦВС КНР Ли Цзинай, Цзин Чжиюань и Сюй Цилян – также являются уроженцами провинции Шаньдун.

Новые члены ЦК КПК из числа военных представлены главным образом двумя возрастными группами: 1943-1947 годов рождения – 24 (37%) и 1948-1952 годов рождения – 27 (41%); лиц старше 65 лет всего 5, моложе 55 – девять⁹.

Еще одна любопытная деталь связана с тем, что с начала процесса модернизации НОАК в представительстве военных в ЦК КПК наблюдается увеличение доли военнослужащих ВВС и ВМФ – то есть тех родов войск, которые, по прогнозам военных аналитиков, призваны сыграть ключевую роль в будущих войнах Китая (см. Таблицу 5).

Таблица 5

Соотношение представителей родов войск в ЦК КПК

Род войск	ЦК КПК 14-го созыва (1992)		ЦК КПК 15-го созыва (1997)		ЦК КПК 16-го созыва (2002)		ЦК КПК 17-го созыва (2007)	
	всего	доля в %						
Сухопутные войска	38	82	53	80	53	79	45	69
ВВС	3	7	5	8	6	9	9	14
ВМФ	3	7	5	8	4	6	7	11
НВП	2	4	3	4	4	6	4	6
Всего	46	100	66	100	67	100	65	100

Источник: Li Cheng, Scott W. Harold. China's New Military Elite. // China Security. Autumn, 2007. Vol.3. №4. P.73.

⁸ See: Li Cheng, Scott W. Harold. China's New Military Elite. // China Security. Autumn, 2007. Vol.3. №4. P.67-68.

⁹ See: Li Cheng, Scott W. Harold. China's New Military Elite. P.69-71.

Этот же подход, по-видимому, отражает и возвышение военных, которые являются к тому же и специалистами в области высоких технологий. Так, например, начальник Генштаба Чэнь Биндэ и командующие Гуанчжоуским и Пекинским военными округами Чжан Циньшэн и Фан Фэнхуй являются признанными специалистами по электронным войнам и совместным военным операциям. 50-летняя Чэнь Цзюмин является ведущим экспертом в военных компьютерных системах. По официальным данным, 10% офицеров прошли подготовку за рубежом, а 47% имеют знания в области высоких технологий. Часть офицеров, имеющих степень инженера или доктора в области компьютерных технологий, в настоящее время занимают должности заместителей командующих или начальников штабов армейских группировок¹⁰.

В качестве одной из основных тенденций кадровых изменений в НОАК следует отметить увеличение в ней численности лиц с высоким уровнем образования и профессионалов в той или иной технической области. Еще в августе 2003 года ЦВС КНР приступил к реализации стратегического плана по укомплектованию НОАК интеллектуальными кадрами, отвечающими задачам модернизации оборонного потенциала, включая командный состав, способный осуществлять строительство информатизированных вооруженных сил и руководить боевыми действиями в условиях высокотехнологичной войны; офицеров штабов, подготовленных в вопросах планирования военных операций; ученых, способных осуществлять модернизацию вооружений и вести научные исследования в области ключевых технологий; высококвалифицированных военно-технических специалистов. Реализацию плана намечается осуществить в два этапа: до 2010 года добиться существенного увеличения хорошо подготовленных военных кадров в войсках, а в последующее десятилетие осуществить качественный скачок в подготовке военного персонала. В этой связи предполагается значительное увеличение масштабов подготовки командного состава НОАК звена «дивизия – бригада» за рубежом¹¹.

Относительно проблем, которые новому военно-политическому руководству КНР пока решить не удастся (в части, касающейся высшего офицерского корпуса), то они связаны с двумя аспектами: отсутствие у офицерского состава боевого опыта и nepoтизм.

Уже в 2004 году 96% высшего офицерского состава НОАК не имели боевого опыта (для сравнения: в 1988 году боевым опытом обладали 21% командиров НОАК). Из 65 военных - членов ЦК КПК 17-го созыва только двое (Лян Гуанле и Ляо Силун) обладают боевым опытом (оба участвовали в вооруженном конфликте между КНР и Вьетнамом в 1979 году)¹². Решения этой проблемы пока нет, в ближайших планах военно-политического руководства КНР войны не предусмотрены.

Что касается nepoтизма, хотя эта проблема и не нова для НОАК (как, впрочем, для КПК и для Госсовета)¹³, в последнее время она вызывает достаточно

---

¹⁰ Li Cheng, Scott W. Harold. China's New Military Elite. P.75.

¹¹ См. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. С.48-49.

¹² Li Cheng, Scott W. Harold. China's New Military Elite. P.72.

¹³ Например, из числа членов Политбюро ЦК КПК к «принцам» относятся: Си Цзиньпин, Чжоу Юнкан, Бо Силай и Ван Цишань.

сильную критику со стороны командного состава и военно-политического руководства КНР. Наибольшее раздражение вызывает «вертолетный» карьерный рост так называемых «принцев» и «секретарей», базирующийся не на их профессиональной компетенции и послужном списке заслуг, а на их родственных связях и благосклонном отношении к ним бывшего шефа. Так, в составе ЦВС три «принца» – Ли Цзинай, У Шэнли и Сюй Цилян, а среди 65 военных – членов ЦК КПК 12 «принцев»¹⁴.

Таблица 6

«Принцы» и «секретари» в руководстве НОАК

Имя	Г.р.	Занимаемая должность	Родственные связи
«принцы»			
Ли Цзинай	1942	Член ЦВС КПК, начальник Главного политического управления	Племянник Ли Цзина (бывший заместитель начальника Генштаба)
У Шэнли	1945	Член ЦВС КПК, командующий ВМС	Сын бывшего вице-губернатора провинции Чжэцзян
Сюй Цилян	1950	Член ЦВС КПК, командующий ВВС	Сын Сюй Лэтяня (бывший заместитель командующего ВВС)
Пэн Сяофан	1945	Политкомиссар Второго артиллерийского подразделения	Сын Пэн Сюэфэна (ветеран революции)
Лю Юань	1951	Комиссар Академии военных наук	Сын Лю Шаоци (бывший председатель КНР)
Чжан Юся	1950	Командующий Шэньянским ВО	Сын Чжан Цзунсюня (бывший начальник Главного управления тыла)
Чжан Хайян	1949	Политкомиссар Чэндоуского ВО	Сын Чжан Чжэня (бывший заместитель председателя ЦВС КНР)
Ма Сяотянь	1949	Заместитель начальника Генштаба	Сын Ма Цзайяо (бывший ректор Политической академии НОАК)
Лю Сяоцзян	1949	Заместитель политкомиссара ВМС	Приемный сын Ху Яобана (бывший генеральный секретарь ЦК КПК)
Лю Юэцзюнь	1954	Начальник штаба Ланьчжоуского ВО	Сын Лю Чжиминя (бывший комиссар управления тыла Гуанчжоуского ВО)
Дин Ипин	1951	Начальник штаба ВМС	Сын Дин Цюшэна (бывший комиссар Северного флота)
Ай Хушэн	1951	Начальник штаба Чэндоуского ВО	Сын Ай Фулия (бывший заместитель командующего артиллерийской группой Шэньянского ВО)
«секретари»			
Имя	Занимаемая должность		Являлся в прошлом секретарем (помощником) у:
Ли Цзинай	Член ЦВС КПК, начальник Главного политического управления		Юй Цюли (бывший начальник Главного политического управления)
Чан Ваньцюань	Член ЦВС КПК, начальник Главного управления вооружений и военной техники		Хань Сяньчу (бывший командующий Ланьчжоуского ВО)
Сунь Дафа	Политкомиссар Главного управления тыла		Ли Дэшэн (бывший начальник Главного политического управления)
Юй Линьсян	Политкомиссар народной вооруженной полиции		бывший начальник политического управления Нанкинского ВО
Фу Тингуй	Политкомиссар Пекинского ВО		Бывший командующий Цзилиньского военного подокруга
Цзя Тинань	Директор главного офиса ЦВС КНР		Цзян Цзэминь (бывший председатель ЦВС)
Цао Цин	Директор Главного бюро телохранителей		Е Цзяньин (бывший министр обороны)
Цай Интин	Начальник штаба Нанкинского ВО		Чжан Ваньнянь (бывший заместитель председателя ЦВС КНР)

Источник: Li Cheng, Scott W. Harold. China's New Military Elite. // China Security. Autumn, 2007. Vol.3. №4. P.78, 86.

Данная проблема также не имеет решения. Во-первых, nepotism – своеобразная традиция всех государств, в которых привилась советская номенклатурная система. Во-вторых, организовывать борьбу с ним – рубить сук, на котором сидишь: рано или поздно с аналогичной проблемой может столкнуться любой сегодняшней руководитель.

¹⁴ Полный список «принцев» и «секретарей», входящих в высшее военное руководство, приводится в Таблице 6.

Более разумный путь – использовать опыт и связи новых выдвиженцев в интересах укрепления собственных позиций, и тандем «Ху – Вэнь», по-видимому, исходит из этого. Во всяком случае, именно об этом свидетельствуют как изменения в военной элите КНР, так и кадровые перестановки в партийных органах и в исполнительной власти.

ABSTRACT

Dr. Syroezhkin in this article defines two key tendencies in recent management of the military and personnel of the People's Liberation Army (PLA) of China. On the one hand, there is a qualitative change going on in the PLA officers' corps. On the other, there is a growth in influence from the General Secretary of the Communist Party of China (CPC) Hu Jintao and his favorites in the military forces.

The latter is important in two ways. First, PLA is one of the key institutions supporting sociopolitical stability in China. It has practically restored its role in the nation's political life and positive image which was somehow damaged by the Tiananmen events of 1989. Second, it is among the military that the former General Secretary Jiang Zemin and his group had possessed the strongest positions until recently.

Apart from improving financial support for the military, the new leadership of CPC tries to enlarge its influence in PLA through a traditional method of changing the commanding staff and introduction of younger, and hence more loyal to new leadership, officers into the country's military elite.

Since becoming a head of the Central Military Commission (CMC) of PRC in 2005 Hu Jintao made serious changes in the PLA commanding staff. He substituted commanders of the Chinese navy and air forces, 6 out of 7 commanders, and 4 out of 7 commanders of territorial units of PLA. Hu Jintao made the highest number of awarding top military ranks in one year and also seriously changed the membership of CMC in fact having got rid of the members of Shanghai clan associated with his predecessor Jiang Jemin. He basically managed to do the same with representatives of PLA in the country's main political body which is the Central Committee of CPC and most of changes were made in the period since Hu Jintao took charge of the CMC of PLA. Another notable trend is the growing share among them of the top-ranking officers from PRC's navy and air force, which could play major roles in conflicts that China potentially may engage in, as well as highly-qualified specialists in military electronics and IT.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КИТАЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

Сравнительный анализ некоторых теоретических аспектов
стратегии КНР по отношению к своему окружению

Чжао ХУАШЭН

Рассматривая базовые положения и практику китайской дипломатии в Центральной Азии, следует обратить внимание на четыре основных фактора или, иначе говоря, необходимо установить четыре фундаментальных фактора, совместно формирующих основы этой дипломатии. Во-первых, это общая идеология и основные принципы китайской дипломатии; во-вторых, политика КНР по отношению к сопредельным государствам; в-третьих, основные интересы Китая в Центральной Азии и, в-четвертых, региональные особенности Центральноазиатского региона. Эти четыре фактора в целом определяют характер китайской дипломатии в ЦАР, ее отличительные особенности и основные цели. В то же время они обуславливают общность и специфические черты центральноазиатской и китайской дипломатии по отношению друг к другу.

1. Китайская дипломатия в Центральной Азии и общая идеология китайской дипломатии

Центральноазиатский регион является частью китайской дипломатии. Китайская дипломатия в этом регионе определяется общей идеологией внешнеполитической стратегии КНР, которая состоит в том, чтобы неуклонно придерживаться общих идей и духа китайской дипломатии в целом. Именно это, в первую очередь, лежит в основе китайской политики в Центральной Азии, а также является источником общности принципов китайской дипломатии как по отношению к Центральноазиатскому региону, так и к остальному миру.

За последние несколько лет в китайской дипломатии постепенно сформировались два ключевых понятия: первое – это «мирное развитие», другое – «гармоничный мир». В 2003 году на Боаоском форуме Китай впервые официально предложил понятие «мирного восхождения», позже оно было реформировано в понятие «мирного развития». Основное содержание данного понятия для Китая таково: «Бороться за мирное развитие международной обстановки, в особенности собственным развитием стимулировать мир во всем мире»².

---

¹ Перевод с китайского языка - Т.Каукеновой

² Белая книга «Путь мирного развития Китая». http://news.xinhuanet.com/politics/2005-12/22/content_3954937.htm

В сентябре 2005 года КНР впервые официально на международном уровне предложил понятие «гармоничного мира». Для Китая основными характеристиками гармоничного мира являются долгосрочный мир и совместное процветание, а главное содержание этого понятия: в сфере безопасности - многовекторность и совместная безопасность; в сфере экономики – взаимовыгодное сотрудничество и совместное процветание; в цивилизационном плане - общий дух³. В декабре 2005 года председатель правительства КНР Вэнь Цзябао обобщил три «мирных составляющих» гармоничного мира: «мирные отношения между государствами, мир и согласие между людьми, мир и гармония в отношениях человека и природы»⁴.

«Гармоничный мир» – это понятие, обладающее совершенно особенным смыслом и положением, оно логически связано с концепцией «мирного развития», они схожи по своему духу, однако различаются по содержанию предмета исследования. Концепция «мирного развития» описывает процесс и метод развития, исходящий из Китая, в то время как концепция «гармоничного мира» раскрывает парадигму отношений КНР и окружающего мира. Внешний мир, в особенности государства, занимающие сейчас лидирующие позиции в международных отношениях, проявляют интерес не только и не столько к процессам и методам развития, берущим начало в КНР. Их больше заботит результат и потенциальное влияние на них этих процессов. Ответом на подобные вопросы являются теоретические принципы концепции «гармоничного мира», а разъяснение концепции «мирного развития» не является вопросом данной категории.

«Мирное развитие» и «гармоничный мир» составляют теоретический «каркас» китайской дипломатии, и именно они являются направляющими макрофакторами китайской дипломатии в Центральной Азии. Ключевым в данном направлении является воплощение характера и духа китайской дипломатии в ЦАР.

Исходя из понятий «мирного развития» и «гармоничного мира», китайская дипломатия в Центральноазиатском регионе включает в себя следующие принципы:

Во-первых, мир. Мир является одной из основополагающих характеристик китайской политики в Центральной Азии. Мирный характер китайской дипломатии в данном регионе не просто указывает на ее внешнюю форму: самым важным является то, что он раскрывает ее внутреннее содержание. Определение внешней формы, безусловно, необходимо, однако совсем не обязательно, чтобы оно при этом совпадало с внутренним наполнением. В то же время бывает, что определена мирная форма внешнеполитической стратегии, которая может передавать совсем другое содержание. Кроме того, подобная мирная форма дипломатических отношений также может эволюционировать, например «мирно видоизменяться». Она может быть реализуема и путем «революции», например «цветной революции». Может также расширяться, как «мирная экспансия». Поэтому исключительно формальное рассмотрение мирного характера китайской дипломатии в Центральной Азии является

³ Ху Цзиньтао. «Усердно строить гармоничный мир, основанный на долгосрочном мире и совместном процветании» - речь на собрании глав государств по случаю 60-летия основания ООН, агентство «Синьхуа», http://news.xinhuanet.com/world/2005-09/16/content_3496858.htm

⁴ Вэнь Цзябао. «Уважать различные цивилизации, строить гармоничный мир». <http://www.china.org.cn/chinese/zhuanti/hpdl/1125458.htm>

неполным и неточным. Мирный характер китайской политики в Центральноазиатском регионе имеет не только мирную форму - его отличительным признаком является мирное внутреннее содержание.

Во-вторых, сотрудничество. Отличительным признаком китайской политики в Центральной Азии является не только ее мирный характер, но еще и сотрудничество. Сотрудничество – это положительный и конструктивный способ диалога, и он, одновременно, выражает позиционирование Китая себя как строителя и партнера, а также в данном случае подчеркивается конструктивная позиция развития связей с этим регионом.

В-третьих, неантагонизм. Центральная Азия является одним из ключевых регионов мира, за влияние в котором идет серьезная международная борьба. Здесь находятся крупные мировые и региональные державы. Принимая за основу идеологию «мирного развития» и «гармоничного мира», Китай руководствуется в своей политике принципом неантагонизма и отказывается от мышления «холодной войны». КНР не играет в «игру вничью», не поддерживает концепцию «большой шахматной партии», разыгрываемой в Центральноазиатском регионе, а также выступает против вторичной постановки в этом регионе «Большой игры»⁵. Неантагонизм, тем не менее, не означает, что КНР отказывается от собственных позиций и выгод - Китай должен проявлять принципиальную стойкость и решительно охранять свои законные права и интересы.

В-четвертых, Китай не стремится установить сферу своего влияния. КНР конструктивно участвует в региональном сотрудничестве в Центральной Азии, но не стремится установить здесь сферу своего влияния. Кроме того, исходя из объективных причин, это так же невозможно. КНР активно продвигает развитие Шанхайской Организации Сотрудничества, однако не желает формирования в Центральноазиатском регионе каких-либо военных организаций и не рассчитывает на превращение ШОС в аналог НАТО⁶. Китай упорно развивает связи с данным регионом, но цель КНР при этом – развивать региональное сотрудничество, а не бороться за гегемонию в союзе с другими странами и не бросать вызов каким-либо крупным государствам.

Что касается стратегических планов Китая в Центральной Азии, то в зарубежных научных кругах существуют различные доктрины. Согласно одной из популярных точек зрения, главная цель Китая – это стремление осуществлять диктат в Центральной Азии. Такая оценка китайских стратегических целей и потенциала, в целом, является ошибочной. Основная суть подобных взглядов зарубежных ученых заключается в естественном ассоциировании дипломатии с быстрым развитием Китая. Однако такое развитие событий является невозможным, исходя из ситуации в современном Китае, и абсолютно ошибочным, исходя из политики Китая в Центральноазиатском регионе. Многие зарубежные ученые, включая ряд исследователей из России и стран Центральной Азии, склонны относительно каждого направления или позиции политики КНР, вне зависимости от того, являются ли они дружественными и рациональными, видеть скрытые цели и скрытую тактику китайской

---

⁵ Чжан Дэгуан «Центральная Азия – это не Большая шахматная партия», «Ляован дунфан чжоукань», 2006.6.9.

⁶ После Астанайского саммита ШОС в июле 2005 года, на Западе предсказывали превращение ШОС в «Азиатский НАТО», однако секретарь ШОС Чжан Дэгуан неоднократно отрицал такую возможность.

дипломатии. Они постоянно и исключительно с этой позиции толкуют все шаги Китая, отсюда и происходит ошибочное понимание позиций китайской политики. Это в полной мере отражает существующий в среде зарубежных исследователей подход, исходная и конечная точки которого сводятся к рассмотрению Китая как державы, имеющей амбициозные экспансионистские планы и несущей опасность для других государств. На основании такого подхода осмысление китайской дипломатии в Центральной Азии всегда происходит под отрицательным углом и отличается игнорированием всех основ китайской дипломатии в целом. Методология подобного подхода имеет сложную подоплеку - в ее основе лежат предубеждения относительно китайской политики и непонимание Китая, а также соответствующее мировое общественное мнение, формируемое западной прессой.

В-пятых, «гармоничный регион». Построение «гармоничного региона» является универсальной политикой в рамках китайской дипломатии, и это относится не только к Центральной Азии, но и к остальным регионам мира. Однако, говоря о построении «гармоничного региона», нужно отметить некоторые особенности китайской внешней политики непосредственно по отношению к Центральноазиатскому региону. Китай впервые предложил понятие «гармоничного региона» применительно именно к Центральной Азии. Лидер КНР Ху Цзиньтао в речи, произнесенной на Шанхайском саммите ШОС в июне 2006 года, предложил построить «гармоничный регион на основе долгосрочного мира и совместного процветания»⁷. Таким образом, понятие «гармоничного региона», возможно, впервые было применено к конкретному региону. Также в Центральной Азии Китай впервые предложил придерживаться «Шанхайского духа», основанного на «взаимном доверии, взаимной выгоде, равноправии, совещании, уважении к многообразию цивилизаций, стремлении к совместному развитию». И именно в Центральной Азии Китай впервые системно предложил новую концепцию безопасности и сотрудничества на основе совместной безопасности, неприсоединения к блокам, неантагонизма и невыступления против третьих стран. И наконец, в Центральноазиатском регионе КНР предприняла первую попытку построения региональной организации сотрудничества нового типа. В ЦАР неслучайно было предложено такое количество инновационных концепций, это в полной мере отражает действительность, а именно то, что регион Центральной Азии является регионом, соответствующим новым концепциям китайской дипломатии, и районом, где Китай впервые предпринял попытку внедрить свои новые внешнеполитические доктрины на практике. На основе такого подхода Центральная Азия может стать первым удачным примером построения «гармоничного региона».

Существует мнение, что внутренние и внешние противоречия в Центральноазиатском регионе очень тесно переплетаются, проблемы наслаиваются одна на другую, и поэтому сложности в построении гармоничного региона настолько велики, что не может быть и речи о том, чтобы данный район мог стать первым примером построения «гармоничного региона». Кроме того, концепции «гармоничного региона» и, собственно, «гармоничного мира» слишком идеализированы, и воплотить их в современном мире очень трудно.

⁷ Ху Цзиньтао «Совместно создавать прекрасное завтра Шанхайской Организации Сотрудничества» - речь на пятом совещании совета глав государств-участников ШОС. 2006.6.15.

И действительно, «гармоничный мир» имеет отчетливый оттенок идеализма, однако это отнюдь не означает, что он недостижим и что у него не может быть реального воплощения. На практике же он выдвигает модель международного общественного развития, которая соответствует потребностям и интересам Китая и легко воспринимается различными государствами. Воплощение на практике «гармоничного мира» – это далекий идеал, однако важно начать работу по его приближению. В Центральной Азии существует много неразрешенных вопросов, но надо начинать строить «гармоничный регион», не дожидаясь их разрешения. Самое основное в построении «гармоничного региона» – это дружественные отношения между государствами, а КНР поддерживает со всеми государствами Центральной Азии позитивные связи. Кроме того, существует платформа ШОС, что создает относительно полную и всестороннюю основу для сотрудничества. Все это формирует выгодные условия для продвижения Китаем строительства «гармоничного региона».

2. Китайская дипломатия в Центральной Азии и политика по отношению к сопредельным странам

В основе китайской дипломатии в Центральноазиатском регионе лежит также политика КНР по отношению к сопредельным государствам. Политика Китая по отношению к своему окружению исходит из макро-стратегии китайской дипломатии, однако нацелена на взаимодействие с соседними странами и применяется лишь к определенным партнерам. Позиция КНР по отношению к своему окружению оказывает непосредственное воздействие на его дипломатию в Центральной Азии, и это воздействие выражается не только в духе и принципах, но и в конкретной политике.

Ключевая идея китайской политики по отношению к сопредельным странам имеет краткие и ясные формулировки, а именно: «добрососедство и партнерство» (“以邻为善，以邻为伴” – дословно «к соседям с добром, к соседям с партнерством» - прим. пер.) и «дружественность, безопасность, обогащение» (“友邻、安邻、富邻” – дословно «дружба с соседями, безопасность в отношениях с соседями, обогащение соседей» - прим. пер.). В настоящее время на официальном уровне использование формулы «дружественность, безопасность, обогащение» проходит довольно осторожно. Причина этого, скорее всего, кроется в том, что научный мир относительно данного понятия имеет различные точки зрения, что вызывает определенную критику, сосредоточенную на нескольких ключевых вопросах. Во-первых, это вопрос содержания понятия. Некоторые критики считают, что содержание данной формулы включает ряд проблем, так как Китай не может сделать своей политикой обеспечение в соседних странах безопасности и стабильности, а также помощь сопредельным государствам в их обогащении. Кроме того, КНР не имеет ни возможности, ни желания так поступать. Во-вторых, это вопрос универсальности данной концепции. Критики указывают на то, что некоторые государства, граничащие с Китаем, превосходят его по благосостоянию, и способствование КНР их обогащению является очевидным противоречием, поэтому и встает вопрос об универсальной пригодности такого подхода.

Подобная критика имеет общие принципы и направленность и заслуживает обсуждения. Тем не менее, автор данной статьи считает, исходя из общей

идеологии и логики, что, несмотря на существование некоторых вопросов для обсуждения, концепция «дружественность, безопасность, обогащение» абсолютно точна, возможна и применима на практике.

В первую очередь необходимо точно определить содержание рассматриваемого понятия. После появления концепции «дружественность, безопасность, обогащение» ей так и не было дано официального и четкого определения, каждый человек мог понимать данную формулу по-своему, что и привело в итоге к разночтениям в ее толковании и постепенному размыванию ее значения. Если читать дословно, то многие часто понимают «безопасность» как «обеспечение в соседних государствах безопасности или стабильности», а «обогащение» как «помощь сопредельным государствам в обогащении». Такое понимание, основанное на буквальном прочтении понятия, невозможно полностью отрицать, однако нужно принимать во внимание его подлинную сущность и дух. Исходя из понимания автора, формула «дружественность, безопасность, обогащение» выразила три основных слоя политики Китая по отношению к сопредельным странам.

«Дружественность» затрагивает сферу политических связей с соседними государствами. Смысл данного понятия заключается в дружественном подходе и развитии добрососедских связей со всеми сопредельными странами.

«Безопасность» затрагивает отношения в сфере безопасности. Смысл этой части концепции заключается не в стабильных соседях и не в обеспечении безопасности в соседних государствах, а в том, чтобы сопредельные страны испытывали по отношению к КНР, как к соседу, чувство безопасности и покоя, в особенности это относится к слабым странам. Большинство стран из окружения Китая слабее него. Сталкиваясь с соседом, во много раз превосходящим их, они не могут не ощущать собственную слабость и не чувствовать беспокойства. Распространение «теории китайской угрозы» происходит особенно легко на фоне обеспокоенности постоянным усилением Китая. Такие тенденции невыгодны КНР с точки зрения взаимного доверия в отношениях с соседними странами. Китай должен осуществлять конструктивную и положительную политику, устранять недоверие и страх к себе в соседних государствах и обеспечивать в них чувство безопасности.

«Обогащение» затрагивает сферу экономической политики. Смысл данного понятия так же не в том, что Китай будет обогащать соседние страны. Его значение в том, что КНР в процессе быстрого экономического развития должна оказывать большую помощь соседним государствам и делать так, чтобы и они могли извлечь пользу из быстрого экономического роста в Китае. Другое значение этого понятия состоит в том, что в процессе двустороннего экономического сотрудничества Китай так же должен способствовать достижению выгоды для своего окружения, заботиться о том, чтобы двустороннее сотрудничество способствовало взаимной выгоде и взаимному благоприятию, а не только достижению выгод Китаем. Рассматривая масштабы и скорость развития китайской экономики, можно видеть, что она все больше усиливается в рамках экономических отношений с небольшими государствами. Таким странам все труднее конкурировать с КНР, поэтому политика «обогащения» должна быть направлена на разрешение подобных экономических и политических противоречий.

Политика Китая по отношению к своему окружению является приоритетным направлением китайской дипломатии в Центральной Азии. Концепция «дружественность, безопасность, обогащение» в полной мере отражает основные принципы и идеологию китайской дипломатии в Центральноазиатском регионе, где не просто наличествуют все те факторы, которые делают данную политику принципиально важной. Все эти явления здесь очень заметны, и именно поэтому китайская дипломатия полностью соответствует местной специфике.

Исходя из положения в сфере безопасности, все страны Центральной Азии являются слабыми государствами. При этом они имеют границу с КНР протяженностью более чем в 3000 км. Кроме того, у некоторых государств Центральной Азии в прошлом имели место пограничные и территориальные споры с Китаем. При такой ситуации политика «безопасности» имеет очень большой практический смысл, так как она способна укрепить у центральноазиатских государств чувство безопасности, а также усилить доверие к Китаю и создать благоприятные условия для развития двусторонних связей. Так же вполне очевидно, что если страны Центральной Азии не будут доверять Китаю, это заставит их искать защиты у других крупных государств, что способно привести к формированию неблагоприятной для КНР обстановке в сфере безопасности.

Экономическое сотрудничество является главным содержанием отношений Китая и стран Центральноазиатского региона. В течение последних лет его темпы отчетливо нарастают, но в то же время в этой области у центральноазиатских государств присутствуют определенные страхи и опасения. Основное беспокойство вызывает то, что огромное количество дешевых китайских товаров хлынуло на рынки этих стран. Это очень осложняет развитие национальной промышленности и оказывает существенное влияние на проблему трудоустройства и т. д. Другое серьезное опасение заключается в том, что Китай может постепенно превратить государства Центральной Азии в собственный сырьевой придаток. Это приводит к формированию теорий «экономической экспансии» и «экономической агрессии» и оказывает отрицательное влияние на углубление и развитие двусторонних отношений. На этом фоне политика «обогащения» является крайне целесообразной. Исходя из идеологии «обогащения», во время рассмотрения своих интересов и выгод Китай должен будет заботиться также об интересах центральноазиатских государств и усиливать взаимовыгодность экономического сотрудничества. Цель политики «обогащения» не просто в «позволении получать выгоду». Гораздо важнее то, что экономическое сотрудничество становится долгосрочным и стабильным, что в итоге также выгодно Китаю.

3. Китайская дипломатия в Центральной Азии и интересы Китая в Центральноазиатском регионе

Стремление к получению выгоды лежит в основе дипломатии любого государства и, соответственно, является одним из базовых факторов, определяющих китайскую политику в Центральной Азии. Центральноазиатское направление китайской дипломатии имеет несколько существенных отличий как от ее общей идеологии, так и от политики Китая по отношению к сопредельным государствам. Главным в данном случае является определение конкретной политики и конкретных целей китайской дипломатии в данном регионе.

Интересы Китая в Центральной Азии формируются совершенно независимо и кардинально отличаются от интересов КНР в других регионах. Таким образом, конкретные цели китайской дипломатии в Центральноазиатском регионе могут не совпадать с целями китайской политики в других районах. Все это привело к складыванию особой специфики китайской дипломатии в Центральной Азии.

Автор данной статьи считает, что основные интересы КНР в Центральноазиатском регионе могут быть разделены на шесть составляющих, которые включают в себя: обеспечение безопасности границ, уничтожение движения «Восточный Туркестан», энергетические интересы, экономические интересы, политику региональной безопасности и развитие Шанхайской Организации Сотрудничества. Конкретная политика и конкретные цели китайской дипломатии в Центральной Азии должны осуществляться непосредственно в рамках указанных направлений.

Безопасность границ. Общая протяженность границ Китайской Народной Республики и государств Центральной Азии составляет более чем 3000 км. Охрана безопасности границ является главной задачей китайской дипломатии в регионе, и это не нуждается в излишнем разьяснении.

Ликвидация движения «Восточный Туркестан». Устранение движения «Восточный Туркестан» является одной из ключевых целей китайской дипломатии в Центральной Азии. Это - важнейшая особенность китайской политики в данном регионе. Уничтожение национальных сепаратистских движений, разрешение проблемы с группировкой «Восточный Туркестан», защита стабильности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и единства страны – все это стратегические задачи КНР. Именно такая постановка проблемы определила принципиальную важность уничтожения движения «Восточный Туркестан» в рамках центральноазиатской политики Китая. «Восточный Туркестан» является организацией, которую сложно ликвидировать уже на протяжении очень длительного времени. Государствам Центральной Азии также довольно долго приходится бороться с опасностью терроризма, поэтому данная политика и цель китайской дипломатии в рассматриваемом регионе также могут быть отнесены к долгосрочным.

Энергетические интересы. В связи с постоянным ростом спроса на энергоресурсы в Китае охрана своих реальных и потенциальных энергетических интересов не может не являться важнейшей целью КНР в Центральной Азии, и это также важная особенность китайской дипломатии в Центральноазиатском регионе. Центральная Азия является регионом, в котором в настоящее время идет острая борьба за доступ к энергоресурсам, и Китай должен гарантировать защиту своих энергетических интересов. Необходимо обеспечить открытость центральноазиатских энергоресурсов для КНР, противостоять попыткам некоторых иностранных государств взять под контроль и монополизировать энергетические ресурсы региона. И еще более важным является гарантирование Китаем охвата Центральной Азии общей системой международного энергетического сотрудничества. КНР необходимо сформировать стратегические принципы и механизм энергетического сотрудничества с государствами Центральноазиатского региона и прийти к тому, чтобы энергетические интересы Китая достигли политического и технического обеспечения.

Экономические интересы. В сфере экономики одной из главных целей Китая в Центральной Азии является стимулирование внешней открытости и экономического развития Синьцзян-Уйгурского автономного района. Ускорение развития экономики приграничных областей является важной задачей КНР, а развитие двусторонней торговли и экономического сотрудничества с соседними государствами – это важный путь, приводящий в движение механизм развития экономики приграничных территорий. СУАР занимает особое место в рамках экономического сотрудничества Китая и государств Центральной Азии. Из-за географической близости Синьцзяна и государств ЦАР экономические отношения двух регионов имеют давнюю историю и традиции. Вплоть до распада Китайской Республики (имеется в виду Китайская Республика 1912-1949 гг. – прим. пер.) контролируемая Россией Центральная Азия также оставалась самым важным экономическим партнером для Синьцзяна, а после событий эпохи 50-х годов в характере экономических связей двух регионов произошли коренные изменения.

КНР рассматривает экономические связи с Центральной Азии не только с позиции развития отношений с Синьцзян-Уйгурским автономным районом. Центральноазиатский регион является частью общей системы внешнеэкономического сотрудничества Китая. Интересы КНР в Центральной Азии весьма обширны, они включают торговлю, транспорт, разработку полезных ископаемых и т. д. Исходя из своих долгосрочных целей, Китай способствует продвижению региональной экономической интеграции и, соответственно, будет стремиться сформировать в сопредельном районе составную часть общей системы регионального экономического сотрудничества.

Региональная политическая безопасность. Обеспечение региональной политической безопасности является важной задачей китайской дипломатии в Центральной Азии. Базовой целью КНР является сохранение в этом регионе стратегической стабильности и безопасности, предотвращение возникновения реальных и потенциальных стратегических угроз для Китая, предотвращение возникновения политических военных блоков, направленных против КНР, а также недопущение возникновения в регионе внешней военной силы в рамках военного соперничества в Центральной Азии.

Шанхайская Организация Сотрудничества. ШОС – это региональная организация сотрудничества. Она не может считаться китайской организацией, и исходя из этого рассматривать ШОС в качестве проводника китайских интересов в Центральноазиатском регионе является в корне ошибочным. Однако ввиду особых связей Китая и Шанхайской Организации Сотрудничества, а также исходя из того, что до сих пор ШОС является единственной международной организацией в границах Китая, что название организации дано в честь китайского города, а также на основании того, что данная организация основана на территории Китая⁸, КНР имеет право предъявлять к ШОС особые политические требования. Шанхайская Организация Сотрудничества в настоящее время для Китая – не просто инструмент. В рамках многих процессов она является основным проводником интересов КНР в Центральной Азии. Фактически ШОС уже стала главным компонентом китайской дипломатии в

---

⁸ Оценка помощника министра иностранных дел КНР Ли Хуэя. См. «Знаменательность юбилейного саммита ШОС», «Вэньхуэй бао», 2006.6.12.

Центральноазиатском регионе, а продвижение развития Шанхайской Организации Сотрудничества стало важнейшей задачей китайской дипломатии в ЦАР, что также является определенной особенностью китайской дипломатии в этом регионе.

4. Китайская дипломатия в Центральной Азии и специфика Центральноазиатского региона

Говоря о китайской дипломатии в Центральной Азии, необходимо обратить пристальное внимание на основные особенности данного региона.

Центральная Азия – это регион, обладающий выраженной спецификой, внешние и внутренние условия которого во многом отличают его от других регионов. Особенности его внутри- и внешнеполитического развития также абсолютно уникальны.

Центральная Азия – наиболее слабый регион из всего китайского окружения, это одна из основных особенностей данного района. Большинство государств, окружающих КНР, слабее либо меньше нее – это довольно типичное явление. Однако на общем фоне слабость Центральноазиатского региона выделяется особенно отчетливо. Остальные государства, граничащие с Китаем, включая Россию (страны Северо-Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии), «больше» государств Центральной Азии. «Большой» и «маленький» также не являются абсолютными величинами – во многих аспектах государства, которые меньше КНР, имеют перед ней большие преимущества. Это приводит к тому, что отношения с ними строятся на поиске взаимного равновесия. В подобных условиях взаимного сравнения ЦАР является наиболее слабым регионом.

Китаю необходимо тщательно проанализировать отношения с Центральной Азией в формате превращения из «маленького» региона в «большой», вникнуть в огромные и трудноразрешимые проблемы совместных контактов слабых государств Центральноазиатского региона и Китая и ввести этот фактор в свою политику. В процессе двусторонних связей с центральноазиатскими государствами Китай должен выявить слабые и сильные стороны этих стран, только так он может проникнуться чувством самоуважения государств Центральной Азии, понять их особую заботу о соблюдении своих интересов в сфере политики, экономики и безопасности. Таким образом, КНР должна сознательно подчеркивать равноправие в политических отношениях и повышать конструктивный характер контактов в сфере экономики и безопасности.

Среди особенностей дипломатии, проводимой государствами Центральной Азии, принцип поддержания равновесия является ключевым. В практическом отношении это выражается в многовекторности внешней политики. Равновесие – это классический принцип международных отношений с древнейших времен до наших дней. Равновесие – это правило дипломатической деятельности, и вне зависимости от того, большое государство или маленькое, закон равновесия оно постигает самостоятельно. Однако, несмотря на то, что внешние формы воплощения принципа равновесия зачастую похожи, его значение для каждого государства всегда индивидуально. В то время как для некоторых стран равновесие может быть всего

лишь видом дипломатического искусства, для государств Центральной Азии это скорее форма существования. Это определяется специфическими условиями Центральноазиатского региона. Данный регион издавна является т. н. политической «низменностью», куда притягиваются потоки различных внешних сил, его окружает плотная стена крупных государств, безостановочно борющихся за влияние в нем. Находясь в такой специфической географическо-политической обстановке, достичь относительной стабильности Центральная Азия может лишь балансируя в отношениях со своими соседями, потому что лишь уравновешивая одну крупную державу другой крупной державой, можно достичь цели своего существования, только будучи хитрым и изворотливым можно докопаться до истины. Более 2000 лет назад правитель древнего царства Лоулань сказал ханьскому императору У-ди: «Маленькое государство, будучи между больших государств, не принадлежа обоим, не найдет себе покоя»⁹. Подобный способ существования издавна присущ государствам Центральной Азии, и можно сказать, что это уже превратилось в форму внешнеполитического существования. Сегодняшний мир разительно отличается от прошлого, однако неизменным остается то, что государства Центральной Азии по-прежнему окружены крупными державами. После обретения центральноазиатскими государствами независимости внешнеполитические склонности и предпочтения каждого государства оказались различными, однако все они, по случайному совпадению, в дипломатической стратегии руководствуются принципами равновесия и многовекторности. Лишь Туркменистан избрал политический курс «активного нейтралитета». Это все отнюдь не случайно и сделано под влиянием исторических традиций и с учетом требований времени.

Для Китая центральноазиатская многовекторная дипломатия должна быть фактором, который необходимо постоянно учитывать. Помимо серьезных изменений региональной политической ситуации дипломатия равновесия и многополярности является наиболее вероятным выбором государств Центральной Азии. Политика многовекторности и равновесия имеет огромное значение для Китая. Она означает, что развитие связей с КНР является важным выбором для стран Центральной Азии, и в то же время это - не единственный их выбор. Хотя центральноазиатские государства и рассматривают Китай как своего основного партнера, они не «преклоняются» перед Китаем. И несмотря на то, что страны Центральной Азии возлагают большие надежды на развитие Китая в регионе, в то же время существует и некоторое ограничение такого развития. Вполне возможно, что государства Центральной Азии используют КНР для уравновешивания других государств, и одновременно они могут использовать другие страны для того, чтобы уравновесить влияние Китая. Что касается Китая, то ему необходимо понять рациональность многовекторной политики стран Центральноазиатского региона и очевидность того, что она возникла не для противостояния Китаю. Необязательно преувеличивать сомнения и чувствительность по этому поводу, ведь это приводит к тому, что развитие связей

---

⁹ «Хань шу. Глава о Западных странах». Цит. по «Всеобщая история Западных стран», под. ред. Юй Тайшаня. Изд-во «Чжунчжоу гуцзи» (Западные страны - ист. Западный Китай, Туркестан, гос-ва Центральной Азии - прим. пер.).

с государствами Центральной Азии часто сталкивается с определенными трудностями. В то же время надо четко понимать ограниченность роли Китая в рамках многовекторной дипломатии. Политика многовекторности – это не только вызов для КНР, но еще и шанс для нее. Китай всегда будет для государств Центральной Азии одной из «сторон света», тем не менее, исходя из преимущественных географических и геополитических условий, Китай также является для государств Центральной Азии одной из самых главных «сторон света».

Существует еще один фактор, который необходимо рассмотреть в рамках разговора о китайской дипломатии в Центральной Азии. ЦАР – это не только исламский регион, но и регион, в значительной степени подвергшийся процессу «русификации». «Русификация» - это общая особенность регионов, входивших в бывший Советский Союз, однако в Центральноазиатском регионе она выражена особенно отчетливо. Регион Центральной Азии принадлежал царской России и Советскому Союзу более полутора столетий. Российская империя и Советская Россия за долгое время своего господства оставили в этом регионе огромное историческое наследие. «Русификация» и «советизация» являются одними из его проявлений. После распада Советского Союза государства Центральной Азии вступили в период нового национального возрождения, однако влияние «русификации» по-прежнему остается очень глубоким.

В языковой, цивилизационной, религиозной, общественной жизни, методах политического управления, вплоть до способа мышления – следы «русификации» очень глубокие. Политические, экономические, дипломатические связи, сотрудничество в сфере безопасности и культуры между Центральной Азией и Россией очень существенны. Россия оказывает на государства Центральной Азии крайне широкое и глубокое влияние. Такого рода явление будет непрерывно продолжаться еще довольно длительное время.

Центральноазиатский регион сравнительно слаб в политической, экономической, социальной сферах и в сфере безопасности. Это также является важнейшей особенностью данного региона. В области политики центральноазиатские государства, после обретения независимости, в основном смогли упрочить свою стабильность. Таджикистан после получения независимости погрузился в гражданскую войну, однако после 1997 года ситуация там также стабилизировалась. Тем не менее, если смотреть с точки зрения политической структуры, то государства Центральной Азии еще довольно слабы в политической области. Пока что главное в обеспечении стабильности в этих государствах – это создание авторитета руководителя, а роль поддержания стабильности режима и механизма государственной власти, в целом, сравнительно мала. Кроме того, не сформирована четкая структура поддержания внутренней стабильности, поэтому при каких-либо изменениях во внутриполитической жизни всплывает бурная борьба за власть, что приводит к социальным потрясениям.

Что касается экономической жизни, то с 1995 года каждое из государств Центральной Азии начало постепенно укреплять свою экономику. Со второй половины 90-х гг. начался повсеместный рост и восстановление. Из всех этих государств более всего выделяется Казахстан. Тем не менее, экономи-

ческое отставание и трудности остаются наиболее серьезной проблемой для большинства центральноазиатских государств, а также проблемой, которую наиболее трудно разрешить в короткие сроки.

Из-за экономических трудностей возникают серьезные социальные противоречия, безработица и бедность становятся всеобщими проблемами, народные массы испытывают постоянное чувство неудовлетворения, а такое чувство неудовлетворенности очень легко может трансформироваться в религиозную и политическую силу. Это - истоки и ключевые проявления слабости центральноазиатских государств.

Между государствами Центральной Азии в политической, экономической, национальной, религиозной, социальной, цивилизационной и т. д. сферах существует длительное историческое взаимодействие и очень тесные связи. Однако в религиозной и территориальной сферах, а также в области разрешения национальных вопросов и вопросов природопользования существуют разнообразные противоречия. И подобные противоречия нередко доходят в Центральной Азии до прямых столкновений. Особенно ярко это проявилось в Ферганской долине. Это регион, в котором налицо столкновения по национальным, религиозным, территориальным вопросам и проблемам использования полезных ископаемых. По историческим причинам внутри многих центральноазиатских стран существуют региональные и национальные проблемы. Например, Таджикистан и Кыргызстан имеют огромный диссонанс между их южными и северными территориями, а в Казахстане существует проблема полиэтничности. Региональные и национальные проблемы пустили глубокие корни не только в государствах Центральной Азии. Однако здесь имеет место их очевидное влияние на социальную и политическую ситуацию. Множество проблем государств Центральноазиатского региона исходят не из политической или партийной деятельности, а из региональной и национальной сфер. Гражданская война в Таджикистане в 90-х годах и «тюльпановая революция» в Кыргызстане в 2005 году на определенном уровне являются проявлением региональных и национальных противоречий, существовавших в этих государствах.

Что касается вопросов безопасности, то у центральноазиатских государств имеются как внутригосударственные проблемы, так и фактор внешней угрозы. К внутригосударственным проблемам относятся терроризм, сепаратизм и экстремизм, вплоть до контрабанды и наркоторговли, заполонивших этот регион, что заставляет государства Центральной Азии испытывать глубокий страх перед подобными угрозами. К факторам внешней нестабильности относится международный терроризм. Центральная Азия соседствует с Афганистаном, Кашмиром, Пакистаном, Кавказом, находится недалеко от Аравийского полуострова и региона Среднего Востока, являющихся в настоящее время наиболее опасными с точки зрения проникновения угрозы международного терроризма.

Из-за присущей странам Центральной Азии неустойчивости в политической, экономической, социальной сферах и в области безопасности уровень внешних и внутренних изменений в этом регионе сравнительно высок, а его развитие имеет определенную переменчивость, нерешенность и непредсказуемость. И это также является фактором китайской дипломатии в Центральной Азии, который необходимо полностью учитывать.

ABSTRACT

For Central Asian states promotion of cooperation with China is currently one of the key tracks in their strategies of foreign policies and external economic links. At the same time there is a great diversity of views within the expert community of Central Asia concerning the features of Chinese approaches to creating national diplomatic strategies in this region.

The text written by Dr. Zhao, an outstanding Chinese expert on Central Asia, Russia and SCO contains a detailed and structured analysis of Beijing's diplomacy in the area. His review of its peculiarities is based on identifying the key factors shaping its character.

Dr. Zhao first analyses general ideology and principles of Chinese diplomacy and reveals the key and universal categories and approaches of its international strategy. Second he writes about Beijing's policies towards neighboring states and defines China's fundamental interests in Central Asia.

In conclusion he analyses Central Asia's regional peculiarities, with knowledge of which Beijing attunes its diplomatic practice and shapes its relations with the regional countries in context of national specifics of each country.

«ПАТРИОТИЧЕСКИЙ АКТ» 2001 ГОДА И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Леонид СКАКОВСКИЙ

26 октября 2008 года исполняется 7 лет со дня подписания одного из важнейших документов в сфере обеспечения внутренней безопасности США – «Акта патриота США 2001 года». В этой связи есть смысл ещё раз обратиться к этому непростому документу и его роли в современной американской истории, а также к дискуссиям последних семи лет вокруг извечной дилеммы между свободой и гражданскими правами.

«Акт патриота»: цели, структура, особенности

Документ под громоздким, претенциозным и идеологизированным названием «Акт 2001 года, сплачивающий и укрепляющий Америку путём обеспечения надлежащими орудиями, требуемыми для пресечения терроризма и воспрепятствования ему» (Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001) был принят вскоре после террористических атак в Нью-Йорке и Вашингтоне.

Темпы законотворческой деятельности американских конгрессменов не могут не поражать воображение. 24 октября 2001 года многостраничный фоллиант был утверждён палатой представителей Конгресса США 357 голосами против 66.

На другой день законопроект был принят Сенатом (98 голосами всего при 1 голосе против), а уже утром 26 октября подписан президентом США Дж.Бушем-младшим¹. Следует также отметить, что после сентябрьских событий 2001 года в Конгресс США было представлено 83 законопроекта, касающихся внутренней безопасности и 14 законопроектов, касающихся внутренней обороны².

«Патриотический акт» затронул такие сферы, как полномочия президента и членов кабинета; деятельность и полномочия правоохранительных органов; разведка и контрразведка; банковская и финансовая деятельность; охрана границ и вопросы иммиграционного контроля; деятельность департамента (министерства) юстиции и полномочия судов; межведомственная координация правоохранительных и разведывательных органов и т.д.

Вошедшие в закон статьи были сгруппированы в десять разделов в зависимости от предмета регулирования:

---

¹ Власихин В.А. Новый закон США о борьбе с терроризмом и Билль о правах // США – Канада: экономика – политика – культура. – 2002. – №4.С.87.

² Селиванова В.Ю. Реформа системы внутренней безопасности США // США – Канада: экономика – политика – культура. – 2003. – №1.С.81.

- I. *Укрепление внутренней безопасности страны в противостоянии терроризму (ст. 101-106)*. Закон предусмотрел беспрецедентное расширение карательных возможностей правоохранительных органов, которые в новой ситуации нередко вступали в противоречие с правами граждан, закреплённых в первых десяти поправках к Конституции США.
- II. *Усовершенствованный порядок электронного и иных форм наблюдения (ст. 201-225)*. Федеральные правоохранительные органы получили возможность вести розыск подозреваемых в терроризме личностей путём отслеживания посещений веб-страниц и корреспондентов по электронной переписке без соответствующего судебного ордера.
- III. *Пресечение международного отмывания денег для предупреждения и выявления терроризма (ст. 301-377)*. Закон предусматривает механизмы выявления и предупреждения отмывания денег, согласно которым государство должно ставиться в известность обо всех подозрительных операциях в финансово-валютной сфере.
- IV. *Охрана границ (ст. 401-428)*. Закон ужесточил иммиграционную систему и порядок въезда в США и предусматривал усовершенствованные технические системы проверки паспортов на пунктах въезда в страну и т.д.
- V. *Устранение препятствий в расследовании терроризма (ст. 501-508)*. Закон предусмотрел выплату вознаграждений в целях борьбы с терроризмом, а также раскрытие соответствующей информации по отчётам национального центра статистики образования.
- VI. *Материальное обеспечение жертв терроризма, сотрудников правоохранительных органов и их семей (ст. 611-624)*. Закон предусматривает создание программы по увеличению пособий офицерам по вопросам общественной безопасности, а также создание фонда поддержки жертв преступлений.
- VII. *Расширение обмена информацией и обеспечение безопасности систем обмена информацией между правоохранительными органами (ст. 701)*. Закон предписал создание новых форм взаимодействия и обмена оперативной информацией. Были созданы координационные структуры, позволяющие укрепить формы взаимодействия и обмена данными.
- VIII. *Усиление уголовных законов по борьбе с терроризмом (ст. 801-817)*. Закон предусматривает более жёсткие санкции за совершение многих преступлений, как ранее относившихся к категории «связанных с терроризмом», так и вновь отнесённых к этой категории.
- IX. *Совершенствование разведывательной системы (ст. 901-908)*. Закон установил требования и очередность в отношении сбора информации внешней разведки, усилил значение Конгресса при установлении и поддержании разведывательных отношений в целях получения информации о террористах и террористических организациях и т.д.
- X. *Разное (ст. 1001-1016)*. Заключительные статьи закона предусматривают оказание помощи службам, которые первыми реагируют на теракты, а также временное выделение им полномочий на заклю-

чение соглашений с местными правительствами и правительствами штатов о выполнении функций службы безопасности на военных объектах США и т.д.

В рамках «Патриотического акта» было расширено понятие термина «федеральное преступление», связанное с терроризмом. Федеральный уголовный кодекс был дополнен понятием «внутренний терроризм». Конгресс создал также новое законодательное понятие «кибертерроризм» и «биотерроризм»³.

«Патриотический акт» и демократические ценности

С первых же дней после принятия «Патриотического акта» в США и за их пределами поднялась мощная волна критики данного документа. Демократы в США и сторонники либеральных ценностей по другую сторону Атлантики расценили данный закон как угрозу свободам и правам личности, как документ, подрывающий демократический имидж Америки.

Действительно, в результате первой волны арестов были задержаны 1,2 тыс. неграждан США. Уже в феврале 2002 года Министерство юстиции вынуждено было признать, что большинство задержанных лиц не представляло никакого интереса для антитеррористического расследования. По состоянию на июль 2002 года никому из таких задержанных не было предъявлено обвинение в террористической деятельности.

Некоторым специалистам «Патриотический акт» напомнил события времён второй мировой войны, когда после нападения японцев на Перл-Харбор президент Ф.Д. Рузвельт одобрил депортацию 110 тыс. японцев, включая американских граждан японского происхождения, с тихоокеанского побережья в особые лагеря. Так, преподаватель конституционного права университета Пеппердайн в Калифорнии Д.Камик отмечает, что годы спустя высылка японцев была осуждена как чрезмерная, включавшая в себя не только запрет определённым лицам проживать в конкретном регионе. Это была массовая репрессивная акция по отношению к людям, чья лояльность к своей стране не ставилась под сомнение⁴.

В этой связи Американская правозащитная организация Human Rights Watch выразила возмущение сотнями случаев, когда в рамках исполнения норм «Патриотического акта» были нарушены конституционные права граждан США. В документах этой организации отмечается, что на фоне нарушений со стороны исполнительной власти в США начался процесс устойчивого, преднамеренного и неоправданного размывания основных прав и свобод, гарантированных не только Конституцией США, но и международно-правовыми нормами. В то же время основными пострадавшими от этого процесса

---

³ См. подробнее: Leitenberg M. Biological Weapons and Bioterrorism in the First Years of the 21st Century. Paper for Conference on the Possible Use Biological Weapons by Terrorist Groups: Scientific, Legal and International Implications. Rome, 2002, pp.37-47; Рубинштейн Э. Биотерроризм: значение антимикробных препаратов. – Клиническая микробиология и антимикробная химиотерапия. – 2001. – №4; Жиганова Л.П. Биотерроризм и агротерроризм – реальная угроза безопасности общества // США – Канада: экономика – политика – культура. – 2004. – №9.С.3-25.

⁴ Моралес В. Как сочетать гражданские свободы и войну против терроризма // Голос Америки. <http://www.voanews.com>.

стали неграждане, по отношению к которым Министерство юстиции стало применять произвольное задержание, отказывая в процессуальных гарантиях и попирая презумпцию невиновности⁵.

Международная правозащитная организация Privacy International констатировала, что к числу государственных организаций США, которые в наибольшей степени посягают на человеческое право на неприкосновенность частной жизни, относятся Федеральная Торговая Комиссия США (по совокупности нарушений), Министерство Образования США (за создание общенациональной базы данных о школьниках, в которую включена и приватная информация об их родителях) и Государственный департамент США (в частности, за введение паспортов, содержащих биометрическую информацию)⁶.

Применение «Патриотического акта» было подвергнуто критике и многочисленными экспертами в области права и политики. Так, К.Джаясурия подверг «Патриотический акт» всесторонней (и далеко не всегда справедливой) критике в блестящем эссе «11 сентября, безопасность и новая постлиберальная политика страха»⁷. Исследователь констатирует, что безопасность и страх стали доминирующими тональностями политики либеральных демократий. Широкие экстренные полномочия, данные правоохранительным органам США под предлогом «чрезвычайной ситуации», вышли, по словам К.Джаясурия, далеко за пределы нормальных конституционных и представительских институтов. Новые формы риска, по мнению К.Джаясурия, превратились в новую политику страха.

В стане критиков «Патриотического акта» оказался и бывший помощник директора Информационного агентства США, профессор политической философии М.Блиц. В своей работе «Критический баланс: права личности и национальная безопасность в контексте террористической угрозы» М.Блиц констатирует, что большинство специалистов озабочено судьбой гражданских свобод и теми способами, которыми теперь принимаются конкретные политические и судебные решения⁸.

Автор книги «Голая толпа: Жажда безопасности и свободы в беспокойные времена» Д.Розен отмечает: «Меня беспокоит то, что страх – плохой советчик: он может привести к неверным решениям. Новые законы, принятые у нас и в Европе после 11 сентября, дают властям больше возможностей вести слежку, и это касается не только терроризма, но и мелких преступлений. Мне кажется, что это пример плохого баланса между безопасностью и гражданскими свободами»⁹.

Чем чаще применялся на практике «Патриотический акт», тем больше было случаев, когда тот или иной американский город открыто выступал против данного закона. Например, в апреле 2003 года Совет небольшого

---

⁵ Нарушение прав задержанных по следам 11 сентября // <http://www.hrw.ru>.

⁶ Деятельность спецслужб США за 2004год // <http://infohouse.us>.

⁷ Джаясурия К. 11 сентября, безопасность и новая постлиберальная политика страха // Новое литературное обозрение. <http://nlo.magazine.ru>.

⁸ Блиц М. Критический баланс: права личности и национальная безопасность в контексте террористической угрозы // <http://usinfo.state.gov>.

⁹ Моралес В. Как сочетать гражданские свободы и войну против терроризма? // Голос Америки. <http://www.voanews.com>.

американского городка Арката с населением 16 тыс. человек принял декрет, по которому местные власти обязаны препятствовать применению в городе «Патриотического акта»¹⁰. Всего за 2001-2008 годы за отмену данного закона выступили более 100 американских городов.

* * *

«Патриотический акт» стал ответом на чрезвычайные обстоятельства, на нетрадиционные вызовы безопасности США в лице международного терроризма. Уже одно это обстоятельство могло вызвать к жизни не всегда адекватные, а порой и иррациональные элементы в спешно обновлявшемся американском законодательстве. США, предприняв такие экстраординарные (и порой избыточные) меры, надолго утратила свой моральный авторитет лидера свободного мира и оплота либеральных ценностей.

В то же время, американский опыт в сфере обеспечения национальной безопасности весьма полезен для всех государств мира, включая Казахстан. При этом практическую ценность имеют как конкретные положительные достижения Вашингтона, так и неизбежные, к сожалению, ошибки и просчёты американских законодателей в области внутренней безопасности.

В этом тонком вопросе нам не стоит увлекаться бесплодным морализированием. Важно внимательно изучить американский опыт, выявить рациональные элементы «Патриотического акта» и других антитеррористических законов США, и попытаться адаптировать эти элементы к условиям Казахстана, поскольку наша страна не меньше, чем Америка, заинтересована в поражении международного терроризма.

ABSTRACT

In this article Dr. Skakovsky provides a retrospective analysis of goals, structure and peculiarities of the Patriotic Act of 2001, which played a significant role in recent American history. He tried to approach impartially and objectively the legal act that was adopted in emergency conditions and served as a response to non-traditional challenges and threats to the US national security. This made it impossible to avoid certain errors in zealous attempts to guarantee national security for the country.

Dr. Skakovsky urges specialists and experts to resist temptation of fruitless moralizations in relation to the existing controversies between the contents of Patriotic Act and the famous Bill of Rights. In his opinion Kazakhstan and other states struggling against international terrorism should find the rational points in related American practice and adapt its valuable elements to their own efforts to face the challenges of our days.

---

¹⁰ Маленький американский город признал незаконным «Патриотический акт» // <http://lenta.ru>.

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ: КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ И ПОИСКИ РЕШЕНИЙ

Татьяна КАУКЕНОВА

Вопросы развития образования включены в систему основных приоритетов социальной политики китайского руководства. В данном случае речь идет именно о развитии и оптимизации работы образовательной системы, так как в отличие, например, от системы социального обеспечения данный механизм уже сложился и, в целом, соответствует требованиям времени.

Тем не менее образование все-таки является составной частью социального механизма КНР и, как следствие, напрямую зависит от остальных сфер жизни китайского государства. Такие явления, как бедность населения, огромная разница в доходах, сложности с трудоустройством, отсталость сельских районов и дисбаланс в развитии регионов, ограниченность ресурсов государственной поддержки и многое другое, формируют современный облик образовательной системы Китая.

Таким образом, проблемы образования в КНР охватывают практически все его аспекты, начиная с ликвидации массовой неграмотности и заканчивая повышением качества поствузовского образования. В целом основной проблемой современной образовательной системы КНР является недоступность для населения качественного и полноценного образования в связи с невозможностью его оплаты.

Если рассматривать кризисные явления в образовательной сфере Китая начиная с наиболее общих вопросов, то в первую очередь следует обратить внимание на проблемы базового образования. Его основная цель в Китае обозначается формулой «лянцизи», подразумевающей всеобщий охват базовым девятилетним образованием и всеобщую ликвидацию неграмотности среди взрослого населения¹.

Что касается проблемы неграмотности населения, то в данном случае нельзя не отметить, что программа ее ликвидации охватывает все большее количество китайских граждан и процент неграмотного населения неуклонно снижается. Это выгодно отличает Китай от других стран региона, в первую очередь от Индии, где доля абсолютно неграмотного населения во много раз больше, а борьба с этим явлением продвигается гораздо медленнее. В 2007 г. в КНР неграмотность была ликвидирована среди 957,8 тыс. человек, что на 688,3 тыс. человек меньше, чем в прошлом году. В настоящее время в данной программе принимают участие 1,037 млн человек, и их число также непрерывно сокращается².

---

¹ Термин «лянцизи» - «两基» - дословно переводится как «две основы» или «две базы» и является основным девизом в развитии базового образования.

² «2007 нянь цюаньго цзяюной ши фачжань тунци гунбао» («Итоговый статистический доклад о развитии общегосударственного образования в 2007 году»). Министерство образования КНР. Апрель 2008 г. <http://www.moe.edu.cn>

Тем не менее в Китае на сегодняшний день довольно велика доля неграмотного населения, в первую очередь это сельские жители. Старшее поколение сельских жителей КНР в силу особенностей исторического и культурного развития страны практически не имело доступа к получению образования. В настоящее время, однако, они и не стремятся восполнить данный пробел, и программа действует в основном среди молодых людей и населения среднего возраста. Гораздо сложнее данная проблема представляется с другой точки зрения – зачастую неграмотными остаются т.н. «незаконнорожденные» дети, опять-таки, особенно в сельской местности. Крестьяне, решаясь на рождение детей свыше разрешенной квоты и не будучи в состоянии заплатить за это штраф, обрекают детей на существование без документов и, соответственно, без доступа к образованию и различным сферам социального обеспечения. Совершенно очевидно, что данную проблему должно решать не Министерство образования, особенно с учетом того, что данная группа населения несет довольно существенный потенциал социальной нестабильности.

Другое направление данной стратегии – всеобщий охват обязательным девятилетним образованием (начальная школа и средняя школа первой ступени) – также несвободно от ряда сложностей. Тем не менее необходимо признать существенные достижения в этой области. Так, по официальным данным на конец 2007 г., процент охвата начальным образованием достиг 99%, увеличившись на 1% по сравнению с 2006 г. Помимо показательных количественных характеристик стоит отметить также существенное качественное достижение, а именно достижение равного доступа к базовому образованию мальчиков и девочек. К концу 2007 г. процент поступлений в начальную школу среди мальчиков и девочек школьного возраста достиг 99,46 и 99,52 соответственно. Это значит, что проводимая программа по оказанию помощи девочкам в получении равных прав на образование дала положительный результат. Кроме того, коэффициент бросивших учебу в школе девочек снизился с 1,52% в 1995 г. до 0,04 % в 2004 г.³

Тем не менее проблемы доступности базового образования остаются актуальными и по сей день. С подобными трудностями сталкивается опять же сельское население, особенно те семьи, которые не имеют средств оплачивать обучение и времени, чтобы отпускать «рабочие руки» в школу. Кроме того, нет возможности посещать начальную и среднюю школу у детей трудовых мигрантов. Так, в прошлом году более 20 млн детей мигрантов не смогли жить вместе со своими родителями в городах в связи с невозможностью поступить в школу⁴.

Базовое образование в настоящее время является бесплатным для сельского населения Китая. Государство оплачивает обучение, берет на себя снабжение детей учебниками, а учебных заведений – необходимыми учебными материалами. Данное решение, несомненно, является большим достижением, хотя эта политика не реализована до конца. Огромные трудности в деле перевода базового обучения на селе на бесплатную основу связаны с неповоротливостью всей образовательной системы КНР, несогласованностью

---

³ Агенство Синьхуа. 22.05.2008.

⁴ Amnesty International Report 2007. <http://www.amnesty.org/en/region/asia-and-pacific/east-asia/china?page=3#report>

финансовых вопросов между центральным и местными бюджетами, высоким уровнем коррупции, а также ограниченностью материального обеспечения данной программы.

Образование детей для среднестатистической китайской семьи является крайне дорогостоящим процессом. Так, в 2005 г. годовые расходы на обеспечение полноценного среднего образования для одного ребенка составили в среднем около 26% годового бюджета городской семьи и 26,5% годового бюджета сельской семьи⁵. Что касается всех уровней обучения (включая высшее образование, стоимость которого для средней китайской семьи крайне велика), то, согласно исследованиям Академии общественных наук КНР, данные расходы могут составлять для семьи со средним или низким достатком от одной до двух третей семейного бюджета, а таких семей в Китае около 80%. Для них затраты на образование находятся на втором месте после затрат на питание⁶.

Кроме того, спорным вопросом на сегодняшний день является существование системы обязательной трудовой отработки под названием «работа и учеба», проводимой Министерством образования Китая. Подобным образом школы зачастую пытаются восполнить недостаток собственного бюджета. По данным Human Right's Watch, почти все государственные средние школы

Таблица 1.

**Основные количественные показатели,
характеризующие состояние образования в КНР в 2006 и 2007 гг.**

	Количество учебных заведений (Тыс.)		Количество учеников (млн чел.)		Число поступивших (млн чел.)		Число окончивших (млн чел.)		Количество работников учебных заведений (млн чел.)	
	2006	2007	2006	2007	2006	2007	2006	2007	2006	2007
Дошкольное образование	130,5	120,9	22,63	23,49	-	-	-	-	8,98	9,52
Начальная школа	341,6	320,1	107,1	105,6	17,29	17,36	19,28	18,7	6,12	6,13
Средняя школа первой ступени	60,9	59,4	59,57	57,36	19,29	18,68	20,71	19,63	3,47	3,47
Средняя школа второй ступени	31,68	31,25	43,41	45,27	16,19	16,50	12,18	13,35	-	2,60
из них:										
- общее среднее образование	16,15	15,68	25,14	25,22	8,71	8,40	7,27	7,88	1,38	1,44
- среднее образование для взрослых	0,839	0,742	0,17	0,18	-	-	0,12	0,16	-	0,007
- среднее профессиональное образование	14,69	14,83	18,09	19,87	7,47	8,10	4,79	5,31	10,8	1,15
Высшее образование в целом	2,311	2,321	25,00	27,00	7,69	8,0	4,84	6,54	-	-
- общее высшее образование	1,867	1,908	17,38	18,84	5,46	5,65	3,77	4,47	1,87	1,97
- высшее образование для взрослых	0,444	0,413	5,25	5,24	1,84	1,91	0,81	1,76	0,140	0,136
- аспирантура	0,767	0,795	1,104	1,195	0,397	0,419	0,256	0,310	-	-
Образование для детей с ограниченными возможностями	1,605	1,648	0,362	0,419	0,049	0,063	0,045	0,050	-	-
Образование на средства населения	93,2	95,2	23,13	25,28	-	-	-	-	-	-

Источник: «2006 нянь цюаньго цзяюуи ши фачжань тунци гунбао»; «2007 нянь цюаньго цзяюуи ши фачжань тунци гунбао» («Итоговый статистический доклад о развитии общегосударственного образования в 2006 году»; «Итоговый статистический доклад о развитии общегосударственного образования в 2007 году»). Министерство образования КНР. Май 2007 г.; Апрель 2008 г. <http://www.moe.edu.cn>

⁵ Сыроежкин К.Л. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. КИСИ при Президенте РК, Алматы, 2006 г. – С.76.

⁶ Глумсков В. «Проблемы «китайской модели» // «Эксперт-Казахстан», 4.09.2006 г. http://www.expert.ru/printissues/kazakhstan/2006/32/problemy_kitayskogo_obrazovaniya/

первой и второй ступени привлекают детей в возрасте от 12 до 16 лет для участия в сельскохозяйственной и производственной деятельности, причем условия труда, по данным правозащитной организации, являются довольно плохими, а сам учебный процесс серьезно страдает⁷.

Политика ограничения рождаемости приводит к тому, что количество учащихся в системе получения начального и среднего образования начинает сокращаться, что, соответственно, влечет за собой сокращение количества учебных заведений (см. таблицу 1).

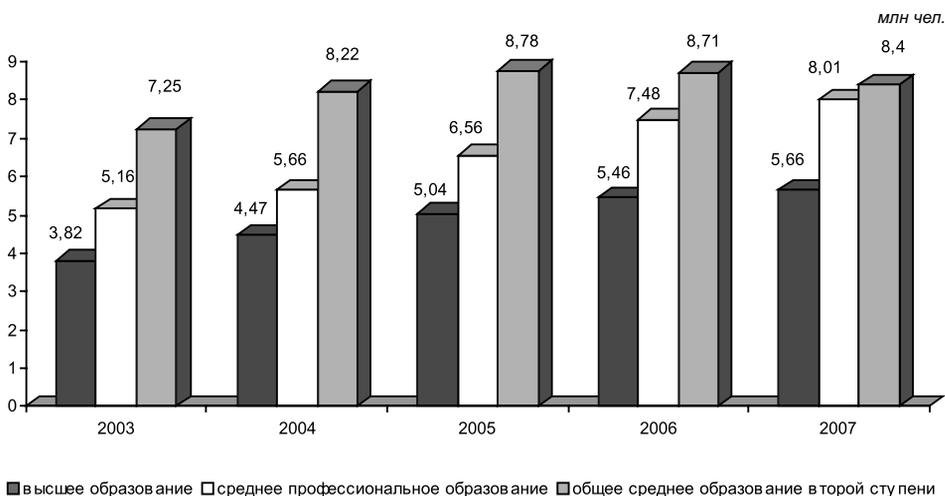
Подобные тенденции на сегодняшний день не касаются системы среднего профессионального и высшего образования, что связано, во-первых, с тем, что изменения в демографической структуре КНР пока не в полной мере затронули данное поколение, а во-вторых, - с ростом доступности указанных видов образования, в том числе и по причине реализации государственной политики по увеличению набора в профессиональные училища и вузы.

Что касается показателей по высшему образованию, то число охватываемого им населения продолжает постоянно расти (см. рисунок 1). Так, в 2008 году по всей стране планируется принять в обычные вузы 5,99 млн студентов на полный и неполный курсы обучения и 449 тыс. магистрантов и докторантов. При увеличении приема студентов в обычные вузы крен будет сделан в сторону центральных и западных районов⁸.

Тем не менее именно среднее профессиональное и высшее образование являются наименее доступными для населения Китая. Это связано не столько с тем, что в данном случае приходится серьезно готовиться к вступительным

Рисунок 1.

Динамика изменения количества поступивших на получение различных степеней образования в КНР в период 2003-2007 гг.

Источники: «2007 нянь гоминь цзинци хэ шэжуй фачжань тунци гунбао» («Итоговый статистический доклад о развитии народного хозяйства и социальной сферы за 2007 год»). Государственное Статистическое Управление КНР. www.stats.gov.cn

⁷ Summary of China Rights Developments. «China Events in 2007» - published in Human Right Watch's World Report 2008.

⁸ «2008 нянь цюаньго гаодэн цзяюй чжаошэн цзихуа чутай» («Плановая программа о приеме абитуриентов в высшие учебные заведения в 2008 году»). Академия общественная наук КНР. <http://www.cass.net.cn/file/20080116112508.html>.

экзаменам, сколько с отсутствием у большинства граждан Китая средств на оплату данного образования. В целом ограниченность финансовых средств для оплаты дальнейшего образования и отсутствие равных возможностей для получения образования среди различных слоев населения являются на сегодняшний день основными проблемами для большей части населения Китая в сфере образования.

Такое положение вещей связано с другим кризисным явлением, а именно с увеличением разрыва в образовательном уровне. Подобные тенденции косвенно ведут к росту социальной напряженности и на фоне возрастающей бедности и общего разрыва в доходах способны стать определенным катализатором общественного недовольства.

Другой немаловажной проблемой образовательной системы КНР на сегодняшний день является половинчатость ее финансирования. Государство, финансируя образовательные учреждения, выделяет недостаточно средств для их нормального функционирования. Таким образом, учебные заведения становятся в определенную зависимость от внешних источников финансирования, в первую очередь это плата за обучение, взимаемая с учащихся. Другим способом зарабатывать деньги в условиях Китая является открытие государственными образовательными учреждениями дочерних филиалов, которые функционируют полностью на «частной» коммерческой основе. Первыми по этому пути пошли начальные и средние школы, позднее к ним присоединились высшие учебные заведения. В настоящее время доходы, получаемые различными учебными институтами от платы за обучение, составляет в среднем 25-30% от их совокупного бюджета. Больше всего от платного образования зависят высшие учебные заведения Китая. За счет государственного бюджетного финансирования покрывается 53% денежных средств, необходимых для нормального функционирования вузов. Остальные 47% поступают в виде платы за обучение и разнообразных добровольных взносов. Такое положение вещей, с одной стороны, заставляет государственные и частные учебные заведения приспосабливаться к все более ужесточающимся экономическим условиям развития образования, а с другой стороны - препятствует складыванию полноценного частного рынка образовательных услуг.

Еще одной немаловажной проблемой современного китайского образования является отставание его качественного уровня от современных мировых стандартов. В первую очередь это относится к среднему профессиональному и высшему образованию. Данная проблема напрямую сопрягается с проблемой дефицита квалифицированной рабочей силы, необходимой для поддержания и развития всех сфер жизни современного Китая.

Что касается государственной политики в области реформирования образования и реагирования на вышеперечисленные вызовы, то ключевыми приоритетами в деле развития образования были названы следующие направления:

- Расширение финансирования образовательной системы. В 2006 г. общий объем расходов на образование достиг 981,5 млрд юаней (около 135 млрд долл. США), при увеличении на 16,59% по сравнению с 2005 г. (841,8 млрд юаней). При этом ассигнования из центрального и местных бюджетов возросли на 24,22% - до 579,5 млрд юаней. В частности, ассигнования из центрального

бюджета достигли 53,8 млрд юаней, при увеличении на 53,88%⁹. Вместе с тем в некоторых регионах темпы роста вложений в образование не достигли предусмотренного Законом об образовании уровня.

- Достижение уровня расходов на образование, равного 4% от ВВП. В 2006 г. бюджетные ассигнования на образование составили 3,01% ВВП Китая, что на 0,2 процентного пункта выше показателя 2005 г. (2,81% ВВП).

- Усиление государственного контроля за функционированием всех учебных заведений, отслеживание финансовых поступлений, контроль за качеством учебного процесса.

- Приоритетное развитие образования на селе.

- Приоритетное развитие образования в центральных и западных районах КНР.

- Поощрение развития образования, организуемого на средства населения.

- Развитие дистанционного образования на всех уровнях.

- Укрепление взаимодействия между образовательными учреждениями одного уровня.

- Формирование единого центра регулирования образования для каждой из отраслей образования.

Развитие образования на селе является одной из наиболее актуальных задач развития образования в КНР. Реализация данной задачи будет проводиться по следующим направлениям:

- развитие реформы механизма гарантированного финансирования обязательного образования на селе. В 2007 г. расходы бюджета на обязательное образование на селе значительно увеличились, под государственный проект распространения образования в сельских районах было выделено 56,5 млрд юаней (8,07 млрд долл.);

- увеличение объема средств, направляемых на общественные нужды, ускорение реконструкции помещений сельских средних школ начальной ступени в центральных и западных районах;

- бесплатное обеспечение учебниками всех сельских школьников, получающих обязательное образование.

Кроме того, особое внимание уделяется развитию среднего профессионального образования. В данной области руководством Китая обозначены следующие приоритеты:

- совершенствование механизма финансовой поддержки нуждающихся учащихся как в рамках полного курса обычных высших учебных заведений, так и в высших и средних профессиональных училищах;

- укрепление качественного потенциала базового профессионального обучения;

- расширение приема в средние профессиональные училища;

- усиление связи с прикладным характером, увеличение практической подготовки;

---

⁹ «Гоцзя тунцизицю цайчжэнбу гуаньюй 2006 нянь цюаньго цзяюй цзинфэй чжинсин цинкуан тунци гуанбао» («Статистический доклад финансового департамента Государственного Статистического Управления КНР об исполнении общегосударственного образовательного бюджета за 2006 г.»), 28.12.2007. // «Цзяюйбу гуанбао» №1,2, 2008 г.

- соответствие набора на специальности и открытие новых специальностей в соответствии с требованиями рынка труда;
- внедрение программ по повышению образовательного уровня и общей квалификации рабочих, развитие заочного обучения, поощрение работы и учебы у взрослых рабочих.

Что касается высшего образования, то приоритеты в данной области являются следующими:

- повышение качества вузовского образования, а также образования, получаемого в аспирантуре, оптимизация структуры учебных дисциплин и комплекса специальностей в вузах;
- расширение числа мест для поступающих в вузы, повышение уровня макрорегулирования высшего образования;
- приоритетное оказание помощи центральным и западным районам КНР;
- продвижение создания университетов высокого уровня и приоритетных дисциплин;
- претворение в жизнь третьей очереди «Программы 211»¹⁰ и развитие «Программы 985»¹¹;
- улучшение качества преподавания в вузах;
- модернизация системы оценивания и совершенствование критериев оценивания подготовки в вузах;

Особое внимание уделяется подготовке педагогического состава, а именно:

- признание стратегической важности качественной подготовки педагогических кадров;
- оптимизация и расширение системы выдачи зарплаты, дотаций и субсидий педагогам;
- осуществление и расширение эксперимента по бесплатному обучению студентов – будущих преподавателей в педагогических университетах, непосредственно подчиненных Министерству образования;
- увеличение количества педагогов, в первую очередь для работы в сельской местности;
- работа с педагогическим составом для формирования у него навыков для патриотического воспитания молодого поколения¹².

Таким образом, образовательная сфера, как и другие области социального строительства в Китае, в настоящее время несвободны от целого комплекса кризисных явлений. Претворение в жизнь амбициозных планов Китая по превращению в мощнейшую политическую и экономическую мировую державу невозможно без функционирования в стране системы качественного и общедоступного образования. Эта цель достижима лишь при формировании и планомерном проведении государственной политики, ставящей развитие образования в разряд первоочередных реформ в социальной сфере. Тем не менее даже в этом случае нет никаких гарантий того, что все категории населения

---

¹⁰ Программа развития высшего образования в КНР, целью которой является выведение 100 китайских вузов на передовые позиции в мировом рейтинге высшего образования в XXI веке.

¹¹ Масштабная программа государственного финансирования развития образования и науки.

¹² «Цзяюйбу 2008 нянь гунцзо яодянь» («Основные направления работы Министерства Образования на 2008 год») // «Цзяюйбу гунбао», №1,2, 2008 г.

КНР на равных правах будут иметь возможность получения образования любого уровня. Такая ситуация может сложиться лишь в результате реализации комплекса социально-экономических реформ, направленных на повышение материального уровня жизни населения и оптимизации социальной сферы, гарантирующей достойное существование граждан КНР.

ABSTRACT

In recent years China has experienced a gradual change of priorities in the general course of national development that is characterized by transition from the policies of extensive economic growth to policies of emphasizing socioeconomic sphere and promoting a "human oriented" society. Within bringing this strategy into force development of educational system occupies one of the most important places. Improvement of qualitative and quantitative indicators in this field is going to turn into a key sign of success for the related policies.

This article contains analysis of the most significant directions in development of educational system in contemporary China. It also considers major problems in the area and their potential impact on overall state of social component of Chinese society's life. Reviewing key statistical and program documents on China's education system, Dr.Kaukenova draws parallels between the existing crisis phenomena and adequacy of steps taken for their eradication.

She also pays special attention to some of the following tracks of reforming Chinese education: peculiarities of the government's policies on developing all stages of the national education system; solving tasks of its financing; rising attention of strengthening schools in rural and economically disadvantaged areas; specifics of training teaching personnel in terms of modernizing international requirements on arrangement of teaching process.

ОСНОВНЫЕ ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Лейла МУЗАПАРОВА

Как известно, в настоящее время между Казахстаном и Россией достигнут беспрецедентно высокий уровень сотрудничества во всех ключевых областях. Казахстанско-российские отношения сегодня считаются наиболее продвинутыми по сравнению с другими двусторонними отношениями в экономической, политической, культурной, научно-технической сферах. В целом казахстанско-российские отношения можно считать наиболее удачным примером межгосударственного сотрудничества на постсоветском пространстве.

Что касается двустороннего экономического сотрудничества, то для Казахстана Россия была и является главным экономическим партнером. Об этом свидетельствует тот факт, что практически во всех государственных экономических программах, действующих в настоящее время в Казахстане (а их более 90), присутствует сотрудничество с Россией.

Кроме того, как известно, Россия остается важнейшим внешнеторговым партнером Казахстана: так, в 2007 году товарооборот между двумя странами преодолел отметку в 16,5 млрд долларов (это самый высокий показатель среди внешнеторговых партнеров Казахстана). При этом доля России в казахстанском экспорте ежегодно составляет порядка 20%, а в казахстанском импорте — свыше 40% на протяжении уже нескольких последних лет. Надо сказать, что Казахстан импортирует из России в полтора раза больше, чем из всех европейских стран, вместе взятых.

Казахстан, в свою очередь, входит в десятку основных торговых партнеров России, причем его удельный вес во внешнеторговом обороте России со странами СНГ колеблется в пределах 20% (это третий результат после Украины и Белоруссии).

Значительное влияние на развитие двусторонних торгово-экономических связей оказывает приграничное сотрудничество - суммарно на долю прямых межрегиональных связей приходится до 70% всего товарооборота. В целом, большинство российских регионов имеют сегодня экономические отношения с Казахстаном, то же самое можно сказать относительно казахстанских регионов. Приграничная территория стран охватывает с российской стороны десять областей, а также Алтайский край и три республики (Дагестан, Калмыкия, Алтай), а с казахстанской стороны — семь областей.

Вместе с тем развитие приграничных торгово-экономических связей сегодня сдерживается в определенной мере низким уровнем инвестиционного сотрудничества, отсутствием надежных механизмов взаиморасчетов и

урегулирования экономических споров, а также высокими транспортными тарифами, различными требованиями к сертификации продукции, необорудованностью погранпереходов.

Другим важным показателем, характеризующим двустороннее экономическое сотрудничество, является численность совместных предприятий. Здесь следует отметить, что третья часть из действующих на территории Казахстана совместных предприятий приходится на долю с российским участием. При этом количество совместных предприятий в Казахстане с участием российского капитала имеет устойчивую тенденцию к росту и составляет на данном этапе более трех тысяч.

Охарактеризовав в целом казахстанско-российское экономическое сотрудничество, перейдем к определению его основных отраслевых направлений, перспективных для обеих стран и важных с точки зрения Казахстана.

Во-первых, это сотрудничество в *энергетической сфере*, и прежде всего в области *транспортировки углеводородов*. Казахстан, как и Россия, является «петро-государством». При этом свыше 80% экспорта казахстанской нефти и газа идет через российскую территорию. Так что взаимозависимость двух стран в этом плане абсолютно очевидна.

В целом, в силу исторической и географической близости, интегрированности нефтетранспортной инфраструктуры Казахстан рассматривает сотрудничество с российскими компаниями как приоритетное. Так, одним из экономически привлекательных направлений транспортировки углеводородов сегодня является китайское направление. Нефтепровод «Казахстан - Китай» открывает экспортное направление для транспортировки казахстанской нефти на перспективный рынок Китая и других быстрорастущих стран Юго-Восточной Азии. Принимая во внимание высокую мощность трубопровода Казахстан - Китай (50 млн т), возможно и целесообразно долговременное участие российских компаний в данном нефтетранспортном проекте. Важно отметить, что в целом трубопроводные проекты, реализуемые Казахстаном, будут способствовать дальнейшему укреплению позиций крупнейших нефтетранспортных компаний Казахстана и России как на евразийском пространстве, так и на мировом рынке транспортировки углеводородов.

Другим важным направлением развития двустороннего сотрудничества в энергетической сфере является *сотрудничество в области мирного использования атомной энергии*. Среди наиболее перспективных и взаимовыгодных проектов - создание совместной объединенной компании в области гражданской ядерной энергетики, а также участие российских организаций в строительстве АЭС в Казахстане.

В настоящее время уже делаются практические шаги к реализации данного интеграционного проекта в атомной отрасли, о чем свидетельствуют договоренности, достигнутые в рамках программы стратегического партнерства Российской Федерации и Республики Казахстан в области использования атомной энергии в мирных целях. Выбор правительством Казахстана курса на углубление интеграции казахстанской и российской экономик по всей цепочке ядерного цикла является одним из важнейших шагов в решении энергетической проблемы, как ключевой проблемы экономического развития. Такое же значение сотрудничество с Казахстаном может иметь для

российской экономики. Помимо этого сотрудничество Казахстана и России в создании, строительстве и эксплуатации АЭС может стать одной из точек технологического прорыва в машиностроении.

В целом, сотрудничество Казахстана и России в топливно-энергетической сфере носит стратегический характер и является важнейшей составной частью казахстанско-российских отношений. Эффективное взаимодействие в данной области будет служить необходимым условием жизнедеятельности экономических комплексов и социальной сферы двух государств.

Вторым по важности направлением двустороннего экономического сотрудничества после энергетики является *наращивание взаимодействия в высокотехнологических и инновационных сферах*, в том числе в области совместного освоения и исследования космического пространства в мирных целях и использования космодрома Байконур, а также в области использования и развития глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС. Новым перспективным направлением становится налаживание практического взаимодействия в области нанотехнологий. Как известно, в мае текущего года было подписано соглашение между российской госкорпорацией по нанотехнологиям и Фондом устойчивого развития “Казына”.

По инновационному направлению двустороннего экономического сотрудничества ситуация для российских компаний значительно облегчается тем, что на данном этапе казахстанское понимание инноваций пока не отличается высокой требовательностью к степени «новизны» предлагаемых технологий или получаемой продукции. Пока вполне достаточно сориентироваться на продукт, имеющий преимущества в СНГ или просто с относительно высокой добавленной стоимостью, с локализацией хотя бы отдельных узлов и деталей (желательно не менее четверти) в Казахстане.

Так, например, производство первичного алюминия в Казахстане фактически приравнивается к инновационной деятельности. В этой связи важным проектом двустороннего сотрудничества по данному направлению является строительство совместно с российскими компаниями Экибастузского алюминиевого завода. Этот проект осуществляется российскими «Суалом», «Русалом» и присоединившейся к ним Glencore (один из крупнейших в мире трейдеров сырьевыми товарами). Планируется, что завод будет производить около 500 тыс. т алюминия в год. Большую часть глинозема для нового завода объединенная компания будет закупать в Казахстане у «Алюминия Казахстана». Металл, произведенный новейшим заводом в Экибастузе, будет, скорее всего, поставляться в Китай и Европу.

В целом, следует отметить, что расширение сотрудничества в атомной и космической сферах, а также реализация совместных проектов в нефтехимической и металлургической промышленности будут способствовать развитию высокотехнологичных производств, устранению структурных сдвигов в экономике двух стран, повышению качества их экономического роста.

Одним из перспективных направлений экономического сотрудничества между Казахстаном и Россией является *взаимодействие в банковской сфере*. Как известно, в продолжение сотрудничества в январе 2006 года был создан Евразийский банк развития (с уставным капиталом в 1,5 млрд долларов, в котором доля России составляет 1 млрд, доля Казахстана - 500 млн долларов). Деятельность данного банка направлена на расширение взаимовыгодных

торгово-экономических связей между Казахстаном и Россией, а в перспективе - между государствами-участниками ЕврАзЭС и ЕЭП. Активное развитие межбанковских связей двух государств становится важным фактором их устойчивого экономического роста и будет способствовать успешной реализации совместных проектов в реальном секторе экономики, а также в вопросах интеграции финансово-экономических инфраструктур Казахстана и России.

Вместе с тем следует констатировать, что рынок ценных бумаг Казахстана в настоящее время еще не в полной мере выполняет свои основные функции по аккумуляции сбережений и превращению их в инвестиции, в том числе в межгосударственном отношении. Хотя обладает огромным потенциалом развития, в том числе в части финансирования инвестиций в реальном секторе экономики.

До настоящего времени инфраструктура российского фондового рынка не так доступна для полной интеграции внешних инфраструктур (обслуживания иностранных депозитариев), как и инфраструктура фондового рынка Казахстана. В первую очередь, это законодательные ограничения в Российской Федерации, препятствующие работе депозитариев-нерезидентов в качестве номинальных держателей. Ситуация, когда казахстанские компании упорно не хотели выходить на фондовый рынок постепенно меняется. Однако необходимо отметить, что наибольшей популярностью при проведении первичного размещения акций у казахстанских компаний все еще пользуется Лондонская фондовая биржа, а не казахстанские или российские биржи.

Таковы вкратце, на наш взгляд, основные перспективные направления казахстанско-российского сотрудничества на ближайшее будущее.

Вместе с тем, несмотря на поступательное, без каких-либо серьезных осложнений, развитие казахстанско-российского сотрудничества, сохраняется еще ряд нерешенных проблем, которые тормозят его развитие. Одной из таких проблем является отсутствие четкого определения инвестиционных приоритетов казахстанско-российского взаимодействия в отраслевом и территориальном разрезах, что проявляется как в недостаточном удельном весе взаимных инвестиций в казахстанско-российском сотрудничестве, так и в отраслевых диспропорциях в направлениях инвестиций. Политика взаимного инвестирования пока еще не имеет системного характера, хотя участие российского капитала в развитии Казахстана может принести крупные дивиденды как экономического, так и политического характера, и наоборот.

В целом необходимо отметить недостаточный уровень согласованности в реализации двумя государствами внешнеэкономической политики, узкоотраслевой характер инвестиционного сотрудничества. Добиваясь расширения доступа на внешние рынки, обе страны вступают в конкуренцию друг с другом. В частности, многие предприятия металлургических комплексов Казахстана и России, реализуя продукцию на внешних рынках, не согласовывают свои позиции в части формирования ценовой политики. Многие виды металлургической продукции реализуются по демпинговым ценам. Указанные факторы позволяют крупным государствам-импортерам проводить линию дифференцированного подхода к выборам партнера и принимать жесткие антидемпинговые меры по отношению к казахстанс-

ким и российским товаропроизводителям, что отрицательно сказывается на развитии отраслей горнометаллургического комплекса и, в целом, всей экономики обеих стран.

Новые мотивы возникают при обсуждении энергетического сотрудничества на евразийском пространстве, особенно при реализации договоренностей в рамках стран СНГ, в частности между государствами ЕЭП по вопросам взаимодействия на Каспии, новых энергетических маршрутов в Европу. Вполне очевидно, что успешная кооперация между Казахстаном и Россией в этом взаимовыгодном сотрудничестве создает основу развития единого экономического пространства через масштабные и перспективные направления внешнеэкономической деятельности. Это своеобразный плацдарм для формирования условий дальнейшего развития единого экономического пространства, как экономической категории, так и международной экономической организации интеграционного типа на пространстве СНГ. В связи с этим важное значение для Казахстана и России имеет проведение согласованной политики регулирования внешнеэкономической деятельности, стимулирования отечественных производителей и развития торговых связей с региональными партнерами.

Как уже отмечалось выше, особое место в развитии двустороннего взаимодействия Казахстана и России занимает приграничное сотрудничество. Несмотря на определенные положительные сдвиги в торгово-экономических отношениях, не удалось пока создать эффективный механизм взаимовыгодного сотрудничества: уровень неэквивалентности обмена относительного объема внешнеторгового оборота субъектов РФ с Казахстаном остается значительным; остаются до конца несогласованными таможенная, налоговая, тарифно-транспортная и миграционная политика.

Принятые в странах меры по улучшению инвестиционного климата способствовали активизации казахстанско-российского сотрудничества. Несмотря на ряд имеющихся достижений в области взаимного инвестиционного сотрудничества, выделим ряд проблемных моментов: большая часть взаимных инвестиций направляется в горнодобывающую промышленность, что обуславливает сохранение структурных диспропорций в экономике двух стран и ее сырьевой направленности. Поэтому большое значение приобретает разработка механизма проведения согласованной инвестиционной и промышленной политики Казахстана и России, направленной на развитие производств с высокой добавленной стоимостью и повышение конкурентос-

ABSTRACT

In this article Dr. Muzaparova defines the three major tracks for Kazakh-Russian economic cooperation, which in her opinion have good prospects for both countries and are important from Kazakhstan's point of view.

First, it is collaboration in energy sector, and primarily in transportation of hydrocarbons. Due to Russia's geographic and historical proximity, as well as to a degree of integration of the two nations' oil-transporting in-

frastructure, Kazakhstan considers cooperation with Russian companies as its priority. In general Kazakhstan's pipeline projects enhance further strengthening of the largest oil-transporting companies of the two countries on both Eurasian and global markets of hydrocarbons transportation.

Within the bilateral cooperation in energy sector another important track is collaboration on peaceful use of atomic power. The most mutually beneficial projects in this field include establishment of a joint company in atomic power production and involvement of Russian companies in construction of an atomic power station in Kazakhstan.

Second, it is collaboration in high-tech and innovational industries. This includes joint exploration of outer space in civic goals and exploitation of the Baikonur space port, as well as further development of GLONASS (Global Navigation Satellite Systems). New prospects open in enhancing practical interaction in nanotechnologies field.

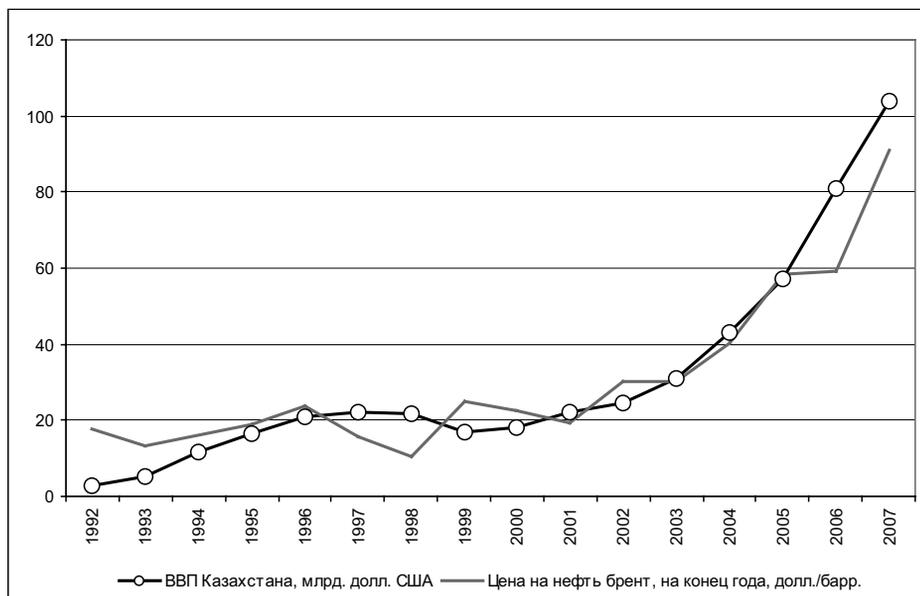
Third, it is collaboration in banking sphere. Active development of relations between Kazakh and Russian banks is turning into an important factor of sustainable economic growth in the two nations. This would enhance successful performance of joint projects in real sectors of economy, as well as integration of financial-economic infrastructures of Kazakhstan and Russia.

КОНЦЕПЦИЯ «МОБИЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ»: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И МЕТОДЫ ДИВЕРСИФИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Вячеслав ДОДОНОВ

Диверсификация остается одной из наиболее актуальных проблем казахстанской экономики на протяжении многих лет. Эта актуальность обусловлена все более усиливающейся сырьевой ориентацией и структурой ВВП, которая в последние годы усиливается по мере наращивания объемов добычи углеводородов и роста их цены на мировых рынках. Очевидно, что чем больше становится роль нефтегазовой промышленности в ВВП и экспорте, тем более уязвимой к конъюнктуре мировых товарных рынков оказывается казахстанская экономика.

Сырьевой фактор уязвимости казахстанской экономики наглядно проявляется в тесной корреляции показателей ВВП страны в долларовом исчислении и мировых цен на нефть (рис. 1).

Рисунок 1. Сравнительная динамика ВВП Казахстана и мировых цен на нефть.

Модернизация и диверсификация экономики фигурирует в приоритетах экономической политики страны уже достаточно длительное время, однако заметных прогрессивных изменений в структуре ВВП до настоящего времени почти не отмечается (таблица 1). На протяжении 2000-х годов наблюдается рост доли горнодобывающей промышленности и снижение доли обрабатывающей промышленности. Растут также доли и некоторых отраслей сферы услуг – связи, финансов, операций с недвижимостью, а также строительства.

Таблица 1. Структура ВВП Казахстана в 2000-годы (доли наиболее значимых отраслей, %)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Производство товаров	45,9	44,9	43,8	42,9	42,5	44,0	44,8	43,4
Сельское хозяйство, охота, лесоводство; рыболовство, рыбоводство	8,1	8,7	8,0	7,9	7,1	6,4	5,5	5,7
Горнодобывающая промышленность	13,0	11,4	12,1	12,1	13,6	15,8	16,1	15,1
Обрабатывающая промышленность	16,5	16,4	14,5	14,2	13,3	12,0	11,6	11,5
Строительство	5,2	5,5	6,3	6,0	6,1	7,8	9,8	9,4
Торговля, ремонт автомобилей и изделий домашнего пользования	12,4	12,1	12,2	11,6	12,5	11,8	11,4	12,4
Транспорт	10,0	9,7	10,1	10,8	10,1	9,8	9,3	9,0
Связь	1,5	1,5	1,5	1,6	1,7	2,0	2,2	2,5
Финансовая деятельность	3,1	3,4	3,5	3,2	2,9	3,2	4,7	5,9
Операции с недвижимым имуществом, аренда и услуги потребителям	10,8	12,1	12,5	14,3	15,3	15,1	14,9	14,9

Источник: Структура Валового внутреннего продукта за 2000-2007 годы. Агентство Республики Казахстан по статистике. www.stat.kz/

Определенные позитивные сдвиги, даже если имеются, не снимают с повестки дня проблематику диверсификации производства ВВП и национального дохода. В то же время существует ряд ограничений, объективно препятствующих данному процессу – ресурсные (кадровые, финансовые), временные, ограничения емкости внутреннего рынка и пр. В связи с этим, на наш взгляд, Казахстану требуется принципиально новая модель экономической системы, позволяющая решать столь же принципиально новые задачи развития страны и повышения ее конкурентоспособности в условиях глобализации.

Предлагаемая принципиально новая казахстанская экономическая модель строится на гипотезе о более эффективном развитии в условиях глобализации на основе концепции мобильной экономики. Именно эта концепция позволяет обойти ограничения ускоренного развития страны (временные, финансовые, кадровые) за счет быстрого инвестирования ресурсов в уже имеющиеся зарубежные производства вместо долгосрочного их замораживания в попытках развить собственные казахстанские аналоги. Таким образом достигается мобильность ресурсов, а вместе с ними – и большей части собственно экономической системы. Становится возможным формирование принципиально нового базиса развития национальной экономики - достижения гибкости производства и структуры ВВП в зависимости от текущей конъюнктуры глобальных рынков. Фактически речь идет о внедрении принципов управления корпорациями, как наиболее эффективными бизнес-структурами, на уровень национальной экономики.

Инструментом реализации этого продвижения, направленного на закрепление Казахстана в «лидерском пуле» стран, должно стать широкомасштабное и целенаправленное инвестирование средств в зарубежные активы. Именно этот инструмент позволит добиться гибкости ВВП, потому что современный уровень развития финансовых рынков позволяет очень оперативно осуществлять передислокацию капиталов из одной отрасли в другую. Таким образом, инвестируя сегодня в акции тех компаний, которые производят востребованную сегодня же продукцию, мы получаем отдачу от этих инвестиций также уже сегодня, а не через много лет после постройки собственного завода, который к моменту запуска станет уже неконкурентоспособным. Если же

произойдет смена конъюнктуры рынка и эта продукция станет менее востребованной, а производство — менее прибыльным, можно с такой же легкостью продать эти акции и переложить средства в более перспективную отрасль.

Этот механизм обеспечивает гибкость производства нашего ВВП и его, можно сказать, прогрессивность, потому что доходы будут идти от наиболее прогрессивных производств мира. В этом случае не будет социальных проблем внутри страны, которые сопровождают кризисы в реальном секторе — сокращения рабочих мест, снижения налогооблагаемой базы, кризиса в местном бюджете и пр.

Необходимо отметить, что государственное инвестирование посредством так называемых «суверенных фондов» получило широкое распространение в последние годы. Многие страны с экспортной ориентацией экономики создали государственные инвестиционные фонды или компании, которые активно инвестируют накопленные средства в зарубежные активы. По расчетам управляющего директора Morgan Stanley Стефана Джена, осенью 2006 г. под управлением около 30 различного рода госфондов находилось как минимум \$1,5 трлн. По прогнозу Джена, эта сумма в среднесрочной перспективе будет расти на \$200-300 млрд в год.

Сейчас в мире существует несколько типов государственных инвестиционных фондов. Самый традиционный и известный — нефтяной фонд Норвегии, с 2006 г. преобразованный в пенсионный фонд Global. В Объединенных Арабских Эмиратах действует Abu Dhabi Investment Authority (ADIA), активы которого оцениваются в интервале от \$260 млрд до \$600 млрд. На Ближнем Востоке существует немало подобных фондов, которые управляют нефтяными сверхдоходами. Старейший из них — кувейтский, он был основан еще в 1953 г. В Саудовской Аравии Saudi Arabian Monetary Agency (SAMA) — и инвестиционный фонд, и центральный банк: его активы на январь 2007 года превышали \$270 млрд.

Сингапурская корпорация Temasek выступает как механизм модернизации страны и реализации ее интересов за границей. Сейчас активы корпорации превышают \$80 млрд, а это более двух третей сингапурского ВВП. Temasek была создана в 1974 г. для управления всеми пакетами акций, принадлежавшими правительству Сингапура, но в последние годы корпорация активно инвестирует за границей, причем наибольшее внимание уделяется инвестициям стратегическим: 57% активов составляют пакеты акций величиной больше 20%. Temasek — не единственная сингапурская государственная инвестиционная компания, и даже не самая большая. The Government of Singapore Investment Corporation (GIC), основанная в 1981 г., изначально ориентировалась на инвестирование за границей. Стартовым капиталом послужила часть золотовалютных резервов страны, которые, кстати, тоже находятся под ее управлением.

В Китае создана инвестиционная компания National Foreign Exchange Investment Company (NFEIC) с активами около \$200 млрд. Эти ресурсы будут сосредоточены на приобретении крупных пакетов акций зарубежных компаний. Для управления «золотовалютными» инвестициями в госбанки в 2003 г. была создана компания Central Huijin Investment Co. В последние месяцы официальные лица все чаще говорят о расширении ее функций — вплоть до создания на ее базе огромного холдинга по управлению государственными

пакетами акций в различных предприятиях и передаче под ее управление еще \$100 млрд из резервов Народного банка Китая. В китайских верхах обсуждается также идея последующего объединения Central Huijin Investment и NFEIC в единый суперхолдинг, управляющий государственными активами и осуществляющий стратегические инвестиции как внутри страны, так и за рубежом. Это будет практически полный аналог сингапурской Temasek, но в отличие от Сингапура у Китая амбиции великой державы и вложения за рубежом могут носить более политизированный характер.

В то же время, приведенные примеры мирового опыта использования государственных средств для осуществления зарубежных инвестиций носят ограниченный характер и в основном предполагают два основных варианта их использования: 1. Размещение накопленных от экспорта средств в доходные инструменты. 2. Модернизация национальной экономики. Оба эти направления уже в настоящее время реализуются и в Казахстане – международные активы страны размещаются в зарубежные ценные бумаги, а отдельные государственные институты развития (Национальный инновационный фонд, национальные компании) осуществляют инвестирование в зарубежные активы с целью модернизации некоторых отраслей казахстанской экономики. Однако, на наш взгляд, целесообразно более широкое и радикальное использование инвестиционных возможностей глобальной экономики, на основе которых становится достижимым реализация принципиально новой экономической модели ускоренного и опережающего развития.

Предлагаемая принципиально новая казахстанская экономическая модель строится на гипотезе о более эффективном развитии в условиях глобализации на основе концепции мобильной экономики. Именно эта концепция позволяет обойти указанные выше ограничения (временные, финансовые, кадровые) за счет быстрого инвестирования ресурсов в уже имеющиеся зарубежные производства вместо долгосрочного их замораживания в попытках развить собственные казахстанские аналоги. Таким образом достигается мобильность ресурсов, а вместе с ними – и большей части собственно экономической системы. Становится возможным принципиально новый подход для развития национальной экономики - достижение гибкости производства и структуры ВВП в зависимости от текущей конъюнктуры глобальных рынков. Фактически речь идет о внедрении принципов управления корпорациями, как наиболее эффективными бизнес-структурами, на уровень национальной экономики.

Эффект от применения такого подхода может быть весьма заметным даже в самой ближайшей перспективе, так как уже в настоящее время накопленные в Казахстане международные резервы (золотовалютные резервы Национального банка и средства Национального фонда) составляют примерно 40 % ВВП страны. С учетом капитализации государственных холдингов, национальных компаний и других государственных активов, а также некоторой части государственного бюджета, совокупный объем государственных финансов составляет порядка 50 млрд. долл. при объеме казахстанского ВВП около 100 млрд. Разумеется, речь не может идти о вложении в зарубежные активы всех или даже большей части указанных средств, но даже инвестиции, например, пятой их части - 10 млрд. долларов при доходности в 10 % годовых обес-

печивают эквивалент одного процентного пункта прироста ВВП в год, что весьма существенно. Для сравнения, можно упомянуть о том, что резкий спад в строительстве осенью 2007 года в конечном итоге обошелся казахстанской экономике примерно в 1,5 процентных пункта недополученного прироста ВВП (при ожидавшемся уровне примерно в 10 % в итоге рост составил 8,5 %). Таким образом, уже в сегодняшних условиях осуществление разумной и сбалансированной политики по внедрению «мобильной экономики» позволило бы компенсировать такого рода кризисные явления и нейтрализовать их негативный эффект.

Основным же преимуществом предлагаемой концепции являются ее большие возможности в процессе диверсификации. Сложившаяся в настоящее время глобальная экономика в значительной мере базируется на системе финансовых рынков – открытых и высоколиквидных, что позволяет весьма гибко и оперативно как осуществлять вложения в наиболее выгодные и перспективные отрасли и страны мира, так и реструктурировать данные инвестиции. Именно на этой особенности современных рынков и базируется идея мобильной экономики, в рамках которой диверсификация экономики и источников получения доходов становится возможной в значительно более широких диапазонах, чем раньше.

Мобильность казахстанского капитала, вложенного в зарубежные активы, позволит, помимо создания системы нейтрализации части экономических рисков, осуществить и ускоренную модернизацию внутри страны, обойдя ограничения по времени и деньгам. Ограничения по времени обходятся за счет того, что инвестиции в акции уже существующего предприятия начинают работать сразу же, без долгого периода ТЭО, строительства, выхода на проектную мощность и рентабельность. Инвестиции в ценные бумаги уже в течение года приносят дивиденды, а также возможность курсового роста стоимости этих акций. И если прибыль аккумулируется без длинного временного лага, эту прибыль можно столь же быстро пустить на модернизацию внутри страны, модернизацию национальной экономики.

Так же обходятся ограничения по ресурсам, особенно – трудовым. Попытка развить сегодня в Казахстане собственное высокотехнологичное производство будет сталкиваться с большими проблемами из-за отсутствия квалифицированных кадров. Для насыщения внутреннего рынка труда квалифицированными местными специалистами в различных областях высокотехнологичного производства потребуются многие годы и перестройка всей системы образования, то есть, время, за которое страны-лидеры снова уйдут вперед. А в рамках модели мобильной экономики можно не опасаться растущего технологического отставания, потому что зарубежные инвестиции будут приносить дивиденды от технологического прогресса лидеров и конкурентов.

Необходимо также отметить, что сложившаяся в настоящее время ситуация в глобальной экономике в целом и на мировых финансовых рынках в частности, благоприятствуют реализации концепции мобильной экономики. В частности, общим фактором, способствующим этой концепции, является открытость современной глобальной финансовой системы, в рамках которой возможно приобретение акций и иных ценных бумаг практически любой компании мира, так как почти все компании развитых стран организованы

в форме акционерных обществ, представленных на фондовых рынках. Специфика фондовых рынков проявляется в «волновом», циклическом характере их динамики, что выражается в периодически происходящих спадах (вплоть до кризисов) котировок ценных бумаг, которые, таким образом, становятся значительно дешевле и доступнее для инвесторов, что открывает дополнительные возможности в рамках реализации концепции мобильной экономики.

В настоящее время на фондовых рынках наблюдается фаза спада с существенным снижением цен акций по всему спектру отраслей и практически во всех странах мира. Фондовые индексы США и европейских стран снизились примерно на 20 %, на азиатских рынках падение еще глубже. Высока вероятность продолжения спада в течение ближайших месяцев. При этом отдельные сектора или компании снижаются более глубоко, что создает хорошие возможности для покупок, чем пользуются некоторые инвесторы из богатых развивающихся стран, в том числе и рассмотренные выше государственные инвестиционные фонды. Так, арабские инвестиции уже идут в финансовые компании США, наиболее сильно упавшие в цене на больших списаниях ипотечных облигаций.

Таким образом, происходящие в настоящее время в глобальной экономике процессы, во-первых, подтверждают обоснованность предлагаемых подходов к развитию экономики на основе более гибкого управления имеющимися финансовыми ресурсами государства и, во-вторых, свидетельствуют о том, что некоторые страны уже начинают использовать преимущества финансовой глобализации для получения доходов и упрочения своего положения в мирохозяйственной системе.

Последний аспект может быть даже более важен в контексте продвижения страны-инвестора вверх по иерархии глобальной экономической пирамиды. Причем именно сложившаяся сегодня ситуация дает возможность для более успешного роста «потенциала субъектности» - ведь наиболее пострадавшими (и, соответственно, подешевевшими) зарубежными компаниями сейчас являются именно столпы системы глобального экономического детерминирования – банки, инвестиционные компании и прочие финансовые институты США и Западной Европы.

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что за счет мобильности источников национального дохода будет более эффективно достигаться цель повышения гибкости и адаптивности экономики Казахстана к внешним условиям. Также будет решена задача повышения ее устойчивости, так как диверсифицируются структурные риски, риски зависимости благополучия страны от двух-трех отраслей, как сейчас.

У данной концепции есть и другие преимущества, в том числе:

- Возможность за счет участия в капитале крупных корпораций и инфраструктурных сетей продвинуться выше в мировой экономической иерархии и стать в один ряд со странами-субъектами мировой политики;
- Получение доступа к передовым технологиям и возможность за счет этого модернизировать собственную производственно-технологическую базу;
- Выстраивание системы казахстанского влияния на конъюнктуру мировых рынков;
- Реализация потенциала лидерства в процессах евразийской интеграции.

В целом же предлагаемая модель позволяет совершить трансформацию экономики Казахстана в русле глобальных тенденций по следующей цепочке: зависимость (сегодняшнее состояние) – адаптация (ближайшая перспектива) – экспансия (среднесрочная перспектива) – лидерство (долгосрочная перспектива). Также будет решена задача повышения ее устойчивости, так как диверсифицируются структурные риски, риски зависимости благополучия страны от двух-трех отраслей, существующие в настоящее время.

ABSTRACT

In this article Dr. Dodonov puts forward his arguments on the conception of mobile economy and its opportunities in the process of diversification of the Kazakhstani economy. He analyses the structure of Kazakhstan's GDP and its dependence on state of international commodity markets and on oil prices in particular. Based on present sustainable link between prices on global markets and dynamic of the country's GDP, he concludes on the urgent need for modernizing and diversifying national economy of Kazakhstan.

Dr. Dodonov stresses a number of limitations on the road of diversification, such as ones related to resources, time and volume of domestic market, etc. Therefore he proposes a fundamentally new model of economic system, which allows solving principally new tasks for the nation's development and enhancing its competitiveness in terms of globalization. This conception of mobile economy implicates shift to tactics of operative reacting on fast changes of the state of global markets through investing resources in existing foreign industries instead of freezing them in attempts to promote their Kazakh analogues.

It is stressed by Dr. Dodonov that the conception under study creates extensive opportunities in the process of diversification, since the existing global economy structure is largely based on the system of financial markets, which allows one both investing into the most profitable and promising industries and national economies, and restructuring those investments quite flexibly and quickly. It is exactly on this feature of contemporary markets that the idea of mobile economy is based. Within this conception the opportunities for diversifying economy and income sources extends into diapasons larger than ever before.

To support this conception the article analyses experience from foreign states' government-run investment companies and sovereign funds that have successfully invested into the world's front-running companies, and how this step allowed those states to obtain a number of advantages in their economic development.

ИНТЕЛЛЕКТ НАЦИИ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО ПРОРЫВА

Зауре ЧУЛАНОВА

На стыке прошедшего XX и наступившего XXI веков применительно к общественному развитию были привнесены такие понятия, как глобализация и устойчивый экономический рост. Глобализация по сути своей представляет среду глобальной конкуренции, интеграция в которую, приобретая критическое значение для национальных экономик, является фактором успешного развития в современном мире. Активизация процессов глобализации, сопровождаемая, особенно в последние годы, рядом кризисных явлений, в частности дестабилизацией финансовых рынков, кризисом ликвидности на мировых рынках капитала и др., значительно актуализируют проблему устойчивости национальных экономик ко всякого рода негативным как внутрорегиональным, так и внешним воздействиям планетарного масштаба.

Научно-техническая и информационная революции минувшего века значительно изменили условия и характер экономического развития во всем мире. Сама сущность параметров, определяющих успех экономики, претерпела изменения, когда сравнительные преимущества той или иной страны все менее становятся производными от природных ресурсов и соотношения труд-капитал в значительной степени определяются уровнем развития нематериальных активов. В частности, в сфере экономических ресурсов такие активы, как ноу-хау, приобретают гораздо большую значимость, нежели другие. В этом контексте яркой иллюстрацией представляется Япония, экономика которой, опираясь на заимствования научно-технического и хозяйственного опыта передовых стран, продолжает успешно улучшать свои позиции на мировой арене. Сегодня, согласно данным Всемирного экономического форума, страна занимает первые места по инновационным факторам, в частности по таким показателям, как модернизация бизнеса и инновации. Ориентация на выпуск продукции, отличающейся новизной, уникальностью, высочайшим качеством и сложностью, позволили создать многие форматы и технологии, ставшие впоследствии мировыми стандартами. И сегодня с полным правом можно сказать, что благодаря именно японскому производству люди многих стран получили доступ к передовым достижениям науки и техники, оказавшим значительное влияние на повышение жизненных стандартов.

Наступивший XXI век знаменует собой небывалый всплеск инновационного развития в мировом масштабе. В числе мировых стран-лидеров - США, Германия, Франция, Великобритания, обладающие большей частью мировых макротехнологий и контролирующих более 80% этих рынков. По ряду направлений к ним стремительно приближаются такие азиатские феномены, как Южная Корея, Малайзия, Сингапур, Гонконг и другие новые

постиндустриальные страны¹. Сегодня в мире отчетливо сформировалось понимание того, что наступивший век знаменует собой начало эпохи, когда будущее процветание и даже выживание в глобальной экономике целых народов будет, и уже определяется, главенствующей ролью нововведений, повышающих конкурентоспособность на мировых рынках, являющейся, в свою очередь, главным индикатором успешности страны на международной арене. И неудивительно, что именно инновации в современной экономике признаются одним из ключевых источников экономического роста. Если исходить из словарного определения термина «инновации» (обновление, введение чего-либо нового), то применительно к общественному развитию в широком смысле это обозначает развитие всех сфер жизнедеятельности, будь то социальная, экономическая, управленческая, образовательная и т.д. на базе самых разнообразных нововведений. Именно инновационная активность, высокие технологии, гибкость производственной сферы – вот те условия, которые необходимо будет выполнять национальным экономикам в условиях глобальной конкуренции.

Для Казахстана, в свете поставленной задачи по вхождению в число 50 наиболее конкурентоспособных стран мира, проблема инновационного развития отечественной экономики, создающей и производящей качественно новые изделия и технологии, позволяющие ей стать конкурентоспособной на мировых рынках, приобретает первостепенную важность. На сегодня Казахстан опережает по экономическим реформам многие страны постсоветского пространства, являясь лидером в Центральноазиатском регионе. Однако, несмотря на динамичное экономическое развитие страны, оно далеко не беспроблемно. Общеизвестно, что на сегодня основным источником и движущей силой роста экономики, и в частности ее финансирования, выступают доходы отраслей, связанных с добычей и экспортом нефти и других минерально-сырьевых ресурсов. Иностранцев привлекает в основном нефтяной сектор, приносящий быстрый доход. Никуда не деться и от существующей тенденции высокой избирательной активности внутренних инвесторов в пользу, в частности, строительства, недвижимости, торговли. И те и другие игнорируют обрабатывающую отрасль. Так, из привлеченных средств на долю горнодобывающей промышленности приходится 47%, в то время как на обрабатывающую - всего 11%. Прогрессивные технологии присутствуют, в основном, в топливно-сырьевых отраслях, тогда как при слабой капитализации недобывающих отраслей здесь складываются слабые стимулы к заимствованию передовых технологий, консервируется технологическая отсталость, и с учетом степени износа этой отрасли о производстве продукции соответствующей мировым стандартам не может быть и речи. Справедливо будет отметить и то, что помимо невозобновляемости естественных ресурсов, зависимости от конъюнктуры цен на мировых рынках экспортно-сырьевая модель развития имеет и такой негативный аспект: добывающие предприятия топливно-энергетического комплекса не решают проблемы рынка труда, так как территориально локальны и по технологическим особенностям обеспечивают занятость только небольшой части населения страны.

---

¹ Оболенский В.П. Технологическое соперничество на мировом рынке. // Мировая экономика и международные отношения, 2003, №7.

Сегодня Казахстан - государство с рыночной экономикой, и для интеграции в мировое сообщество развитых стран на данном этапе необходим инновационно-технологический прорыв. Поэтому в экономической политике страны приоритетными являются: достижение устойчивого развития путем диверсификации отраслей экономики, сбалансированность развития обрабатывающего и сырьевого секторов с эффективным использованием сырья и ускоренным развитием производства конкурентоспособной экспортно-ориентированной продукции высокой готовности и добавленной стоимости, подготовка условий для перехода в долгосрочном плане к сервисно-технологической экономике. Реализация этих задач является основополагающей в Государственной программе индустриально-инновационного развития республики Казахстан до 2015 г., являющейся составной частью Стратегии 2030 и предусматривающей прирост производства товаров и услуг именно за счет несырьевых отраслей. Одним из масштабных проектов в этом направлении является кластерная инициатива с выделением семи конкурентных направлений (металлургия, нефтегазовое машиностроение, транспортно-логистические услуги, текстильная промышленность, строительные материалы, пищевая промышленность, туризм), пилотные проекты которых уже запущены в различных регионах страны.

С учетом ведущей роли бизнеса в создании национальной конкурентоспособности в стране активизируется процесс формирования системы государственно-частного партнерства, с привлечением крупного отечественного бизнеса для реализации масштабных инвестиционных проектов. По примеру некоторых стран Юго-Восточной Азии, успешно выведших свои корпорации на мировые позиции, Казахстан реализует идею создания в стране 30 корпоративных лидеров, которые своими прорывными проектами должны заявить о себе на мировых рынках. Важно то, что приоритеты отдаются новым проектам, связанным с глубокой переработкой сырья.

В ипостаси проводника государственной политики в аспекте повышения и стимулирования инвестиционной и инновационной активности в несырьевых секторах экономики республики выступает созданный в этих целях Фонд устойчивого развития «Казына» с семью институтами развития в своем составе и с уставным фондом более 2 млрд долл. На данный момент в портфеле Фонда 183 проекта на сумму более 5 млрд долл., участие институтов развития в проектах - около 2 млрд долл.

Уже сегодня в регионах реализуются такие крупные и важные для экономики страны проекты, как, например, строительство газоперерабатывающего, медеплавильного, алюминиевого заводов, горно-обогатительных комбинатов, заводов по производству хлора и каустической соды, организация производства металлургического и поликристаллического кремния и т.д.

Идет активный процесс модернизации в информационной сфере. Это, в частности, созданная «Казтелекомом» надежная система связи, значительно расширившая возможности скоростного доступа к отдаленным регионам, что очень важно, если учесть обширную территорию Казахстана. Особую значимость приобретает удовлетворение все возрастающих потребностей отечественных пользователей Интернета, когда в условиях глобальной конкурентоспособности товаром становится информация, а сфера предоставления услуг трансформируется таким образом, что их можно получать

и через Интернет. В этой связи следует сказать об остроте проблемы квалифицированных IT-специалистов в республике, потому как необходимость в таких специалистах с достаточно глубоким знанием ключевых вопросов и путей решения общих проблем IT-администрирования охватывает все более широкие сферы деятельности. В частности, практика показывает, что более 25% поломок и неисправностей в сфере IT возникают по причине недостаточно высокой квалификации работников. Показательна в этом плане работа корпорации Hewlett Packard с 30-летним стажем обучения в этой области совместно с отечественными «АЛСИ» и «Казинформтелеком» по подготовке казахстанских специалистов. Это тем более актуально, если учесть, что в республике нет кадров с соответствующим уровнем подготовки для работы в этой отрасли, необходимость которых диктуется самой жизнью. Высоки позиции республики в развитии ядерной сферы. Так, национальная компания «Казатомпром», войдя в первую тройку производителей урана, уже является одним из крупных продуцентов в мировой урановой промышленности, выходя на лидирующие позиции по внедрению новых технологий.

Во всем мире по достоинству оценена работа индустриальных парков, дающих перспективу успешному развитию предприятий с созданием рабочих мест и выпуском высококачественных товаров, востребованных на мировых рынках. Строящийся в столичном регионе многофункциональный и универсальный парк как раз и отвечает этим задачам, так как предназначен для насыщения локального, регионального, а также внешнего рынков конкурентоспособной продукцией наукоемких и высокотехнологичных производств. Особенно значимо то, что здесь предусмотрено создать благоприятные условия инвесторам, готовым вкладывать средства в обрабатывающие сектора, что актуально для Казахстана в аспекте отхода от сырьевой зависимости. Здесь получают свое развитие, в частности, производство строительных материалов, машиностроение, сборочное производство, логистические услуги и др. К примеру, предусмотрено строительство завода по сборке 30 тыс. автомобилей в год торговой марки «Ниссан», совместно с китайскими компаниями, или же уникального на территории СНГ локомотивосборочного завода, совместно с известной американской компанией General Electric, и др. В Казахстане уже созданы и действуют четыре региональных технопарка, планируется создание еще трех. Трудно переоценить значимость взаимозависимости между инновационной инфраструктурой и уровнем инновационной активности.

Это лишь некоторые аспекты экономического развития по созданию условий для стабилизации и расширенного воспроизводства потенциала страны, адекватных современным реалиям мирохозяйственного развития в целом. Естественно, что функционирование уже действующих и намеченных к освоению проектов с использованием современных передовых технологий при участии ведущих мировых компаний обеспечит высокие долгосрочные темпы роста экономики, а выпускаемая продукция даст возможность Казахстану позиционировать себя как достойного партнера на мировых рынках. Однако на сегодня, согласно ВЭФ, по таким важнейшим факторам конкурентоспособности, как технологическая готовность и инновации, Казахстан в 2006 г. занимал в мировом рейтинге соответственно 66 и 74 строчки. Арифметика простая: чтобы войти в число 50 развитых стран, необходимо передвинуться на 16 и 24 строчки, соответственно, вперед. А сегодня на мировую арену

выходят все новые страны, совершающие прорывы в сфере инноваций и технологий, обостряя конкуренцию и создавая угрозу технологической отсталости для менее развитых экономик. В этом контексте совершенно очевидно - обеспечение конкурентоспособности через инновации для Казахстана, с учетом его экономики, имеющей недостаточно диверсифицированную структуру и с высокой экспортной ориентацией сырьевого сектора, приобретает жизненно важную необходимость.

Развитие мировой хозяйственной системы на базе современных технологий требует наличия работников высокого профессионального уровня, способных обеспечить реализацию потенциальных возможностей страны. Складывается новый мировой порядок, когда индустриально-инновационное развитие страны подразумевает высокие качественные параметры его исполнителей. Естественно, чем выше профессионализм специалиста, тем больше вероятность успешного освоения им сложных технологий и технического оборудования. Между тем анализ трудовой ситуации показывает, что в Казахстане на данный момент уровень профессионализма работников далеко не адекватен современным научным и техническим достижениям, что значительно затрудняет подъем экономики, тормозит инновационные процессы. Уже сейчас отдельные отрасли, к примеру машиностроение, металлообработка и другие, в процессе начавшейся модернизации, обновления основного капитала столкнулись с острой нехваткой высококвалифицированных специалистов, которых национальный рынок труда пока еще предоставить не может. И потому действующие в Казахстане иностранные нефтяные компании, открывая новые, западного типа, производства с соответствующими технологиями, из-за отсутствия кадров широко практикуют привлечение своих специалистов.

Понятно, что малонаселенному Казахстану с небольшим внутренним рынком войти в число 50 наиболее конкурентоспособных стран мира возможно только за счет опережающего человеческого развития и высокого уровня накопления человеческого капитала. Практически во всех странах человеческий капитал составляет большую часть накопленного национального богатства. Об этом свидетельствуют положения теории Т.Шульца о человеческом капитале как о накопленных затратах в целом на воспроизводство рабочей силы, результатом которых являются способность людей к труду, созидательной деятельности в обществе, поддержание самой жизни людей, повышение благосостояния и т.д. По мнению исследователя, человеческий капитал имеет свойство накапливаться и воспроизводиться на обновляемой основе². Отсюда вполне логичным будет сказать, что в отличие от невозобновляемых природных ресурсов человеческий капитал, находясь в постоянном развитии, неисчерпаем. Собственно наличие богатых природных ресурсов может лишь способствовать, но не сможет обеспечить устойчивый экономический рост. Более того, они будут ставить страну в высокую степень зависимости от конъюнктуры мировых рынков нефти, металлов, руд и т.п. Все это означает, что, с одной стороны, экономическое и социальное развитие стран, особенно в условиях глобализации, в значительной степени зависит от эффективности процесса воспроизводства человеческого капитала и его качества. С другой же стороны, безусловным приоритетом в социальной сфере страны являются инвестиции в развитие человеческого

---

² Shultz T. Investment in Human Capital. N.Y.London, 1970.

капитала, способствующие росту производительной активности людей, т.е. вложение средств в эту сферу – необходимое условие эффективного развития всех секторов экономики, а значит экономического роста.

Это согласуется с концепцией человеческого развития ПРООН, одним из компонентов которой, стимулирующим активность человеческих ресурсов, является социальная политика. Потому что, во-первых, она напрямую связана с расширением человеческих возможностей, и во-вторых, социальные вложения рассматриваются как «инвестирование в людей»³. Оба этих тезиса имеют прямое отношение к инновационной активности человеческого ресурса той или иной страны. С экономической точки зрения инновации обеспечивают высокий экономический рост, по логике, в свою очередь, способствующий высокому уровню и качеству жизни населения, являющихся одним из важнейших его показателей. С другой стороны, высокому уровню благосостояния соответствует высокий уровень культуры, общеобразовательной и профессиональной подготовки, хорошее состояние здоровья, являющиеся важнейшими факторами повышения инновационной активности, особенно в условиях формирования новой экономики, основанной на максимальном использовании знаний людей и всего человеческого потенциала в масштабах страны. В то же время рост благосостояния играет роль двигателя развития экономики, создавая и расширяя спрос на товары и услуги лучшего качества. И, наконец, меры, направленные на повышение качества жизни населения (к примеру, улучшение жилищных условий, транспорта, телекоммуникаций, здравоохранения и т.д.), поднимая уровень жизни, одновременно способствуют модернизации соответствующих и развитию сопутствующих им отраслей, одновременно при этом обеспечивая занятость населения. В Казахстане ситуация в этом аспекте внушает оптимизм. В частности, динамика опережающего роста экономики позволяет прогнозировать в нынешнем году удвоение душевого ВВП - до 7000 долл. Если обратиться к статистике, то можно отметить, что уже в начале этого года высокие темпы роста заработной платы и среднедушевых денежных доходов населения в реальном выражении на 20,0 и 18,1% соответственно выше предыдущего. Государство в состоянии оказать значительную поддержку социальной сфере, в частности предусмотрев на социальные выплаты в 2008 г. 108 млрд тенге. Как показывает практика, страны с высокими доходами и высоким производством ВВП на душу населения имеют возможность большим объемом инвестиций формировать человеческий капитал, и они наиболее активны в выходе к высоким технологиям. Стабильный рост, структурная перестройка экономики, реформы, осуществляемые во всех сферах общественной деятельности, открывают положительные перспективы для Казахстана в этом направлении. Об этом свидетельствует динамичный рост индекса развития республики в мировом рейтинге 177 стран (0,726 - в 1995 г., 0,762 - в 2000 г., 0,772 - в 2003 г., 0,794 - в 2005 г.), что позволяет войти в состав группы стран со средним человеческим развитием⁴. Сегодня уже является аксиомой тот факт,

---

³ Human Development Report, UNDP.

⁴ Индикаторы мониторинга бедности в Республике Казахстан / ПРООН, Агентство РК по статистике. Алматы. 2003; Уровень жизни и бедность населения в Республике Казахстан / Агентство РК по статистике, ПРООН, Алматы. 2004; Human development report 2007\2008.

что все наиболее развитые страны мира успешны в своем развитии за счет инноваций. Именно технологический прорыв способен принести прогресс развивающимся странам и будет способствовать приближению к уровню этих стран. В современных условиях, в эпоху становления и развития «экономики знаний», главным производственным и стратегическим ресурсом становится интеллект нации, в плане получения знаний и информации, что в значительной мере изменяет характер конкуренции на мировых рынках и место страны в международном разделении труда. Вполне логично сказать, что по сути – это конкуренция человеческих потенциалов разных стран. Вхождение в глобальную хозяйственную систему с ее современными технологиями требует все большего количества активных людей высокого интеллектуального уровня, способных обеспечить конкурентоспособность и социальное благополучие страны. Таким образом, поскольку инновации являются продуктом творческой деятельности людей, то доминантной составляющей экономического развития в современном мире является именно человеческий потенциал. Это значит, что в фокусе государственной политики социально-устойчивого развития страны в числе стратегических факторов должно выступать «воспроизводство и накопление индивидуального и общественного человеческого потенциала как необходимого условия повышения качества человеческого капитала, обеспечивающего инновационный прорыв»⁵.

Основополагающими элементами успешной инновационной деятельности представляются знание и продолжающееся образование, формирующие, в свою очередь, интеллектуальный капитал общества. Образовательный уровень граждан является одним из конкурентных преимуществ страны, характеризующий ее возможность выстоять в глобальной конкуренции. Несмотря на то, что по охвату населения образованием Казахстан имеет высокий показатель - 99,5%, следует отметить, что по качественным параметрам мы далеки от мировых стандартов. Система высшего образования не обеспечивает сегодня опережающего образования, т.е. подготовки специалистов с ориентацией на технологический прогресс и работников широкого профиля, способных быстро менять профессию. Развитие таких совершенно новых направлений, как информатика, микроэлектроника, биотехнология, нанотехнологии и др., предполагает развитие принципиально новых профессий, связанных с научно-техническим прогрессом, в частности аналитиков систем, специалистов в области информационных технологий, программного обеспечения и т.д. Отсюда невозможна интеграция в мировое сообщество без кадров, подготовленных на качественно новом уровне, соответствующем международным стандартам. Это согласуется с мнением М.Портера, что «всего лишь тот факт, что работники получили полное среднее образование или окончили колледж, не дает конкурентных преимуществ в современной конкуренции на международном уровне. Для поддержания конкурентных преимуществ фактор должен быть высоко специализированным по отношению к конкретным нуждам данной отрасли»⁶.

К сожалению, приходится констатировать тот факт, что на сегодня в Казахстане все еще проблемной остается подготовка высококачественных

---

⁵ Ипполитов Л.М. Роль социальной сферы в обеспечении устойчивого социально-экономического развития. // Экономический рост и вектор развития современной России. М., 2004.

⁶ М.Портер. Конкуренция. Санкт-Петербург. Издательский дом «Вильямс», 2002.

кадров по международным стандартам, являющихся важнейшей компонентой инновационной экономики. По-прежнему имеет место диспропорция между наличием выпускников технических специальностей и экономических и юридических в сторону последних. Хотя реальная действительность четко показывает очевидность неэффективности такой направленности, равно как и то, что качество выпускаемых технических специалистов оставляет желать лучшего. И совершенно очевидно, что реализация стратегии вхождения Казахстана в число 50 конкурентоспособных стран мира лежит в плоскости наличия высокообразованного человеческого ресурса, что в свою очередь делает необходимым возведение образования в разряд ключевых отраслей народного хозяйства республики. Это тем более актуально, что международные эксперты очень высоко оценивают экономическую эффективность вложения средств в высшее образование. В частности, доходность вложений в производство составляет 14-16%, в науку – 200-600%, а в подготовку, переподготовку и повышение квалификации специалистов – около 800%, а в отдельных случаях - до 4000-5000%⁷. А по аналитическим исследованиям Артура Мэддисона, высокие темпы экономического роста коррелируют с более высокой долей образованных людей в численности населения страны. Он также просчитал, что увеличение ассигнований на образование на 1% ведет к увеличению валового внутреннего продукта страны на 0,35%⁸.

Мир с каждым годом становится все образованней. В настоящее время образовательные услуги иностранным гражданам предоставляют около 130 государств мира. Прогнозируется, что общемировая численность иностранных студентов к 2010 г. достигнет 3,7 млн человек. Не обошел стороной процесс глобализации высшего образования и Казахстан. Примером стратегического подхода в аспекте вхождения в мировое образовательное пространство является президентская программа «Болашак», по которой в вузах 32 государств ежегодно обучаются 3000 молодых казахстанцев по специальностям, востребованным в высокотехнологичном производстве отечественной экономики. В период 2008-2009 гг. предусмотрено проведение международной аккредитации 10 образовательных программ в 5 национальных вузах с объемом финансирования около 200 млн тенге, а с 2010 г. - участие 5 национальных вузов в институциональной аккредитации с финансированием в 260 млн тенге.

Исходя из того, что именно действующая система образования ответственна за подготовку кадров на качественно новом уровне, соответствующем международным образовательным стандартам, Казахстан формирует эффективную модель развития человеческого потенциала, развивая и совершенствуя национальную модель образования. Из года в год увеличивается финансирование образовательной сферы, возросшее на 40% в 2007 г. по сравнению с предыдущим и вдвое против 2005 г. К 2009 г. объем финансирования этой отрасли увеличится до 540 млрд тенге.

Как правило, инновационному циклу предшествуют научно-исследовательские, опытно-конструкторские или проектные работы, результаты которых становятся инновацией в виде товара или услуги. Таким образом, в процессе

---

⁷ Самый выгодный «товар» - квалификация. Казахстанская правда. №146, 2 июля 2008.

⁸ Arthur Maddison. «Dynamic Forces of Capitalist Development», 1999.

создания конкурентоспособной продукции очевидна все возрастающая роль науки, являющаяся основным критерием инновационного развития экономики, успешность развития которой зависит от объема инвестирования. В республике как на развитие самой науки, так и на внедрение опытно-конструкторских работ и выработку новых технологий объем ежегодных средств к 2012 г. составит 350 млрд тенге, а это более 5% от ВВП. Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что именно степень и уровень развития образовательного и научного пространства во многом определяют интеллектуальные возможности страны по созданию конкурентоспособной продукции с выходом на мировые рынки. Не приведя в норму качественное состояние этих параметров, ни одна страна, в том числе и Казахстан, не сможет занять достойное место в мире.

В свете поставленных задач по модернизации общества реалии сегодняшнего дня диктуют, как не раз отмечал Президент страны, создание престижных инженерных учебных заведений, которые могли бы стать мощными образовательными, исследовательскими центрами по обеспечению экономики страны необходимыми кадрами. Речь идет о научно-образовательно-производственных комплексах, представляющих собой одну из прогрессивных форм подготовки специалистов, способных активизировать развитие инновационной экономики страны. Показателен в этом аспекте первый в Казахстане корпоративный университет, созданный на базе Карагандинского государственного университета и объединивший 27 научных и промышленных предприятий Казахстана и России. Самым важным моментом в свете уже реализуемых и еще предстоящих прорывных проектов представляется возможной подготовка собственных инженерно-технических кадров высокого класса, так необходимых республике.

В качестве еще одного примера интеграции образования можно привести совместную деятельность Восточно-Казахстанского технического университета, НИИ по нанотехнологиям и новым материалам, Проектного НИИ строительной индустрии, региональной учебно-научно-исследовательской инженерной лаборатории «IPRETAC», представляющих один из ведущих исследовательских центров в области нанотехнологий и получения новых материалов. Для проведения исследований, наряду с привлечением высококвалифицированных специалистов, готовятся и собственные - с ориентацией работать на наноуровне. Так, ученые университета, посетив японские фирмы, в частности такие всемирно известные, как Jeol, Ulvac, Seki Technotron, Rigaku, Interactive Corporation, центр инновационной инженерии Токийского университета, получили современные знания в сфере электронной микроскопии, материаловедения и нанотехнологий. По результатам проведенных исследований предприятием «Альтрейд» налажено серийное производство технической керамики на основе соединения редких металлов, поставляемой в страны как ближнего, так и дальнего зарубежья, в частности в Индию, Израиль, Польшу, Россию, Украину, Беларусь. Большую заинтересованность в сотрудничестве с ВКГТУ в указанной области проявляют представители Японии, Южной Кореи, Германии. По инициативе Китая рассмотрены перспективы партнерства по созданию тонкой технической керамики⁹. Перспективным в аспекте интеграции образования, науки и производства пред-

---

⁹ Неотвратимая «наность» бытия. / «Казахстанская правда». №115-116, 30 мая 2008.

ставляется уже строящийся комплекс Национального центра биотехнологии в составе инновационно-образовательного консорциума «Биотехнология», с участием Центра биологических исследований, Евразийского Национального университета, Казахского агротехнического университета, Казахской государственной медицинской академии и др. И это далеко не единичные примеры. Все больше и больше в республике появляется образовательных учреждений такого типа, реализуются крупные образовательные проекты. В частности, предстоящее открытие новейшего университета, соответствующего всем международным требованиям, при участии, в частности, китайской нефтяной компании «CNPC International», Корейского института электронных технологий, Корейского политехнического университета, Технологического института Нью-Джерси (США), предполагает придать Казахстану статус одного из значимых научных и образовательных мировых центров.

Говоря о кадровом потенциале страны, следует отметить, что предстоящее вступление Казахстана в ВТО актуализирует проблему наличия инноваторов в сфере бизнеса. Членство в этой организации открывает широкие перспективы для доступа к новейшим технологиям, с одной стороны, но с другой – возникает необходимость открытости рынка труда, что значительно обострит конкуренцию с зарубежными специалистами с более высокой квалификацией на вновь создаваемых рабочих местах. Ведь отечественному бизнесу предстоит производить конкурентоспособные товары не только для внутреннего рынка, но и выходить с продукцией, востребованной на внешних рынках.

Продолжая кадровую тему, следует сказать о первостепенной важности проблемы качества управления, качества государственной власти, поднятой на II Ассамблее Всемирного Форума «Интеллектуальная Россия». И здесь нельзя не согласиться с утверждением президента-ректора Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации профессора В.К.Егорова, что отсутствие талантливых, широко образованных управленцев не дает вырваться целым регионам из порочного круга неэффективной экономики, безработицы, бедности¹⁰. Конкурентоспособной страна - не на словах, а на деле - станет тогда, когда у нее будут конкурентоспособные чиновники. Это относится и к Казахстану. К слову сказать, известная президентская программа «Болашак», согласно введенным поправкам, уже в этом году станет доступной и для чиновников.

ABSTRACT

Revolutionary changes in science, technology and dissemination of information during the course of previous century significantly altered conditions and character of economic development throughout the world. In the field of economic resources in particular such assets as know-how obtain a greater meaning than others. For Kazakhstan, in light of its aim to join the list of 50 competitive nations of the world, issues of innovative devel-

---

¹⁰ Московский комсомолец №24, 18-25 июня 2008.

opment of an economy that creates and manufactures qualitatively new commodities and technologies and would potentially allow competing on global markets, gain very high priority.

In contemporary age of emergence of knowledge-based economy the main industrial and strategic resource is a nation's intellect. This is really important in light of gaining knowledge and information, which notably changes character of competition on global markets and the place occupied by a country in international division of labor. Evolution of world economic system based on modern technologies requires availability of highly professional employees who are capable fulfillment of the nation's potential capacities. Apparently for Kazakhstan with its small domestic market joining the rank of most competitive nations is only possible through overtaking human development and high level of investments into human capital. Talking about country's the human resources; one should mention a nearing of Kazakhstan joining WTO raises the issue of availability of innovators in national business. Membership in this organization on the one hand opens wide prospects for access to latest technologies. On the other hand it creates a need for opening the country's labor market. This would notably increase competition with better-qualified foreign specialists for new positions at the domestic labor market.

ЕС И КАЗАХСТАН: ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Кайрат ШАЙХИЕВ

Европейский Союз (ЕС) – объединение 27 европейских государств, подписавших Договор о Европейском союзе (Маастрихтский договор). ЕС - уникальное международное образование, в котором сочетаются признаки международной организации и государства, однако формально ЕС не является ни тем, ни другим. Союз не является субъектом международного публичного права, однако имеет полномочия на участие в международных отношениях и играет в них немалую роль.

Международную экономическую интеграцию (МЭИ) можно определить как процесс хозяйственно-политического объединения стран на основе развития глубоких устойчивых взаимосвязей и разделения труда между национальными хозяйствами, взаимодействия их воспроизводственных структур на различных уровнях и в различных формах.

Западноевропейская интеграция в своем развитии прошла несколько этапов, характеризующихся как ее углублением, переходом от низших видов к высшим, так и увеличением числа участников. Это - образование зоны свободной торговли, образование таможенного союза, возникновение экономического союза, полная интеграция с единой экономической политикой. Основная особенность Евросоюза состоит в том, что образующие его группировки признают принцип свободного взаимного перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы.

В соответствии с Маастрихтским договором, экономический и валютный союз создается в три этапа: становление экономического и валютного союза ЕС, подготовка стран-членов к введению евро, переход стран-членов на единую валюту. Экономический и валютный союз ЕС является кульминацией становления единого внутреннего рынка.

Для достижения поставленных целей в вопросах развития интеграции в Европейском Союзе созданы наднациональные институты управления. Наиболее важными из них являются Совет ЕС, состоящий из Европейского Совета глав государств и Совета Министров, Европейская Комиссия, Европейский Парламент и Суд.

На сегодняшний день отношения между Казахстаном и Европейским Союзом регулируются в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве. Сейчас обе стороны работают над созданием плана по дальнейшему осуществлению этого соглашения и установлению новых приоритетов для других форм сотрудничества. В настоящий момент официальная точка зрения представителей ЕС состоит в том, что этот документ является достаточным для сотрудничества. И именно на этой основе ЕС продолжает работу с нами.

Что мы наблюдаем в ЕС? Прежде всего, это страны, которые являются членами Евросоюза, их 27. Затем мы видим ряд стран, для которых создана

Европейская экономическая зона, она действует с Норвегией, Лихтенштейном и Исландией. Особые отношения существуют также между ЕС и Швейцарией - это касается определенных вопросов: свободное передвижение товаров, лиц и транспорта. Третья группа – страны, которые станут членами ЕС в скором времени: Турция, Македония, Хорватия. Следующая группа – страны, с которыми у ЕС есть соглашения об ассоциациях, это в основном страны Балканского полуострова. Кроме того, существует группа стран, с которыми, как и с Казахстаном, есть соглашение о партнерстве и сотрудничестве.

Помимо этого существуют страны, на которые распространяется политика добрососедства. Это: Алжир, Армения, Азербайджан, Беларусь, Египет, Грузия, Израиль, Иордан, Ливан, а также Ливия, Молдова, Марокко, Палестина, Сирия, Тунис и Украина.

У каждой страны, являющейся частью внешней политики ЕС, существует свой план действий, в котором устанавливается повестка дня по политическим, экономическим и другим реформам в краткосрочном и среднесрочном аспектах. Европейский Союз оказывает поддержку этих реформ финансовыми ресурсами, которые называются инструментами политики добрососедства. Кроме того, существует так же и другая схема для стран, включенных в политику добрососедства, - это схема эффективного управления средствами на развитие и реформу в конкретных секторах - транспорте, экологии, энергетике. Финансовые средства выделяются также на административные реформы. Схема эффективного управления является дополнительным источником улучшения политики добрососедства для стран, осуществивших наибольший прогресс в достижении целей по эффективному управлению. Первичное распределение средств будет реализовано осенью этого года ¹.

Казахстан стал одним из главных локомотивов в принятии стратегии нового партнерства между Европейским Союзом и Центральной Азией. Центральная Азия – это регион, который имеет стратегическое значение для ЕС не только в плане обеспечения энергоресурсами. Речь идет о том, что Центральная Азия является важным регионом с точки зрения поддержания стабильности и безопасности на всем Евразийском континенте. К этому пониманию европейцы пришли не сразу. Отдельные страны вырабатывали свои собственные стратегии, собственные позиционные документы по поводу того, как относиться к Центральной Азии. Так, в 2003 году Федеративная Республика Германия выработала свою собственную стратегию развития отношений с центральноазиатскими странами. Это было вызвано тем, что после событий 11 сентября 2001 года неожиданно фокус мировой политики был направлен на Афганистан. Понятно, что без тесного сотрудничества со странами Центральной Азии обеспечить глобальную безопасность просто не представлялось возможным.

Казахстан предлагал европейским партнерам обширный комплекс мер по сотрудничеству со всеми странами ЕС. И после интенсивной работы с РК на протяжении 2006 года германское председательство взяло на себя инициативу выработать Стратегию нового партнерства между ЕС и странами Центральноазиатского региона.

---

¹ <http://www.liter.kz/site.php?lan=russian&id=151&pub=9075>

Трудно говорить о том, что европейская политика добрососедства является какой-то альтернативой стратегии нового партнерства, поскольку это два разных пакета. Сегодня Казахстан рассматривается как главный локомотив реализации Стратегии нового партнерства на пути к политике добрососедства. Казахстан принимал самое активное участие в разработке этого документа, и нашими европейскими партнерами этот процесс назван «астанинским», поскольку первое сближение и определение позиций состоялось именно в Астане в марте 2007 года, когда в нашу столицу приехали министры иностранных дел тройки ЕС и всех стран Центральной Азии. Была выработана серьезная стратегия, масштабный документ, определяющий контуры будущего сотрудничества². Основная идея этой стратегии – развитие регионального сотрудничества. С тем чтобы страны Центральной Азии осознали, во-первых, особую важность этого региона (нам самим это необходимо осознать) и, во-вторых, как этот регион в целом может сотрудничать с другими крупными региональными объединениями, например с ЕС.

В стратегии нового партнерства предполагается использование уже существующих инструментов. В рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Казахстаном и Европейским Союзом существует целый ряд направлений. Есть достаточно много интересных проектов - скажем, по совершенствованию таможенного законодательства или, к примеру, развитию наших отношений в сфере авиаперевозок. Сегодня стоит вопрос о том, как мы сможем упорядочить или унифицировать подход стран ЕС к выдаче виз гражданам Казахстана и наоборот. Речь идет о конкретных проектах, которые до сегодняшнего дня уже реализовывались и которые завтра плавно перейдут в реализацию стратегии нового партнерства.

Как известно, энергоресурсы остаются одним из серьезнейших вызовов для Европы, поэтому собственные потребности, связанные с вопросами энергетической безопасности, оказались решающими для Евросоюза при формировании внешней политики, в частности при утверждении Казахстана на пост председателя ОБСЕ в 2010 г. В связи с этим пост председателя ОБСЕ можно рассматривать и как проявляемую Казахстаном лояльность к энергетическим проектам, которые лоббируются или будут лоббироваться Западом в будущем.

Дисбаланс в соотношении политической и экономической составляющих внешнеполитического курса Брюсселя очевиден. ЕС прекрасно понимает, что маршруты экспорта энергоресурсов могут стать более эффективными экономическими рычагами влияния в регионе, нежели политические. Хотя Евросоюзу придется конкурировать на достаточно напряженных рынках энергоресурсов с такими крупными странами, как США, Россия, Индия, Китай.

Таким образом, тактика ЕС в ЦА в энергетической сфере подразумевает:

- активное участие в процессе добычи на шельфах Каспийского моря;
- использование действующих трубопроводов;
- участие в строительстве новых альтернативных нефте- и газопроводов.

(В частности, Евросоюз в начале декабря одобрил строительство Транскаспийского газопровода (в обход России и Ирана), являющегося альтернативой Прикаспийского, инициированного Россией.)

---

² <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1183441500>

Таким образом, предлагая разделить добычу, транспортировку и сбыт, ЕС пытается снизить степень влияния монополистов, способствовать росту конкуренции и снижению уровня цен для потребителей, а также закрыть любые инвестиции в газотранспортную инфраструктуру стран ЕС. И, скорее всего, Евросоюз пытается сузить возможности расширения присутствия «Газпрома» на европейских рынках, снижая тем самым и его политическое влияние.

Несмотря на падение цен на крупнейших мировых биржах, где цена одного барреля нефти составляет в настоящий момент 103-106 долл.³ и имеет тенденцию к падению, можно прогнозировать увеличение интереса ЕС к ситуации в Центральной Азии, способной обеспечить Европу энергоносителями. И вполне вероятно, что в этом случае вопросы о демократии будут постепенно отодвигаться на второй план, уступая дорогу энергоносителям, так необходимым западным странам с развитыми демократическими институтами.

Исходя из того, что энергетическая тема является важным конкурентным полем, любое заявление крупного игрока рынка вызывает в нем большие изменения, например заявление ЕС о целесообразности строительства Транскаспийского газопровода⁴, который является частью Евразийского энергетического коридора, инициированного США, а также предложенные Брюсселем реформы в этой сфере.

Таким образом, можно отметить, что на повестке дня ЕС появились проблемы энергетической безопасности. В связи с чем Евросоюз пытается решить возникшие проблемы как путем поиска альтернативных способов обеспечения энергоресурсами, так и защищая свой рынок, вырабатывая единую энергетическую политику. В этой связи Центральная Азия выступает объектом внимания Европы, который способен послужить решению стратегически важных задач.

Дипломатические отношения между ЕС и Казахстаном установлены 2 февраля 1993 года, то есть уже более пятнадцати лет РК тесно сотрудничает в политическом и торгово-экономическом плане с Евросоюзом. В целях рассмотрения актуальных вопросов экономического сотрудничества, взаимного доступа товаров и услуг сторонами создан и функционирует Подкомитет по торговле и инвестициям. В соответствии с решением 3-го заседания Комитета сотрудничества «РК–ЕС» от 19 апреля 2002 г., мандат Подкомитета по торговле и инвестициям расширен с включением в его повестку вопросов транспорта и энергетики.

Соглашение о партнерстве и сотрудничестве способствует экономическому развитию, поддерживает процесс реформ в Казахстане, создает условия для установления тесных связей между ЕС и Казахстаном во всех сферах деятельности. В частности, оно предусматривает применение режима наибольшего благоприятствования при торговле товарами между Казахстаном и ЕС и запрещает применение количественных ограничений при импорте товаров. Кроме того, Соглашение стимулирует вступление Казахстана в ВТО, так как большинство содержащихся в нем положений о торговле основано на соответствующих статьях ВТО.

---

³ <http://www.rian.ru/economy/20080909/151086446.html>

⁴ http://iicas.org/libr_rus/enbz/15_05_06_bz.htm

В экономическом плане Казахстан является крупнейшим торговым и инвестиционным партнером Евросоюза в Центральной Азии. В свою очередь ЕС занимает первую строчку в списке торговых партнеров нашей страны. Доля стран Евросоюза в товарообороте в 2007 г. составляла 39,2% от общего объема внешней торговли РК. Наибольший удельный вес в общем объеме товарооборота РК со странами ЕС принадлежит Италии (34,4%), Франции (17,8%), Германии (10,3%), Нидерландам (0,9%), Испании (0,7%), Великобритании (0,6%). Страны ЕС занимают значительную долю в объеме казахстанского экспорта (40,5%). Основными потребителями среди стран Евросоюза являются Италия (37,9% от общего объема экспорта в ЕС), Франция (24,3%), Нидерланды (8,1%), Испания (4,3%), Германия (3,7%), Польша (3,3%) и Великобритания (3,2%)⁵.

В структуре казахстанского экспорта в страны ЕС преобладают нефть и нефтепродукты, благородные металлы, сельскохозяйственные, химические и минеральные продукты, текстиль. Структура импорта представлена товарами, классифицируемыми как “инвестиционный импорт” (машины, оборудование и механизмы, электротехнические приборы, транспорт, продукция химической отрасли). Удельный вес стран ЕС – 27,4%. Крупнейшие импортеры – Германия (30,3% от общего объема импорта из ЕС), Италия (15,8%), Великобритания (9,7%), Франция (6,9%) и Швеция (6,1%). За годы сотрудничества страны ЕС инвестировали в экономику Казахстана более 24 млрд долл. Доля инвестиций из ЕС составляет примерно 1/2 от общего объема инвестиций в казахстанскую экономику (49,7 млрд). Основными инвесторами являются Великобритания (13,7% от общего объема), Италия (7,1%), Нидерланды (5,5%), Франция (1,7%), Германия (1,5%). В пользу растущего веса нашей страны в глазах ЕС играют богатые углеводородные ресурсы, последовательные экономические реформы и устойчиво высокий рост ВВП на протяжении последних лет⁶.

Приоритетным вопросом торгово-экономического сотрудничества для казахстанской стороны является доступ на рынок ЕС. Принятие Евросоюзом в марте 2006 г. новой Стратегии по энергетике («Зеленая книга», в рамках реализации которой, по мнению экспертов Европейской Комиссии, до 25% импорта энергоресурсов в ЕС будет приходиться на Каспийский регион) придает особую актуальность развитию энергетического диалога РК-ЕС.

Энергетический диалог включает в себя поставки казахстанского углеводородного сырья странам Центральной и Западной Европы, с параллельным привлечением европейских инвестиций в развитие трубопроводной инфраструктуры Казахстана. При этом ключевыми вопросами являются разработка и реализация проектов альтернативных вариантов доставки сырья на мировые рынки, вопросы транзита, а также защита инвестиций. В этом контексте перспективным представляется развитие сотрудничества:

- в рамках международного проекта ТРАСЕКА;
- по Программе ИНОГЕЙТ “Международная транспортировка нефти и газа в Европу”;
- в рамках многосторонней рамочной договоренности по транзиту энергоносителей в соответствии с Договором к Энергетической Хартии.

---

⁵ Рассчитано по данным Агентства РК по статистике // <http://www.stat.kz>

⁶ <http://www.kazembassy.by/politic/#eur>

Стратегическая роль Казахстана в регионе способствует активной реализации в республике различных программ технической помощи Евросоюза⁷.

Так же стоит отметить и большую роль в создании партнерских отношений с Евросоюзом главы Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева. В рамках запланированных поездок Президент посетил Францию. Визит состоялся в канун перехода к Франции председательства в Евросоюзе. В рамках визита главы нашего государства в Париже прошел бизнес-форум «Казахстан-Франция». В форуме приняли участие руководители крупнейших казахстанских и французских компаний⁸. Целью визита Президента РК было создание тесного сотрудничества, прежде всего РК и Франции, в сфере бизнеса, развитие деловых отношений крупных компаний обеих стран, а также поиск путей взаимовыгодного сотрудничества в стратегически важных отраслях экономики.

Европейский Союз является одним из ключевых участников переговоров по вступлению Казахстана во Всемирную Торговую Организацию. В свете достигнутых успехов можно оптимистично оценивать вероятность скорого завершения переговоров с Евросоюзом по этому вопросу.

Какие бы процессы в мире ни происходили, Европа остается центром мирового развития. Поэтому Республике Казахстан следует активизировать свои партнерские отношения с Европой, усваивая все положительное из процесса европейской интеграции. Это прежде всего касается заинтересованных министерств нашего государства. Так же необходимо информировать население Республики Казахстан о Европейском Союзе и особенностях процесса европейской интеграции.

Между тем, если руководители центральноазиатских государств хотят начать процесс интеграции в этом регионе по примеру Европы, они должны содействовать созданию условий для экономической интеграции. В этих целях возможно создание института Европейского Союза в Центральной Азии, который имел бы научно-исследовательский характер и содействовал бы сближению Центральной Азии и Европы.

В настоящее время создана солидная база для сотрудничества между ЕС и РК. Правительством РК осуществляется ряд инициатив по переводу двусторонних отношений со странами ЕС в плоскость стратегического партнерства с учетом лидерства Казахстана в Центральноазиатском регионе и его места в мировой геополитике и экономике.

Указом Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева в начале сентября с.г. утверждена государственная программа «Путь в Европу» на 2009-2011 годы. «Главная цель принятой программы - выход нашей страны на уровень стратегического партнерства с ведущими европейскими странами, который будет выражаться в значительном увеличении товарооборота с европейскими странами, разработке совместных планов по развитию транспортных сетей, приведении технических регламентов и стандартов в соответствие с требованиями стран ЕС, совершенствовании казахстанского законодательства с учетом европейских норм и т. д.», - говорится в пояснении к программе⁹.

---

⁷ <http://www.kazembassy.by/politic/#eur>

⁸ Казинформ: <http://ru.government.kz/site/news/authority/2008/06/41>

⁹ <http://www.kt.kz/index.php?act=arch&lang=rus&uin=1133168007&chapter=1153459609&n>

Для достижения указанной цели предусматривается решение нескольких задач, отмечается в программе. Первая из них касается развития и углубления сотрудничества Казахстана и стран Европы по таким направлениям, как технологии, энергетика, транспорт, техническое регулирование и метрология, малый и средний бизнес. В частности, особое внимание будет уделяться расширению сотрудничества в области повышения уровня жизни, предусматривающего сближение казахстанских условий жизни с европейскими стандартами. Получается, что все будет приводиться в соответствие с европейскими стандартами. Как это отразится на экономике нашей страны, мы узнаем уже совсем скоро.

В 2010 году Казахстан будет председательствовать в ОБСЕ, и программа «Путь в Европу» предусматривает подготовку Казахстана к этому процессу. «Для этого в программе четко определено несколько приоритетов: продолжение работ по созданию условий для развития демократических институтов на пространстве ОБСЕ; развитие транзитно-транспортного потенциала государств ОБСЕ и евразийских трансконтинентальных коридоров; решение экологических проблем; укрепление мер доверия и региональной безопасности с учетом вклада Казахстана в обеспечение мира и ядерного разоружения; развитие невоенных аспектов безопасности в вопросах борьбы с терроризмом, экстремизмом, наркобизнесом, организованной преступностью; восстановление Афганистана», - говорится в пояснении¹⁰. Но так же не стоит забывать и о последствиях политических событий, происходящих внутри Евросоюза и Евразийского региона в целом. Казахстану в преддверии вступления в ВТО и создания новых документов и соглашений о сотрудничестве с Евросоюзом нужно извлечь необходимые уроки и сделать правильные выводы.

ABSTRACT

The article reveals some issues in relations between Kazakhstan and the European Union. The example of EU shows possible approaches to regional integration and what lessons and conclusions Kazakhstan can draw from that for improving economic interaction with foreign partners.

In recent years the European Union turned into a leading trade partner of Kazakhstan and its largest foreign investor. Kazakhstan's current goal is to enhance a level of strategic partnership with the EU and attraction of European investments, technologies and practical experiences.

The EU's interests in Kazakhstan and Central Asia are revealed and analyzed. The main role in Europe's growing interest in Kazakhstan is played by its rich resources of hydrocarbons, as well as strong record of economic reforms and sustainable growth of its GDP in the last decade. It's also worth remembering about the urgency of energy dialog between the EU and Kazakhstan. In light of the problems of Old continent's energy security, working with Central Asia and Kazakhstan are becoming a higher priority for the Europeans.

¹⁰ <http://www.kt.kz/index.php?act=arch&lang=rus&uin=1133168007&chapter=1153459609&n>

ВНЕШНИЙ (ГЛОБАЛЬНЫЙ) КОНТЕКСТ
ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ РЕЖИМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ:
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПУТИ И ПОДХОДЫ

Юрий БУЛУКТАЕВ

Понятие глобальной демократической волны включает в себя многообразные процессы, происходящие в разных регионах мира. При этом между различными переходными процессами и формами демократизации можно не только отметить нечто общее, но и рассмотреть их как частные случаи мирового политического движения. Многими исследователями отмечено, что каждая из трех “волн” демократизации (по Хантингтону) характеризовалась своими историческими условиями, своими причинами укрепления демократии в отдельных странах и регионах и неудачных демократических опытов – в других. Отличие третьей волны от двух предшествующих, пожалуй, заключается в том, что одним из главных акторов демократического процесса становится глобализм.

Вопрос о внешнем (глобальном) контексте трансформационных режимных изменений заслуживает специального рассмотрения, если принять во внимание тот факт, что на рубеже столетий большинство переходов является не просто переходами к демократической, конституционной политической системе и рыночной экономике, но и переходами к большей открытости международным процессам. Любая демократизация, по мнению А.Пшеворского, является и интернационализацией, подвигающей политические режимы к стремлению открыто воспринимать внешние импульсы и развиваться, ориентируясь на мировые достижения¹.

При исследовании трансформационных режимных изменений важным представляется разграничение понятий «политическая трансформация» и «политический транзит». На наш взгляд, не совсем оправданным является подход некоторых исследователей, употребляющих понятия «трансформация» и «транзит» в качестве синонимов². Напротив, методологически более рациональным будет представление о том, что, в отличие от политической трансформации, политический транзит – это более широкий и многоуровневый процесс. Исходя из этого представляется рациональным акцентировать внимание на исследовании политической трансформации в ходе транзита, нежели наоборот. При этом в концептуальном плане понятия политической трансформации и демократической трансформации будем считать как весьма близкие друг другу. В таком случае под трансформацией политического режима следует по-

¹ Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 2000. С. 320

² Гельман В. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. Серия «Монография», № 7. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. С. 16

нимать качественное изменение как институциональных, так и процедурных механизмов функционирования политической системы в транзитный период.

В мировой политической науке можно выделить два подхода к характеристике феномена глобальных демократических трансформаций. Первый из них демонстрирует стремление исследователей рассматривать поставторитарные преобразования по классическим канонам развитой, либеральной демократии западного образца. В рамках такой трактовки можно выделить ряд сформировавшихся концепций, сводимых к тезису об универсализации западной модели демократии. С помощью этих концепций анализ особенностей демократии в той или иной стране сводится, в основном, к объяснению «унификации политической карты мира»³.

Такой подход стал преобладающим при оценке демократических перемен на постсоветском пространстве в начале 1990-х годов. Однако затем, по мере замедления процесса внедрения демократии на местную почву, некоторые исследователи выразили мнение об органической несовместимости демократии с природой общественного сознания и политической культуры постсоветских обществ, об отторжении этими обществами институтов и принципов политической демократии, ведущем, в конечном счете, к установлению в этих странах новых форм авторитарной власти. Так «возникла своеобразная гибридная форма политики, авторитарной по своим врожденным склонностям и практическим действиям, но, тем не менее, открывающей простор для развития демократических норм и обычаев»⁴.

Появился более продуктивный и, на наш взгляд, более адекватно оценивающий реальное содержание посткоммунистических трансформаций подход, объясняющий “глобальную демократизацию” не как унификацию политической карты мира, а скорее как диверсификацию демократии, как расширение разнообразия демократических вариантов развития. Поставторитарные трансформации оказались сложным и внутренне противоречивым феноменом и привели к возникновению множества несхожих форм общественного устройства, объединенных лишь внешними, в известной степени формальными, процедурными атрибутами демократии.

Различие в подходах заключается еще и в том, что если для первого главным является вопрос о том, будет ли автократия сменена демократией, и если будет, то когда, с какими трудностями и благодаря каким факторам, то для второго подхода основной вопрос заключается в том, каким типом демократии будет сменена автократия. Такая постановка вопроса актуализирует задачу анализа происходящих в мире поставторитарных режимных трансформаций не просто как процесса унификации политических систем в соответствии с классическими моделями западного образца, а скорее как процесса расширения типологического разнообразия демократий. Так, в рамках этого процесса некоторые исследователи обозначили псевдодемократии и «имитацию демократической современности»: «Такие режимы могут

---

³ Вайнштейн Г.И. Российский транзит и проблема типологического разнообразия «глобальной демократизации»//Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна: ООО «Феникс+», 2001. С. 411

⁴ Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России// Полис. М., 1997, №1. С. 69; Гельман В. “Transition” по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России (1989-1995)// Общественные науки и современность, 1997, № 4. С.64-65

обладать многими конституционными характеристиками электоральной демократии, в них легально действуют оппозиционные партии, однако они лишены такого неперемennого для демократии качества, как наличие поля для относительно честного (электорального) соперничества, способного привести к отстранению от власти правящей партии»⁵.

Весьма ценным для исследователей демократических транзитов является вывод А. Мельвиля: «Вне всякого сомнения, реальные переходы от недемократических форм правления, имевшие место в последние десятилетия в Южной Европе, Латинской Америке, Азии, Африке, Восточной и Центральной Европе и на территории бывшего СССР, настолько разнообразны, что их невозможно свести к какой-либо одной модели. Однако в тех случаях, когда демократизация была более или менее успешной, она следовала определенной логике, подчиняясь определенной последовательности действий и событий»⁶. Представляется, что опыт трансформационных процессов последних десятилетий подтверждает правомерность и необходимость рассмотрения «глобальной демократизации» именно в таком ракурсе.

При анализе процессов глобальной демократизации зачастую типологическая неоднородность демократии подменяется констатацией странового разнообразия функционирования демократических режимов. Это происходит оттого, что в большинстве случаев трансформационные процессы, происходящие в последние десятилетия в поставторитарных обществах, отражают не поиск соответствующих конкретной страновой специфике этих обществ новых моделей демократии, а желание воспроизвести те ее модели, которые на протяжении длительного периода функционируют в экономически развитых странах Запада. В результате типологическое разнообразие «новых демократий» оказывается не более чем разнообразием несовершенств политических систем, возникающих в процессе такого механического копирования «эталонных» образцов.

Осмысление тенденций к прямолинейному копированию странами «демократического транзита» классических моделей западных политических систем позволяет с большей долей объективности оценить распространенные как на Западе, так и в самих поставторитарных странах утверждения о неготовности этих стран к демократическим преобразованиям, об отторжении ими ценностей демократии и принципов демократического существования. Разочарования, связанные с итогами демократических преобразований в ряде трансформирующихся стран, нередко влекут за собой политические последствия. Как правило, это выражается в отрицании демократического пути развития, объявляемого путем сугубо западным и не соответствующим цивилизационным особенностям незападных обществ.

Наиболее распространенной концепцией такого «культурологического отрицания» демократии является так называемая концепция «азиатских ценностей», согласно которой демократия чужда народам азиатских стран, традиционно приверженным антидемократическим ценностям конфуцианства, ставящим

---

⁵ Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации?// Полис. М., 1999, № 1. С. 15; Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 171

⁶ Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты// Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. Хрестоматия/ Отв. ред.-сост. Воскресенский А.Д. М.: Московский общественно-научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. С.340-341

на первое место дисциплину, порядок, послушание и почитание авторитетов. Так, например, известный на Западе специалист по истории Центральной Азии М.Б.Олкотт в своей книге «Казахстан: непройденный путь», изданной в 2002 году, характеризуя происходящую в Казахстане трансформацию политической системы и режима, пишет о «метаниях между западным плюрализмом и азиатской автократией»⁷. Тем самым автором как бы постулируется тезис о том, что плюрализм может быть только на Западе, а автократия – чисто азиатское изобретение. И потому для стран, стремящихся к демократии, рецепт успешного пути заключается в приверженности именно западным ценностям. Следуя этой логике, центральной проблемой анализа поставторитарных трансформаций становится вопрос о том, “до какой степени современная демократия, являющаяся продуктом Запада, может укорениться в незападных обществах”.

На наш взгляд, такой подход нерационален. Речь должна идти не о том, что модели демократического развития вообще не могут быть реализованы во многих поставторитарных странах (в том числе в Казахстане), а о том, что существуют достаточные основания сомневаться в целесообразности прямолинейного копирования западных моделей либеральной демократии, которые во многих случаях не соответствуют их культурно-историческим, социально-политическим и экономическим реалиям. Характер общественных трансформаций во многих поставторитарных странах говорит о том, что эталоны западной демократии не могут быть усвоены естественным образом, что результаты демократизации того или иного общества во многом обусловлены его цивилизационными особенностями. На это указывают результаты трансформаций в латиноамериканском регионе, на африканском континенте, в странах Азии, да и в странах, возникших на постсоветском пространстве и в постсоциалистическом регионе Восточной и Центральной Европы.

Все эти трансформации заставляют усомниться как в возможности западных обществ в исторически короткие сроки освоить “западный опыт”, так и в целесообразности его механического копирования⁸. При этом, как пишет в своей работе «Авторитаризм и демократия на Востоке» исследователь из Кыргызстана Ж.Сааданбеков, «ход истории человечества опровергает европоцентристские взгляды, считающие демократию ценностью сугубо западного свойства, а весь неевропейский мир как вместилище авторитаризма и тоталитаризма. Община Востока обладает своеобразным потенциалом демократии, уникальными традициями социального самоуправления и самоорганизации. Работы востоковедов последних десятилетий убедительно доказали, что многоукладные древневосточные политические формы правления по самобытности и богатству ни в чем не уступают европейским античным обществам»⁹. Следует отметить, что феномен европоцентризма возник из абсолютизации и экспансии западных ценностей (в основном рационализма и прагматизма) и западного способа жизнедеятельности. Например, в американской культуре

---

⁷ М.Б. Олкотт. Казахстан: непройденный путь / Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2003. С. 35

⁸ Федоров Ю. Критический вызов для России// Pro et Contra, Осень 1999. Том 4, № 4. С.14; Россия и Запад: взаимодействие культур (материалы “круглого стола”)// Вопросы философии, 1992, № 6. С.48

⁹ Сааданбеков Ж. Авторитаризм и демократия на Востоке. Общественно-политическое издание. – Астана, 2003. С. 387

доминируют ценности материального успеха. Грозит ли их распространение унификацией ценностных оснований большинства культур? На наш взгляд, более вероятным представляется сохранение структурного многообразия нынешнего мирового сообщества.

Характерной чертой постсоветской трансформации становится то, что неэффективность возникающих в “новых демократиях” институтов не только способствует дискредитации идей демократизации в поставторитарных обществах, но и наносит существенный урон общим перспективам демократии в глобальном масштабе. Действительно, многие поставторитарные страны, в подавляющем большинстве своем являющиеся странами незападными, пошли по пути довольно прямолинейного, механического копирования западных институтов демократии. И эта подражательность, отсутствие творческого, инновационного начала в формировании ими собственных политических систем привела к тому, что пересаженные на незападную почву демократические формы обрели недемократические черты, наполнившись “незападным содержанием”.

При этом следует учитывать, что реализация демократических проектов в странах демократического транзита осуществляется в условиях чрезвычайно активного внешнего давления со стороны западных демократий, под воздействием неких навязываемых извне стандартов поведения. В своей книге М.Б.Олкотт пишет: «Соединенные Штаты и в меньшей степени другие западные страны подталкивают Казахстан к созданию режима, поддерживающего основные демократические традиции». Правда, при этом автор вносит довольно существенное добавление, позволяющее подозревать западные страны в проведении политики двойных стандартов: «В то же время западные лидеры хотят, чтобы компании их стран заняли надежные позиции в разработке и освоении нефтяных запасов Казахстана. Таким образом, симпатизируя и сочувствуя правозащитным и другим оппозиционным группам, сфера деятельности которых была в последние годы резко сокращена, западные лидеры вряд ли будут делать что-то еще – разве что в мягкой форме пожурят Казахстан за те или иные провинности, причем в ряде случаев они не готовы даже к этому»¹⁰. В целом в такой позиции, очевидно, проявляется один из аспектов общего процесса глобализации, сужающего самостоятельность отдельных государств не только в экономической сфере, но и в сфере политического развития и подвергающего их давлению западных образцов культуры, западных ценностей. Представляется, что этот аспект глобализации содержит в себе элемент угрозы национальным интересам некоторых “новых демократий”.

Конечно, западные демократии представляют собой на сегодняшний день, очевидно, наиболее развитые формы этого устройства. Хотя и они разнятся между собой: демократия в Америке отличается от демократии, к примеру, в Швейцарии. Тем не менее, это не исключает возможности появления наряду с демократиями западного типа неких качественно иных моделей демократического устройства. Учитывая недостатки нынешних западных демократий и возможную вероятность возникновения других форм демократии, подлинными ориентирами демократического развития, вероятно, следовало бы искать в некоем идеале совершенной демократии. Хотя, безусловно, сформулировать такой идеал крайне сложно, отчасти потому, что идеал – понятие субъективное. Его

---

¹⁰ М.Б. Олкотт. Указ. соч., с. 35-36

содержание в значительной мере определяется культурно-историческими традициями того или иного общества и ценностными ориентациями его граждан. Оно существенным образом зависит от характера стоящих перед обществом реальных проблем и условий, определяющих возможности их решения. Совершенствование политической системы и режима в соответствии с идеалом демократии представляет собой бесконечный процесс, который, по определению, не может быть завершен. Да и, по меткому определению В.Банс, в исследованиях «посткоммунизма» ключевую роль играет понятие «неопределенность», с элементами которой трансформирующееся общество должно справиться¹¹.

Опыт стран, выбравших путь демократизации, показывает, что осознание роли внешних факторов, включая мировую геополитическую ситуацию, внешнюю экономическую и политическую поддержку, международный рынок, может способствовать повышению эффективности преобразований. Включение Казахстана в процесс глобализации демократических трансформаций демонстрирует то, что хотя принципы демократии едины, на практике разные страны, избравшие демократию, отличаются ее разновидностями, отражающими как различные ступени ее зрелости, так и национальную специфику. А для того, чтобы утвердиться, или, как говорят некоторые исследователи, консолидироваться, демократии необходимо пройти процесс адаптации (приспособления) к национальным условиям и традициям.

ABSTRACT

This article argues that an issue of outer (global) context of transformational regime changes deserves a more particular consideration. Dr. Buluktayev attributes this to the fact that at the turn of centuries majority of political transits is represented not by "ordinary" transits to democratic and constitutional political systems and market economies but by transits to more openness to international processes.

He further explores the two approaches to characterizing phenomenon of global democratic transformations. The first one is demonstrated by researchers' desire to consider post-authoritarian transformations according to the classical canons of a developed liberal democracy of western type. However Dr. Buluktayev believes that the more fruitful approach, as well as the one describing real content of the post-communist transformations more adequately, explains global democratization not as unification of the world's political map but rather as widening diversity in variants of democratic development. The difference between the two lies in the fact that the foremost question for the first approach is whether an autocracy is changed by a democracy, and if yes, with what challenges and what favoring factors, while the foremost question for the second approach is what type of democracy replaces an autocracy. Such questions highlight the task of analyzing contemporary post-authoritarian regime transformations not simply as the process of unification in political systems according to the classical western models but rather as the process of widening typological diversity of democracies.

---

¹¹ Банс В. Элементы неопределенности в переходный период// ПОЛИС, 1993. № 1, С. 44-47

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Галия ДОСМУХАМБЕТОВА

Содержание и логика сложных, многоуровневых и нередко противоречивых процессов государственного строительства на постсоветском пространстве диктует обращение политических элит к языковой политике как эффективному механизму конструирования новой политической реальности. И это не случайность, а закономерность, поскольку язык является важнейшим нацио- и этноинтегрирующим фактором, одним из важнейших средств национально-этнического самосознания. Именно через язык индивид ощущает органичное единство со своей нацией и этносом. Поэтому в новых этнополитических условиях появление процессов культурного ирредентизма, т.е. желания народа повысить статус этнического языка, следует считать естественным¹.

С этой точки зрения грамотная, продуманная и выверенная языковая политика является одним из важнейших инструментов становления и развития национальной государственности. Это тем более справедливо в отношении полиэтничных стран Центральной Азии, где процессы государственного строительства ещё далеки от завершения.

В научной литературе нет полного единства в вопросе о толковании самого понятия «языковая политика». Так, А.Д.Швейцер трактует языковую политику в категориях функционализма. По его мнению, языковая политика – это сознательное воздействие на функциональную сторону языка и на его структуру посредством системы мер, осуществляемых государством, являющихся частью общей политики и соответствующих ее целям². Западные исследователи, в том числе Э.Вюстер, О.Есперсен, В.Оствальд и некоторые другие, склонны отождествлять понятия «языковая политика» и «языковое планирование», выдвигая при этом концепты «плановый язык», «сконструированный язык» и т.д.³

Представители казахстанской школы социолингвистики (Э.Д.Сулейменова, Н.Ж.Шаймерденова, Ж.С.Смагулова и др.) предлагают чётко различать категории «языковая политика» и «языковое планирование». В частности, Ж.С.Смагулова рассматривает языковую политику как часть национальной, социальной и культурной политики, как сферу деятельности государства, связанную с регулированием языковых отношений в обществе (то есть тех, которые затрагивают интересы всего общества и требуют обязательных для

---

¹ Нугманова К. Язык и гражданское самосознание в гражданском обществе //Саясат-Policy. – 2003. – №5.С.51-52.

² Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. – М.: Наука, 1976.

³ Кузнецов С.Н. Языковая политика и языковое планирование //http://genhis.philol.msu.ru.

всех граждан решений). При этом языковая политика указывает стратегический курс в развитии языковых отношений общества, обычно закрепляется в Конституции и специальных национальных программах. В центре языковой политики, как и любой другой политики, стоят проблемы власти, её обретения, устройства и использования⁴.

В свою очередь языковое планирование – это сознательные, конкретные мероприятия (попытки) по воздействию определённых субъектов на языковое поведение носителей языка (объектов) с целью изменения функционирования языков (статусное планирование), регулирование структуры языка (корпусное планирование), создания условий для овладения языком (планирование усвоения), и /или по распространению языка за пределы государственных границ (планирование распространения) через политические, образовательные, экономические, общественные и лингвистические институты⁵.

Как справедливо отмечает Э.Д.Сулейменова, языковая политика в Казахстане является концентрированным выражением отношения государства к проблеме жизнеспособности государственного языка во всей совокупности её проявлений. Так, в Казахстане в основном завершён этап политических решений статусного планирования. Конституционно и юридически закреплён официальный статус казахского языка как государственного (однако разрыв между статусом казахского языка и его фактическим положением в обществе до сих пор не преодолен). Ведётся успешная многовекторная работа по корпусному строительству казахского языка (нормирование, модернизация и стандартизация всех уровней казахского языка, унификация и лексикографическая фиксация отраслевой терминологии; очистка лексики казахского языка от заимствований, пополнение её за счёт общетюркских и диалектных слов, развитие функциональных стилей казахского языка (технического, военного, делового и мн. др.). Расширяются сферы использования, репертуар социальных функций и интенсивность использования казахского языка⁶.

Таким образом, констатирует Э.Д.Сулейменова, реализуемую в Казахстане языковую политику можно охарактеризовать как централизованную (поскольку она проводится государством и предусматривает систему общеобязательных мероприятий), перспективную (поскольку она направлена на изменение существующей языковой ситуации), демократическую (поскольку она учитывает интересы широких масс), интернациональную (поскольку основными стратегическими направлениями избраны развитие казахского языка, русского языка и языков всех других этнических групп), конструктивную (поскольку она направлена на расширение функций, сфер применения, социально-коммуникативной роли и развитие витальности казахского литературного языка)⁷.

К моменту обретения Казахстаном независимости в стране действовали Закон «О языках в Казахской ССР», принятый 22 сентября 1989 года, и Го-

---

⁴ Смагулова Ж.С. Языковое планирование: типология и модели. Автореферат дисс. на соиск. учен. степени канд. фил. наук. – Алматы, 2004. С. 12.

⁵ Там же, С. 12.

⁶ Сулейменова Э.Д. Актуальные проблемы казахстанской лингвистики: 1991-2001. – Алматы, «Арыс», 2001. С.26.

⁷ Там же

сударственная программа развития казахского языка и других национальных языков на период до 2000 года, утверждённая Правительством РК 28 июня 1990 года. Как отмечают эксперты, эти документы носили преимущественно декларативный характер и не были реализованы на практике⁸.

Проблемы языковой политики в суверенном Казахстане изначально рассматривались комплексно, с учётом интересов всех этносов, проживающих в Казахстане. Такой политически и исторически адекватный подход нашёл детальное отражение в Конституции РК (1995), Концепции формирования казахстанской идентичности РК, (1996), в Концепции языковой политики РК, одобренной распоряжением Президента РК 4 ноября 1996 года, а также в Законе РК «О языках в Республике Казахстан» (1997)⁹.

В этих документах были закреплены основополагающие принципы языковой политики, в том числе развитие этнической самобытности и сохранение национально-культурного многообразия Казахстана, а также укрепление престижа республики в мире как страны со стабильным межнациональным климатом. В частности, в Конституции РК было чётко зафиксировано положение о том, что государство заботится о создании условий для изучения и развития языков народа Казахстана (п.3 ст.7), а также о том, что каждый имеет право на пользование родным языком и культурой, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (п.2 ст.19).

Большое практическое и политическое значение имело принятие Государственной программы функционирования языков на 2001-2010 годы, утверждённой Указом Президента РК №550 от 7 февраля 2001 года. Согласно данной Программе, стратегия развития государственного и других языков включает в себя такие цели, как расширение и укрепление социально-коммуникативных функций государственного языка; сохранение общекультурных функций русского языка; развитие языков этнических групп¹⁰.

Особую роль в сохранении культурной самобытности и укреплении реального статуса казахского языка призваны сыграть наши соотечественники, проживающие за рубежом. В этом плане большое значение имели Указы Президента РК «О государственной программе поддержки соотечественников, проживающих за рубежом» №3308 от 31 декабря 1996 года и «О государственной программе поддержки соотечественников, проживающих за рубежом, на 2005-2007 годы» №1673 от 21 ноября 2005 года.

Одним из важнейших аспектов языковой политики в РК стало усиленное внимание к вопросам обеспечения функционирования государственного языка в качестве языка государственного управления и его активного использования в сферах законодательства, судопроизводства, в правоохранительных органах и международной деятельности.

На реализацию данной задачи направлено Постановление Правительства РК «О Концепции расширения сферы функционирования государственного языка, повышения его конкурентоспособности на 2007-2010 годы» №1122 от 21 ноября 2007 года.

---

⁸ Kazakhstan Language Policy //http://sana.gov.kz.

⁹ О языках в Республике Казахстан. Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 года №151. //Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 1997. – №13-14.

¹⁰ Жангазы Р. Об основных тенденциях языковой политики //http://www.kisi.kz.

Как отмечается в данном Постановлении, подготовка документов в центральных государственных органах на государственном языке составляет лишь 20-30%, а общий документооборот – 45-50%. При этом даже в регионах с подавляющим большинством казахского населения эти показатели не являются позитивными, так как основная нагрузка при этом ложится на специалистов-переводчиков этих институтов¹¹.

В Казахстане выпускается более 2300 газет и журналов, однако только 458 из них выходят на государственном языке. Из 215 центральных и местных телевизионных теле- и радиоканалов исключительно на государственном языке функционируют лишь 5.

При этом многие электронные СМИ довольно формально и поверхностно относятся к выполнению норм законодательства (например, телеканалы размещают программы телевидения на государственном языке преимущественно в ночное время)¹².

Постепенно улучшается ситуация в сфере образования. В настоящее время в РК действуют более 7800 общеобразовательных школ и лицеев, из них с казахским обучением – 3750. В то же время статистические данные не всегда точно отражают реальную ситуацию. Следует учитывать, что более 80% казахских школ находятся в сельской местности, при этом свыше 50% из них – малокомплектные¹³. Сохраняет свою актуальность проблема дефицита высококачественных учебников, учебных пособий и методической литературы в общеобразовательных школах, колледжах и высших учебных заведениях.

В настоящее время на первый план выходят следующие направления государственной языковой политики в Республике Казахстан:

- дальнейшее совершенствование законодательства по вопросам государственной языковой политики;
- расширение информационного пространства государственного языка и повышение эффективности стратегического планирования в сфере языковой политики;
- повышение роли государственного языка как фактора межнационального согласия и казахстанского патриотизма;
- материальное и моральное стимулирование ученых, деятелей культуры и искусства, представителей национально-культурных центров в участии в работе по пропаганде государственного языка;
- создание условий для овладения государственным языком сотрудниками государственных органов, всех организаций независимо от их форм собственности, гражданами страны и др.¹⁴

¹¹ Постановление Правительства Республики Казахстан от 21 ноября 2007 года №1122 «О Концепции расширения сферы функционирования государственного языка, повышении его конкурентоспособности на 2007-2010 годы» //http://www.zakon.kz.

¹² Постановление Правительства Республики Казахстан от 21 ноября 2007 года №1122 «О Концепции расширения сферы функционирования государственного языка, повышении его конкурентоспособности на 2007-2010 годы» //http://www.zakon.kz.

¹³ Там же.

¹⁴ Постановление Правительства Республики Казахстан от 21 ноября 2007 года №1122 «О Концепции расширения сферы функционирования государственного языка, повышении его конкурентоспособности на 2007-2010 годы» //http://www.zakon.kz.

Таким образом, задачи языковой политики в Республике Казахстан ещё далеки от своего окончательного решения. Предстоит ещё многое сделать для утверждения государственного языка как реального и действенного инструмента государственного строительства.

ABSTRACT

The language policy is an important instrument of nation-building in the post-Soviet area including multiethnic states of Central Asia. Consecutive, balanced and thorough policy in management of language-use sphere enhances strengthening of real independence of new states, shaping of a society's ethnic, cultural, political and civic identities, as well as of a state's civilizational and geopolitical identities.

In this article Dr. Dosmukhambetova demonstrates both undeniable achievements in language policies in the Republic of Kazakhstan, especially in creating timely, adequate legal base, and existing problems. She stresses that in this sphere one faces neither unachievable goals nor unsolvable tasks. There is only a need for political will, consequentiality and persistence on behalf of the political elites and state leadership.

СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Асемгуль ЕСЕНБАЕВА

Стратегия вхождения Казахстана в число наиболее конкурентоспособных стран мира предусматривает реализацию задач ускоренной, всесторонней модернизации. Особое место в этом процессе занимает развитие политической системы, в том числе повышение эффективности ее институтов.

Сегодня под понятием «*политические институты*» (от лат. Institutum - установление, учреждение) подразумевается *совокупность учреждений, организаций, служб политики, а также зафиксированные и документально закреплённые нормы, правила, устойчивые традиции и принципы, упорядочивающие политические отношения*. Иными словами, они составляют «*триединую целостность – организацию, нормы, отношения*»¹.

В условиях перехода к открытому информационному обществу качество деятельности политических институтов (как учреждений, организаций и т.д.) во многом определяется формированием благоприятного общественного мнения. Соответственно неуклонно возрастает роль связей с общественностью как актуального способа и механизма их взаимодействия с населением. Отметим, что, несмотря на огромное количество определений, трактовка понятия «связи с общественностью» в большинстве случаев сводится к единой дефиниции, согласно которой они *представляют собой управленческую коммуникативную деятельность, направленную на установление, гармонизацию и развитие взаимовыгодных отношений субъекта (организации, индивида и т.д.) с его общественностью*.

Как правило, политические институты принято подразделять на институты власти (осуществляющие государственную власть на различном иерархическом уровне) и институты участия - структуры гражданского общества. В свете демократических преобразований, как для тех, так и для других, вопрос взаимодействия с населением имеет стратегическое значение.

Основным властным институтом, как известно, выступает государство, осуществляющее всю полноту публичной власти. Реализуя свои полномочия через систему специальных органов, оно охватывает своей деятельностью всех членов общества и призвано выражать интересы всего социума. В зависимости от существующего в государстве типа властных отношений можно выделить три основные модели связей с общественностью: модели одностороннего и двустороннего воздействия, а также модель переходного типа.

Модель одностороннего воздействия присуща государствам тоталитарного типа, граждане которого обязаны выражать полную солидарность с правящим режимом. Личность и общественные объединения (инициатива создания которых исходила не от власти) рассматриваются в таком государс-

---

¹ Соловьев О.М. Политические институты: Учебное пособие. - СПб., 2003. - С. 11.

тве как альтернативный источник влияния, представляющий потенциальную угрозу. Таким образом, его работа с общественным мнением сводится, преимущественно, к методам односторонней коммуникации и исключает действие механизмов обратной связи.

Очевидно, что говорить в этом контексте о наличии и полноценном функционировании связей с общественностью в их традиционном понимании было бы нелогичным. Поэтому данный феномен рассматривается здесь в более широком смысле, как интегрирующий различные виды коммуникативной деятельности.

Анализ форм взаимодействия тоталитарного государства и общества на примере Советского Союза свидетельствует о приоритетности в этих условиях таких форм идеологического воздействия, как агитация и пропаганда. Вербальные коммуникации с обществом в системе идейно-политической пропаганды именовались «устной агитацией» и включали: беседы лекторов и политинформаторов, тематические вечера, выступления агитбригад, «ленинские пятницы» и т.д. Средства визуальной коммуникации (плакаты, лозунги, транспаранты, доски почета, стенные газеты и др.) носили название «наглядная агитация». Также имели место «долговременные пропагандистские акции»: трудовые соревнования, фестивали, юбилеи, походы по местам боевой и трудовой славы и т.д.

Широкая пропаганда и агитация осуществлялись и через средства массовой информации. Кроме того, большое влияние на формирование ценностей и установок населения оказывали различные общественные организации, действующие под патронажем и строгим контролем государства: профсоюзы, комсомол и др. Следует отметить, что, несмотря на зачастую формальный характер общественных инициатив, они нередко поддерживались искренним участием социально активных людей, с большим потенциалом оптимизма и альтруизма. С их помощью «образовывались постоянные общественные связи, а жесткие конструкции приобретали видимость реальных механизмов диалога государственных структур с социальными группами»².

Таким образом, эффективность государства в рамках данной модели связей с общественностью во многом обеспечивалась за счет системного и тотального применения методов информационно-психологического воздействия, включающего различные формы пропаганды и агитации на массовом, узкогрупповом и других уровнях.

Переходная модель. Переориентация суверенного Казахстана на демократические ценности актуализировала проблему формирования полноценного гражданского общества и, как следствие, создания диалога между его институтами и государством. Возникла потребность в механизмах согласования интересов, каналах «обратной связи» и т.д., призванных обеспечить взаимовыгодные отношения политических институтов.

С одной стороны, в них стало нуждаться государство, озадаченное вопросом преодоления антагонистического разделения субъекта и объекта управления и переходом в формат сотрудничества взаимозависимых субъектов общественных отношений. С другой же стороны, формирующееся гражданское общество стало испытывать потребность в эффективных технологиях взаимодействия, как с государством, так и с различными группами общественности - отечественной, международной и т.д.

---

² Тарашвили Е. «Связи с общественностью в государственных структурах» // <http://pr-club.com>

Таким образом, происходит процесс перехода отношений государства и общества к стадии управляющих и управляемых, где прерогатива первого сводится уже не к властвованию, а к регулированию и упорядочению социальных, экономических и прочих взаимоотношений людей. Соответственно изменяется и возрастает роль связей с общественностью, как способа обеспечения поддержки управленческих решений со стороны населения, предупреждения и предотвращения конфликтов, механизма согласования точек зрения и др. Все более широкое применение в этих условиях находит практика сочетания традиционных форм односторонней коммуникации (пропаганда, агитация) с элементами открытого диалога. Так, в ходе встреч представителей органов власти, членов информационно-пропагандистских групп с гражданами особое внимание сегодня уделяется совместному обсуждению актуальных вопросов населения; действуют web-сайты государственных органов, где излагается подробная информация об их структуре и деятельности, функционирует механизм «обратной связи»; осуществляется масштабная работа по внедрению «электронного правительства» и т.д.

При этом и развитие общественных связей, как информационного моста в процессе регулирования отношений между гражданами и государством, заставляет, в свою очередь, отступить на второй план функции диктата и принуждения, выводит на первые позиции принцип согласования и взаимодействия и создает условия для формирования качественно новой модели связей с общественностью.

В рамках более совершенной модели, направленной на обеспечение *двустороннего воздействия*, общественность контактирует с государством как получающий услуги клиент. Органы власти при этом осуществляют свою деятельность, ориентируясь на запросы граждан и исходя из принципов оптимальности, профессионализма, доступности и т.д. Таким образом, обеспечивается партнерский диалог между властью и обществом при доминировании интересов последнего.

В этих условиях связи государства с общественностью переходят в иное качество и строятся уже на основе более эффективных методов - соглашений, долгосрочных контрактов, информационного взаимодействия, участия в законотворческом процессе, совместной выработки и реализации актуальных социально-значимых проектов.

Подобная модель представляется оптимальным вариантом управления сложнейшими коммуникативными процессами, складывающимися в условиях взаимодействия правового демократического государства и развитого гражданского общества³.

Наличие объективных противоречий между плюрализмом политической сферы и целостностью государственной власти присуще как переходной, так и управленческой моделям. Поэтому участие связей с общественностью в государственном управлении может быть направлено в этих условиях, в том числе, и на гармонизацию данных процессов. В этом контексте к их основным функциональным задачам можно отнести: с одной стороны, *участие в демократизации государственного управления*, с другой - *содействие становлению гражданского общества*.

³ Векслер А. «Власть и общество: от монолога к диалогу» // Советник, 1999 г., № 7.

Задача повышения открытости государственного управления и приближения к интересам граждан весьма актуальна в нынешних казахстанских условиях. Особого внимания здесь требуют обеспечение «прозрачности» каналов взаимодействия и взаимовлияния политических институтов, проблема адекватной передачи к ним запросов общественного мнения, без их искажения или подмены узкогрупповыми интересами. В этой связи сегодня достаточно остро ставятся вопросы реформирования казахстанской выборной системы, совершенствования законодательства о СМИ, политических партиях.

Традиционно наибольший объем критики государственной власти в Казахстане приходится на ее исполнительную и судебную ветви. Наряду с коррупционными скандалами, выявлением фактов нецелевого использования средств, правительство и иные органы исполнительной власти периодически подвергаются обвинениям со стороны оппозиции в нецелесообразности проводимых реформ, низкой эффективности мер по решению проблем ключевых сфер жизнедеятельности общества и т.д. Кроме того, приходится констатировать тот факт, что в свете формирования однопартийного парламента на повестку дня встала проблема доверия граждан и к законодательному органу.

В данной ситуации стало очевидным, что недостаточное или неэффективное взаимодействие органов власти с общественностью в итоге может спровоцировать повышение социального напряжения. В связи с этим ответной реакцией на негативное общественное мнение, к примеру, стала заметная активизация работы парламента по разъяснению его целей и задач, по информированию населения о достигнутых результатах и намеченных перспективах.

Особенностью данной ситуации явилась тесная корреляция общественной оценки парламента с рейтингом правящей партии. Поэтому в целях «формирования массовой поддержки инициатив лидера и руководства НДП «Нур Отан» через связь с широкой общественностью и координацию деятельности с многочисленными неправительственными организациями, общественными объединениями и НКЦ»⁴ партией был создан Институт парламентаризма, активно действует Общественная приемная, успешно реализуются иные проекты. Таким образом, априорно критическая оценка эффективности однопартийного парламента послужила импульсом к активизации НДП «Нур Отан» на публичном поле и, как следствие, улучшению ее имиджа.

Если говорить об общей предметной сущности связей с общественностью в государственных и партийно-политических структурах можно выделить следующие основные моменты:

- установление, поддержание и расширение многообразных связей, контактов и взаимоотношений с общественностью, с другими субъектами политического процесса;
- информирование общественности о характере избранных политических позиций по тем или иным проблемам, о существовании политического курса, разъяснение необходимости и мотивов принятия тех или иных решений или инициатив;
- систематическое изучение общественного мнения, расстановки политических сил, протекающих общественно-политических процессов;

---

⁴ Интервью Кусмангалиевой Ж., директора Института парламентаризма НДП «Нур Отан» по теме: «Послание Президента «Рост благосостояния граждан Казахстана - главная цель государственной политики» // Казинформ. 26.02.2008 г. (Кожженев С.)

- отслеживание общественной реакции на предпринимаемые действия и инициативы, сбор и обобщение информации о действиях других политических институтов и общественных сил;

- прогнозирование развития общественно-политических процессов, возможных последствий принимаемых решений и проводимых акций, моделирование социально-политической обстановки, определение основных целей, методов и способов коммуникаций;

- обеспечение субъекта политики информацией, аналитическими, прогнозными разработками, в том числе рекомендациями по поводу предпочтительных форм и методов деятельности, использования тех или иных каналов и форм связей с общественностью, с другими политическими институтами, организация и осуществление контактов и связей;

- деятельность по формированию благоприятного имиджа политического института и т.д.⁵

При наличии ряда общих базовых свойств связи с общественностью в государственных органах и политических партиях, тем не менее, обладают собственной спецификой и характеризуются существенными различиями.

Во-первых, это разница в масштабах деятельности. Если аудиторией государства является все общество, все слои населения, то идеологическая работа партий сконцентрирована на отдельных целевых группах.

Во-вторых, - вопрос социальной ответственности. Иными словами, если для партий обеспечение эффективных связей с общественностью относится к категории желательных условий деятельности, то для государства они являются необходимыми.

В-третьих, - различия в информационных ресурсах. Государство в лице СМИ обладает гораздо большими рычагами влияния на общественность, нежели та или иная партия.

В-четвертых, - разная динамика работы. Если для государственных органов взаимодействие с общественностью является повседневной необходимостью, то в аналогичной работе партий наблюдаются «сезонные» всплески и спады, связанные с электоральными циклами.

Существует множество нюансов в обеспечении связей с общественностью тех или иных политических институтов и, как правило, каждый из них обладает своим потенциалом воздействия на ситуацию в обществе. В качестве примера можно рассмотреть последнюю из вышеупомянутых особенностей партийной работы в приложении к нынешним условиям.

Совершенно очевидно, что высокая динамика во взаимодействии с населением присуща казахстанским общественно-политическим объединениям исключительно в электоральный период. Следствием этого является ряд взаимосвязанных реакций, негативно влияющих на культуру и поведение электората. Так, ориентация партий на узкие временные рамки служит причиной расстановки акцентов не столько на вопросы идеологии или поиск решения актуальных проблем общества, сколько на использование настроений и эмоций различных социальных слоев. Подобная тактика, в свою очередь, предполагает существенное сужение спектра методов работы с граждана-

---

⁵ Борисова Т.Ф., Валовая М.Д. Связь с общественностью: ПР – государственной власти и управления. – М.,1997. – С. 128.

ми, сведение его к техникам манипулирования и убеждающей коммуникации. Ситуацию усугубляет и резкий спад интереса партий к избирателям практически сразу после оглашения результатов голосования. Кроме того, традиционной критике в этот период подвергается избирательная система, органам власти инкриминируются различного рода фальсификации, что также не вызывает позитивных реакций граждан на действия тех или иных политических институтов.

Закономерным итогом такого отношения к электорату становится полная или частичная потеря его доверия. У граждан возникает чувство отчужденности от процесса принятия управленческих решений, что, в свою очередь, автоматически ставит под вопрос востребованность и легитимность самих институтов политической системы в их совокупности.

Актуальность проблемы постоянного и динамичного взаимодействия общественно-политических объединений с избирателями наглядно подтверждают итоги парламентских выборов 2007 года. Налицо необходимость повышения инициативности партий в обеспечении полноценных связей с общественностью на системной, многоплановой основе.

Тем не менее, анализ ситуации свидетельствует о том, что выход из создавшегося положения лежит не только в этой плоскости. Точечная активизация отдельных партий и движений на фоне общей пассивности большинства политических институтов также чревата определенными издержками. Так, сохранение и усиление динамики НДП «Нур Отан» во взаимодействии с обществом (при всех своих позитивных моментах) неизбежно способствует увеличению разрыва между партийными «весовыми категориями». Безальтернативное доминирование правящей партии подавляет конкуренцию на политическом поле, так или иначе снижает дееспособность противников и, как следствие, лишает ее самую эффективного стимула к самосовершенствованию.

Таким образом, развитие ситуации при сохранении нынешних тенденций содержит определенную угрозу стагнации партийного строительства. Итогом этого может стать формирование двухпартийного парламента (как одна из целей очередного электорального цикла) в условиях искусственно модифицированной конкуренции, а также недостаточной активности электората.

Проблема диспропорции на публичном политическом поле, в том числе как результат низкой гражданской культуры и слабой работы партий, диктует необходимость тесного взаимодействия и сотрудничества максимально широкого спектра политических институтов, а также системного обеспечения их связей с общественностью.

Достаточно большим потенциалом к развитию гражданской культуры в Казахстане, популяризации демократических принципов, санации и гармонизации социальных отношений обладают сегодня неправительственные организации. Отстаивая интересы конкретных целевых групп, обеспечивая взаимосвязь как с обществом, так и с государственными органами, неправительственный сектор демонстрирует поступательную динамику в своем развитии. Показательным в этом плане является успешное функционирование различных ассоциаций, НПО, диалоговых площадок, цель которых - не только в их сотрудничестве между собой или с государством, но и в содействии

становлению гражданского общества через укрепление многосторонних связей с широкой общественностью (Гражданский форум, Национальный информационно-ресурсный центр НПО Казахстана и др.).

Следует признать, что развитию связей с общественностью, как способа повышения эффективности политических институтов, препятствуют сегодня не только причины технического, кадрового или ресурсного характера. Нет самого осознания актуальности данного феномена. В понятие «связи с общественностью» зачастую вкладывается искаженный смысл, отсекающий его глубинную социально-институциональную сущность.

Не без активной помощи СМИ в сознание казахстанского общества внедряется мнение о том, что связи с общественностью представляют собой исключительно инструмент создания имиджа во время избирательных кампаний. С одной стороны, подобный подход противоречит той социальной роли, которую уже на протяжении длительного времени выполняют службы по связям с общественностью в развитых странах. А с другой - их использование в казахстанских условиях как механизма манипулирования общественным мнением не способствует созданию полноценного гражданского общества.

Таким образом, становление в Казахстане института связей с общественностью, как реального фактора эффективности политических институтов, требует решения ряда проблем, в том числе культурно-психологического, методологического, кадрового, организационного и др. характера. При этом прежде всего необходимо переключение внимания политических институтов с поверхностных элементов, «надводной части» связей с общественностью на их более важные, социально-значимые функции. Именно в контексте решения базовых проблем гражданского общества (низкая политическая культура, идеологический вакуум и т.д.) институт связей с общественностью будет иметь серьезный потенциал к обеспечению эффективности политических институтов и содействию модернизации политической системы в целом.

ABSTRACT

Modernization of Kazakhstan's political system implies multifaceted development of its institutions. However current processes in the country's sociopolitical life indicate many problems in achieving these goals.

In light of global informatization of society and public character of political institutions one of the prerequisites for enhancing their efficiency is a manifold development of their relations with society.

The article reveals problematic issues of strengthening this communicative activity in Kazakhstan within context of its usage by political institutions. Analysis is carried out of various models of PR depending on the type of power relations within the state. Common and specific features of state structures and political parties' structures are identified. Special attention was paid to the role of PR in promoting civil society as an environment required for functioning and harmonious progress of political institutions.

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И КАВКАЗА В УНИВЕРСИТЕТЕ ДЖОНСА ХОПКИНСА

В последние годы в зарубежных центральноазиатских исследованиях лидировала академическая группа во главе с проф. Фредериком С.Старром в рамках Института Центральной Азии и Кавказа (ИЦАК, Университет Джонса Хопкинса). Так, в 2006 году ими была подготовлена серия исследований по самым различным аспектам политики и экономики региона. Среди них «Кланы, авторитарные правители и парламенты в Центральной Азии» (Ф.Старр), «Исламский радикализм в Центральной Азии и на Кавказе» (З.Баран, Ф.Старр, С.Корнелл), «Анатомия американо-узбекского кризиса» (Дж.Дэйли, К.Меппен, В.Сокоп, Ф.Старр), «Экономика Центральной Азии» (М.Доулинг, Г.Виньяраджа)¹ и ряд других. Данные исследования подробно освещены в наших предыдущих рецензиях².

Сам руководитель Института профессор Ф.Старр выступил в 2007 г. в качестве координатора крупного проекта, результатом которого стала книга «Новый Шелковый Путь: транспорт и торговля в Большой Центральной Азии»³.

В рамках программы, руководимой профессором Ф.Старром, в ИЦАК было подготовлено в 2007 г. исследование Э.Марат «Государственно-криминальные связи в Центральной Азии: организованная преступность и коррупция в Кыргызстане и Таджикистане»⁴. Это - солидное исследование, построенное на богатом фактическом материале и непосредственных полевых наблюдениях автора.

В 2008 году среди публикаций по Центральной Азии доминируют исключительно работы интернационального коллектива в рамках программы,

---

¹ Starr S. F. Clans, Authoritarian Rulers, and Parliaments in Central Asia. - Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, Johns Hopkins University-SAIS, 2006. - 27 p.; Baran Z., Starr S. F. Cornell S.E. Islamic Radicalism in Central Asia and the Caucasus: Implications for the EU. - Washington DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2006. - 57 p.; Daly J.C.K., Meppen K.H., Socor V., Star F.S. Anatomy of a Crisis: U.S.-Uzbekistan Relations: 2001-2005. - Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2006. - 110 p.; Dowling M., Wignaraja G. Central Asia's Economy: Mapping Future Prospects to 2015. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, Johns Hopkins University-SAIS, 2006. - 114 pp.

² См.: Казахстан-Спектр. № 2. 2006. С. 109-113; № 3. 2006. С. 95-101.

³ Starr S. F. (ed.) The New Silk Roads: Transport and Trade in Greater Central Asia. - Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies? 2007. - 510 p.

⁴ Marat E. The State-Crime Nexus in Central Asia: State Weakness, Organized Crime, and Corruption in Kyrgyzstan and Tajikistan. - Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program - A Joint Transatlantic Research and Policy Center. Johns Hopkins University-SAIS - Washington, D.C., 2007. - 139 p.

руководимой проф. Ф.Старром. В частности, в рамках этой программы было подготовлено исследование Э.Марат «Национальная идеология и строительство государства в Кыргызстане и Таджикистане»⁵.

В текущем году три исследования ИЦАК были посвящены непосредственно Казахстану. Первое - это работа Энтони К.Бойера «Парламент и политические партии в Казахстане»⁶. Автор сначала дает краткое описание становления партийно-политической системы в Казахстане, затем переходит к современному политическому ландшафту, выделяя т.н. пропрезидентские партии (в первую очередь «Нур-Отан»), «мягкую» и «жесткую» оппозицию. Вторая часть исследования посвящена изучению казахстанского парламента как государственного и политического института. Бойер считает, что 2010 г., когда Казахстан займет кресло председателя ОБСЕ, может стать критическим для однопартийного парламента РК. Автор генерирует две группы рекомендаций.

Первая обращена к властям Казахстана и включает в себя следующие пункты: модифицировать выборное законодательство, включить прямые выборы хотя бы в одну из палат; вернуть право партиям формировать политические блоки; снизить 7-процентный барьер до 5 и ниже; диверсифицировать ЦИК в плане политического плюрализма; развивать политический диалог, в котором уважались бы права и интересы всех участников политического процесса; расширить доступ оппозиционных сил к СМИ; оппозиции следует отказаться от принципа группироваться вокруг отдельных политических персон и необходимо выходить на общенациональный уровень; усилить транспарентность в работе парламента.

Вторая группа рекомендаций своим адресатом имеет правительство США и включает в себя следующее: усилить взаимодействие и сотрудничество между Конгрессом США и Парламентом РК; осуществлять тщательный мониторинг реальных изменений в законодательстве и практической деятельности Казахстана, как будущего председателя ОБСЕ, в контексте принятых Астаной обязательств; больше внимания уделять изучению Парламента РК, как перспективного института и нового растущего центра силы; оказывать прямую помощь Парламенту в техническом и академическом плане, создавать совместные комитеты по глобальным проблемам (всемирное потепление, продовольственный голод, глобальная миграция, безопасность и т.д.); оказывать профессиональную помощь ЦИК в реформировании выборного законодательства и на процедурном уровне; продолжать оказывать поддержку политическим партиям, независимым СМИ, способствовать развитию гражданского общества.

Второй работой по Казахстану стало исследование Джона Дэйли «Становление казахстанского среднего класса»⁷. В основу своей работы автор ставит следующий вопрос: что такое казахстанский средний класс? Пытаясь ответить на него, Дэйли изучает практически все сферы потребления - стиль

---

⁵ Marat E. National Ideology and State-building in Kyrgyzstan and Tajikistan. - Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies? 2008. - 103 p.

⁶ Bowyer A.C. Parliament and Political Parties in Kazakhstan. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. – 71 p.

⁷ Daly J.C.K. Kazakhstan's Emerging Middle Class. - Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. – 100 p.

жизни, жилье, питание, досуг, моду, политику, бизнес и т.д. Параллельно автор анализирует другие стороны казахстанской экономики, ее феноменальный рост в последние годы и влияние этого процесса на формирование среднего класса, финансовую и банковскую систему. Автор приходит к выводу, что формирование среднего класса в Казахстане является целью всей государственной экономической политики. Дальнейшей задачей правительства является защита этого класса от многочисленных вызовов и проблем, среди которых коррупция, разрыв между сельским и городским уровнем жизни, инфляция и разрушающее влияние глобальных финансово-экономических потрясений. Крупные валютные накопления в Казахстане позволяют автору сделать оптимистический прогноз, что у государства остаются резервы для поддержки среднего класса в будущем.

Третьей работой в этой серии стало исследование Ричарда Вайца «Казахстан и новая международная политика в Евразии»⁸. Ей мы уделим больше внимания, поскольку это фактически первое исследование на Западе, посвященное преимущественно международным связям и внешней политике Казахстана.

Написать данное исследование автора побудил, как он пишет, тот факт, что наша страна выдвинулась в число лидеров региональной экономической и политической интеграции в Евразии. Он считает, что способность Казахстана достичь своих целей по региональной интеграции зависит от нескольких факторов. К ним автор относит транзит к «пост-назарбаевскому» поколению политических лидеров, успешность председательства РК в ОБСЕ и состояние экономик евразийских государств. Для автора не вызывает сомнений тот факт, что на этот процесс будут оказывать решающее влияние великие державы – Россия и Китай, но прежде всего – Соединенные Штаты.

Книга состоит из четырех глав. Первая глава «Институциональные рамки» рассматривает участие Казахстана в таких организациях, как СНГ, ОДКБ, ШОС, и сотрудничество республики с НАТО, ЕС и ОБСЕ. В этом разделе Вайц достаточно подробно рассматривает взаимодействие Астаны со всеми перечисленными организациями, делая особый упор на будущее председительство Казахстана в ОБСЕ. Автор анализирует причины, побудившие западные государства снять свои возражения против кандидатуры Казахстана. По его мнению, эти причины носили геополитический, экономический и энергетический характер. Исследователь считает, что Астана обязательно использует свое предстоящее председительство для развития транзитных и транспортных коридоров, связывающих Центральную Азию с другими частями пространства ОБСЕ.

Вторая глава книги посвящена проблемам региональной безопасности. Здесь автор особо выделяет вклад Казахстана в борьбу с ОМУ, терроризмом и экстремизмом, а также инициативу по созыву СВМДА. При этом Вайц отмечает, что последовательная политика РК в сфере безопасности носит вполне осознанный и принципиальный характер, так как нестабильность в регионе угрожает экономическим интересам страны. Автор останавливается, помимо прочего, на каспийской проблеме, относя ее также к сфере

---

⁸ Weitz R. Kazakhstan and the New International Politics of Eurasia. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies, 2008. - 189 p.

безопасности. Логичнее было бы данный сюжет отнести в компетенцию третьей главы «Экономика и энергетика». Здесь автор внимательно рассматривает «экстраординарный экономический рост» Казахстана и его влияние на международное положение страны. Энергетическую проблематику Вайц рассматривает с точки зрения развернувшейся геополитической конкуренции за углеводородные ресурсы региона. В поле зрения исследователя попадает и атомная энергетика и международные связи РК в этой области.

В качестве нового фактора, имеющего глубокий интернациональный и социально-экономический эффект, автор берет трудовую миграцию. Естественно, что американский ученый не может обойти такую проблему, как развитие торговых и транспортных связей и участие в этом процессе Казахстана. Он приходит к выводу, что подход Астаны к этой проблеме очевидно носит стратегически выверенный характер. Казахское руководство продуманно осуществляет стратегию по превращению республики в своеобразный транспортный хаб, связывающий Азию и Европу. В этом контексте автор рассматривает и другие вопросы, среди которых роль иностранных инвестиций, развитие авиации, формирование региональной сети услуг, банковской системы, использование СМИ, поддержка культуры и развитие туризма и т.д.

Четвертая глава, самая обширная и по сути ключевая, посвящена двусторонним отношениям Казахстана с другими государствами. Их автор подразделяет на четыре группы. Первая группа – это великие державы: Китай, Россия и США. Свой анализ Вайц начинает с китайско-казахстанских отношений. По его мнению, наблюдающееся сближение Казахстана с восточным соседом во многих областях носит вынужденный для казахстанской стороны характер. Над элитой и всем населением страны тяготеет груз исторической памяти, которая однозначно рассматривает Китай как угрозу. Но беспрецедентный экономический рост КНР и его влияние на весь мир и соседние регионы не оставляют Астане альтернативы, кроме как развивать сотрудничество с Пекином.

Переходя к российско-казахстанским отношениям, автор считает положение РК уникальным, поскольку Казахстан представляет собой единственное государство в Центральной Азии, которое граничит с Россией и в котором проживает крупнейшая в СНГ русскоязычная община. Вайц анализирует в основном период правления В.Путина и до прихода на президентский пост Д.Медведева, выделяя сферы, в которых два государства время от времени выступают конкурентами, хотя в целом он признает, что отношения между двумя государствами носят беспрецедентный характер по уровню и степени партнерства и сотрудничества.

По мнению исследователя, Казахстан сумел установить и поддерживать в равной степени хорошие отношения с Америкой - как при демократах, так и во время правления республиканской администрации. Стратегия США в отношении Казахстана была заложена еще при У.Клинтоне, когда была взята на вооружение концепция новых транспортных и коммуникационных коридоров в Евразии в обход России. После 11 сентября значение Казахстана для Запада только возросло, с учетом нужд антитеррористической операции в Афганистане. Важное символическое значение для Вашингтона имело участие РК в миротворческой операции в Ираке. Как считает автор, два фак-

тора ограничивают американское влияние на Казахстан. Во-первых, США, как супердержава глобального масштаба, не могут (в глазах казахстанского руководства) полноценно конкурировать по степени влияния с непосредственными соседями – Китаем и Россией в силу своей удаленности от региона. Для Астаны не ясно, насколько долго продлится присутствие США в Евразии. Во-вторых, отношения постоянно отравляются доктринальной позицией США в области соблюдения прав человека.

Далее автор переходит к изучению отношений РК с региональными державами. К ним он относит Индию, Иран, Пакистан и Турцию. Много места уделяет автор стратегии Индии в Центральной Азии, которая, как он считает, предопределила политику Дели в отношении Казахстана. Для Индии наибольший интерес в регионе представляют Казахстан и Туркменистан, с точки зрения ее энергетических интересов. При этом политика Дели носит стратегический характер и рассчитана «не на годы, а на десятилетия» (Вайц цитирует Ансари). Роль и значение Ирана для Центральной Азии и Казахстана заключаются, по мнению автора, в том, что ИРИ представляет собой естественный выход для стран региона к мировому океану. Проблемными моментами в двусторонних отношениях Вайц считает такие, как участие РК в трубопроводах в обход Ирана, присоединение Астаны к международному давлению на Тегеран по поводу его атомной программы, нежелание Казахстана поддержать прием ИРИ в ШОС.

На политику Пакистана в регионе решающее влияние оказывает индийский фактор. Исламабад рассчитывал в свое время на поддержку государств Центральной Азии по кашмирскому вопросу. Другим фактором, имевшим негативный характер, был афганский, точнее – та роль, которую сыграл Пакистан в установлении режима талибов. В отличие от Тегерана Исламабаду не так важно стать членом ШОС. Но Пакистан также стремится связать Центральную Азию со своими незамерзающими портами. Наиболее значительным шагом в установлении транспортно-коммуникационных связей между двумя странами стало присоединение Казахстана и Пакистана к четырехстороннему соглашению по использованию Каракорумского шоссе.

В отличие от предшествующего периода 1990-х гг., когда были сильны иллюзии пантюркистского единства, сегодня, отмечает Вайц, интересы Турции в регионе в целом, и в отношении Казахстана в частности, детерминированы энергетическими и экономическими потребностями. Но если экономические интересы и инвестиции Турции в Казахстане значительны, то и казахстанские инвестиции в Турции растут. Автор оценивает их в 350 млн долл. Он отмечает, что в последние годы Казахстан неожиданно взялся за политическую реанимацию идеи создания «тюркского сообщества с населением 200 млн чел.» для расширения и укрепления региональной интеграции.

К группе центральноазиатских государств-партнеров РК Вайц относит, помимо собственно четырех постсоветских республик, также Афганистан и Монголию. Интересы РК в отношении Афганистана вполне логичны и не отличаются от интересов других стран: это необходимость в экономически стабильном и политически безопасном Афганистане. Вмешательство Казахстана в афганские дела происходит в форме гуманитарной помощи и обеспечения транспортных коридоров для союзников через свою террито-

рию. Отношения Казахстана с Киргизией носят глубоко интегрированный характер. Но Астану беспокоит размах коррупции и политическая нестабильность у южного соседа - точка зрения, которую разделяют АБР и другие международные финансовые институты.

Что касается Монголии, то отношения Казахстана с этой страной, отмечает автор, развивались неровно. В торговле доминирует казахстанский экспорт, а Монголия заинтересована в казахстанских инвестициях. Вопросами, представляющими взаимный интерес, являются установление транспортных коммуникаций (прежде всего железнодорожного сообщения), которые бы связали две страны, но эту проблему невозможно решить без России, а также проблема казахских оралманов. Тот факт, что Монголия не является участником постсоветских интеграционных объединений, ограничивает рамки взаимодействия Астаны и Улан-Батора такими организациями, как СВМДА и в меньшей степени ШОС.

Казахстанских инвестиций ждут не только в Монголии - Таджикистан также является объектом интереса для казахстанского бизнеса. Зимой 2008 г. Казахстан стал, наряду с РФ, одним из главных поставщиков гуманитарной помощи в эту республику. Душанбе официально заявил, что «рассматривает для себя Казахстан как модель». Отношения РК с Туркменией при С.Ниязове носили сложный характер, но обрели второе дыхание при новом туркменском лидере - Г.Бердымухамедове, который проявил живой интерес к участию в различных интеграционных структурах, считает Вайц, в частности - в ШОС. Казахстан и Туркменистан выступают более или менее скоординированно в сфере газовой политики и трубопроводов. Сблизились позиции сторон и по проблеме делимитации Каспийского моря. Автор допускает, что именно благодаря позиции Казахстана удалось добиться принципиального согласия Ашхабада по принятию решения в пользу прикаспийского трубопровода, т.е. согласиться на российский вариант.

Американский исследователь считает, что Узбекистан является ключевой страной в казахстанской схеме региональной интеграции. И для этого есть все основания: Узбекистан остается самым крупным торгово-экономическим партнером Казахстана в Центральной Азии, обе республики связывают около ста двусторонних соглашений. Но эта картина омрачается скрытым, а порой и открытым соперничеством между двумя государствами за региональное лидерство, а также пограничными инцидентами и претензиями узбекских националистов на южные территории РК. Тем не менее, уровень взаимного инвестирования и многочисленная сеть совместных предприятий представляют собой крепкий фундамент для интеграции. К проблемным явлениям двусторонних отношений автор относит узбекскую трудовую миграцию в РК, восстановление Аральского моря. Но позиции сторон полностью совпадают в отношении реакции на угрозу исламского экстремизма.

В последнее время Астана и Ташкент начали координировать свои позиции в отношении экспорта газа в Россию и через Россию в Европу. Но И.Каримов упорно продолжает игнорировать призывы казахстанского руководства к созданию Центральноазиатского союза. Фактически продолжается соперничество за то, чтобы занять лидирующее место в прокладке трансевразийских транспортных линий. Главной причиной нежелания

Ташкента изменить свое отношение к региональной интеграции является, по мнению автора, скрытое опасение узбекской стороны, что региональный союз закрепит доминирование Казахстана.

Последней группой стран в дипломатическом окружении Казахстана в книге представлены государства Южного Кавказа. Армения занимает периферийное место в международной активности РК по сравнению с Баку и Тбилиси. Положение начало меняться в последние годы, когда казахстанский бизнес стал проявлять интерес к этой республике. Крупным препятствием на пути реализации казахстанской стратегии в Евразии является карабахский конфликт, поэтому Астана прилагает усилия (на декларативном уровне) по его урегулированию.

Иначе картина выглядит в отношениях РК с Азербайджаном. Здесь краеугольным камнем выступает энергетика, точнее - общая заинтересованность сторон в реализации крупных транспортных и трубопроводных проектов. Астана и Баку совместно выступают против попыток Тегерана навязать свою схему раздела каспийского шельфа. И обе стороны остаются заложниками давления со стороны Москвы по вопросу прокладки любых трубопроводов по дну Каспия. Еще одной областью взаимного интереса является обеспечение безопасности в акватории Каспия.

2005-й год стал наиболее насыщенным в истории казахстанско-грузинских отношений и положил начало крупномасштабным инвестициям казахстанского бизнеса в грузинскую экономику. Но для Астаны Грузия представляет интерес прежде всего как выход к Черному морю. Тбилиси заинтересован, в свою очередь, в казахстанском газе и прокладке транскаспийского газопровода по своей территории, а также в инвестировании казахстанской стороной строительства железной дороги Баку-Тбилиси-Карс. Важным моментом автор считает тот факт, что, несмотря на свои тесные связи с Россией, Казахстан не следует ее антигрузинской линии. (В скобках отметим, что книга была завершена до конфликта между Грузией и Россией из-за Южной Осетии в августе т.г., иначе его выводы были бы несколько иные.)

В заключении Р.Вайц повторяет свои базовые тезисы, о которых говорилось выше. На пути реализации евразийской стратегии Казахстана имеются серьезные препятствия, над которыми он не властен: не сняты угрозы исламского экстремизма и распространения ОМУ; использование богатых углеводородных ресурсов региона имеет неясную перспективу и во многом - по причине нестабильности в Афганистане. Сложно выработать стратегию в условиях, когда такие державы, как Россия и Китай, осуществляют собственные. Пример Кыргызстана показал, что внутривнутриполитическая стабильность в любой момент может быть взорвана в любой из стран Центральной Азии, что, безусловно, будет иметь обще-региональный эффект. Кроме того, даже небольшое замедление темпов роста казахстанской экономики сразу же поставит под вопрос претензии Астаны на лидерство. Автор указывает, что огромные риски для стабильности политической системы несет неизбежная в будущем смена власти в стране. Усиление экономической и политической мощи Казахстана пугает его соседей по региону и толкает их на укрепление связей с Россией, Китаем, США и даже Ираном. И наибольшую угрозу интеграционным планам Астаны несет именно геополитическое соперничество, о чем прекрасно догадываются в Ак-Орде. В перспективе,

резюмирует Вайц, усилия казахстанской дипломатии будут направлены на то, чтобы предотвратить установление российско-китайского кондоминиума в Центральной Азии,

Таким образом, исследования по внутренней и внешней политике Казахстана носят в ИЦАК активный характер, что, несомненно, является заслугой в первую очередь проф. Ф.Старра, который сам проявляет повышенный и живой интерес к Казахстану и ко всему региону. Практически, последние работы американских авторов охватывают все стороны политической и экономической жизни нашей республики. Не со всеми выводами и рекомендациями коллектива института можно согласиться, но постановка ими сложных и даже болезненных для нас проблем носит в целом конструктивный характер и является для нас сигналом к их изучению и решению.

Мурат ЛАУМУЛИН

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ГЛАЗАМИ КАЗАХСТАНСКИХ ЭКСПЕРТОВ

Результаты экспертного опроса

Галия АБДРАХМАНОВА

В марте 2008 года Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента РК совместно с Евразийским рейтинговым агентством распространил среди казахстанских экспертов анкету, посвященную проблемам региональной интеграции в Центральной Азии. Данная статья является результатом анализа итогов экспертного опроса.

* * *

Интеграционные процессы сегодня являются неотъемлемой частью международной действительности. С одной стороны, формирование и развитие региональных объединений решает ряд сложных проблем в обеспечении устойчивого развития стран-участниц, а с другой – служит определенным гарантом адаптации этих стран к жестким условиям процессов глобализации и обострения конкурентных отношений в мировой экономике.

Относительно молодые государства Центральной Азии тоже не остались в стороне от общемировой тенденции. На сегодня существует пять межправительственных организаций, в которые входят как минимум четыре страны региона, – это СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, ШОС и ОЭС. Кроме того, несмотря на роспуск ОЦАС, продолжается обсуждение возможностей субрегиональной интеграции, т.е. идеи создания центральноазиатского объединения без участия внешних игроков.

В конце 1991 года страны региона оказались перед необходимостью разработки новых направлений для развития многостороннего сотрудничества, поскольку монопольные до этого связи, в рамках взаимодействия союзных республик, канули в небытие. Только став самостоятельными, они устремились к диверсификации своих торгово-экономических связей и закреплению де-факто своей независимости от бывшей метрополии - России.

Самым первым региональным объединением, в которое вступили новые государства Центральной Азии, стало СНГ. Несмотря на упование многих граждан бывших советских республик на то, что со временем Содружество может стать основой для восстановления СССР, его исторической миссией стал относительно безболезненный переход от существования народов Евразии в едином политическом и экономическом пространстве к полной самостоятельности каждого из них.

Первой, и на сегодня единственной, межправительственной организацией без участия России, в которую вступили Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан в 1992 году, стала Организация экономического сотрудничества (ОЭС). Это межгосударственное объединение было создано еще в 1985 году Турцией, Ираном, Пакистаном, и со вступлением стран постсоветского Юга многие наблюдатели надеялись на активизацию ее деятельности. Однако за последующие полтора десятилетия эти надежды так и не оправдались. Тем не менее, в 2004 году главы ряда стран-участниц объявили о решении к 2015 году создать в рамках организации зону свободной торговли (пока, правда, о готовности вступить в нее заявили лишь три страны-основательницы ОЭС).

В 1994 году президент Казахстана Н.Назарбаев выступил с инициативой создания Евразийского союза. В несколько иной форме эта идея нашла свое практическое воплощение в создании Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Соглашение об учреждении Сообщества было подписано 10 октября 2000 года в Астане президентами России, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. Пять лет спустя к ним присоединился Узбекистан.

К середине 1990-х идея субрегиональной интеграции также получила свое оформление в виде многопрофильной межправительственной организации, которая за все время своего существования, вплоть до ее поглощения в 2005 году ЕврАзЭС, сменила несколько названий - Центральноазиатский союз, Центральноазиатское экономическое сотрудничество, Организация Центральноазиатского сотрудничества.

Очевидно, что привлекательность идеи субрегиональной интеграции и очевидные потенциальные выгоды от ее реализации не позволят в ближайшие годы, если не десятилетия, уйти этой теме с центральноазиатской повестки дня. Доказательством этому служит активное обсуждение инициативы президента Казахстана Н.Назарбаева о создании в будущем Союза Центральноазиатских государств, которая вызвала большой интерес со стороны политиков, дипломатов, экспертов и простых людей в регионе.

В 1999 году на основе Ташкентского Договора о коллективной безопасности, подписанного за семь лет до этого, была создана соответствующая организация (ОДКБ). Сегодня ее участниками являются Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан.

На стыке тысячелетий свой интерес к участию в многостороннем сотрудничестве стран региона стал активно проявлять и Пекин. Результатом этого стало создание в 2001 году Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в которую помимо Китая и стран Центральной Азии вошла также и Россия. Несмотря на изначальное преобладание в повестке дня этого объединения проблематики региональной безопасности, в последнее время Пекин пытается активизировать экономическое направление деятельности ШОС. Пока что страны региона к проектам подобного рода с участием Китая относятся настороженно. Тем не менее, многие внешние наблюдатели рассматривают именно это региональное объединение как наиболее перспективное в данной части света.

Зримый успех европейской интеграции и наглядные преимущества многостороннего взаимодействия государств одного региона во благо своих

граждан создали во всем мире представление о том, что объединение усилий соседних государств является чуть ли не гарантированным способом обеспечения регионального мира, стабильности и процветания. В реальности, однако, многостороннее сотрудничество различных стран сталкивается с огромным количеством трудностей. Далеко не все благие намерения находят свое воплощение, и это нередко вызывает разочарование, а причины неудач зачастую видят в «неконструктивных» действиях соседей.

В постсоветской Центральной Азии уже успела сложиться своя собственная история безуспешных попыток региональной интеграции. Политики, дипломаты и ученые активно обсуждают проблемы отношений с соседними государствами и сетуют на трудности в развитии региональных связей в бизнесе, культуре или просто в общении рядовых граждан заинтересованных стран. Все это вызывает живой интерес со стороны общества, но вряд ли способствует объективному и взвешенному рассмотрению проблем региональной интеграции.

* * *

В свете всего вышеизложенного выглядело актуальным проведение анкетного опроса, направленного на выявление ключевых тенденций в понимании и интерпретации экспертным сообществом эффективности интеграционных проектов в Центральной Азии. При этом автор опроса решила сконцентрировать свое внимание в основном на функционирующих сегодня проектах регионального сотрудничества с участием стран Центральной Азии, в которых задействованы внерегиональные державы.

В опросе приняли участие ведущие казахстанские экономисты и политологи. Часть из них работает в государственных институтах, часть – независимые или работающие в частных структурах аналитики.

Экспертное сообщество, как наиболее информированная в этих вопросах часть общества, выступает интерпретатором имеющихся проблем, как для широкой общественности (через комментарии в СМИ по актуальным политическим и экономическим вопросам), так и для государственных структур или международных организаций, которые являются одними из основных потребителей продукции экспертов.

Анкета состояла из 14 вопросов, на каждый из которых предлагалось от 4 до 8 вариантов ответов, в том числе и предполагающий собственное мнение эксперта, не совпадающее с предложенными вариантами.

Ниже приводится список вопросов анкеты:

1. Какая форма многостороннего взаимодействия в Центральной Азии в наибольшей степени соответствует потребностям стран региона?
2. Межгосударственные организации какого характера более востребованы странами Центральной Азии на современном этапе?
3. Опыт каких из существующих сегодня в мире региональных объединений был бы наиболее полезен для совершенствования межгосударственного сотрудничества в Центральной Азии?
4. Какие вопросы регионального сотрудничества в Центральной Азии являются наиболее трудноразрешимыми?
5. Какие факторы в наибольшей степени мешают эффективности регионального сотрудничества в Центральной Азии?

6. Способны ли авторитарные политические режимы успешно реализовывать проекты региональной интеграции?

7. Привлечение каких из соседних государств к проектам региональной интеграции больше соответствует интересам стран Центральной Азии?

8. Какое межгосударственное объединение, действующее в Центральной Азии, является наиболее эффективным?

9. Как Вы оцениваете эффективность деятельности ЕврАзЭС?

10. Как Вы оцениваете эффективность экономической программы ШОС?

11. Как Вы оцениваете эффективность деятельности ОЭС?

12. Мешает ли функционирование нескольких организаций по региональному сотрудничеству в Центральной Азии (ЕврАзЭС, ШОС, ОЭС) достижению поставленных ими задач?

13. Какой шаг оказал бы наиболее позитивное влияние на развитие торговли между странами Центральной Азии?

14. Какие наиболее вероятные последствия может повлечь за собой активное участие Казахстана в проектах региональной интеграции в Центральной Азии?

Как видим, вопросы №№ 1-3 были связаны с наиболее общими вопросами региональной интеграции в Центральной Азии, определяющими ее теоретические рамки. Второй блок вопросов (№№ 4-7) касался оценки экспертами проблемных аспектов практики интеграционного процесса в регионе. Вопросы №№ 8-12 затронули отношения деятельности трех функционирующих в регионе организаций, стремящихся к развитию экономической интеграции между центральноазиатскими странами и их соседями – ОЭС, ШОС, ЕврАзЭС и др. Вопросы №№ 13-14 касались оценки экспертами потенциальных последствий углубления интеграционных процессов в регионе.

* * *

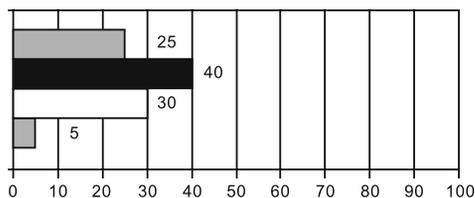
Первый из вопросов анкеты затрагивает проблему наиболее приемлемой для центральноазиатских стран формы многостороннего взаимодействия. Автор опроса предложила респондентам на выбор три лексемы, отражающие, на наш взгляд, немного различающиеся формы многостороннего взаимодействия государств.

Под «интеграцией» мы понимаем процесс, предполагающий отказ от части суверенитета в пользу создаваемых наднациональных институтов. «Сотрудничество» обозначает направленное взаимодействие в какой-то определенной сфере с целью достижения общих целей, но без отказа от суверенитета. Под «координацией усилий» стран-участниц понимается согласованное взаимодействие в рамках отдельных проектов.

Мнения экспертов при ответе на данный вопрос разделились довольно существенно. Относительное большинство экспертов «интеграции» предпочло «сотрудничество». За «координацию усилий» высказалось около трети опрошенных. Вариант «интеграция» выбрала всего четверть респондентов. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что, по мнению казахстанских экспертов, на данном этапе страны региона не готовы к полноценным интеграционным процессам, предполагающим отказ от существенной части национального суверенитета.

1. Какая форма многостороннего взаимодействия в Центральной Азии в наибольшей степени соответствует потребностям стран региона?

1. «Интеграция» – 25%.
2. «Сотрудничество» – 40%.
3. «Координация усилий» – 30%.
4. Другое – 5%.

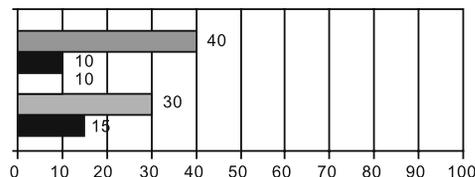
Уже отмечалось, что страны Центральной Азии активно участвуют в самых разнообразных межгосударственных организациях – экономических, военно-политических, универсальных. В связи с этим второй вопрос анкеты касался приоритетной сферы развития регионального сотрудничества, т.е. организации какого профиля наиболее востребованы в нынешних условиях.

Относительное большинство экспертов (40%) поддержали приоритетность межгосударственных организаций, фокусирующихся на экономическом взаимодействии. Лишь 10% опрошенных аналитиков указали на военно-политические организации как ключевое направление многостороннего сотрудничества в Центральной Азии. За развитие универсальных межгосударственных объединений высказалось также 10% респондентов. Значительное количество экспертов (30%) считает, что развитие должны получить организации всех вышеперечисленных направлений.

Среди ответов под рубрикой «другое» отметим прогноз эксперта, который так определил свой идеал региональных организаций: «Максимально эффективные и при этом не связывающие руки своим участникам. В идеале это были бы организации краткосрочные, ситуативные, создаваемые для решения конкретной задачи в конкретных условиях».

2. Многосторонние организации какого характера более востребованы странами Центральной Азии на современном этапе?

1. Экономические – 40%.
2. Военно-политические – 10%.
3. Универсальные – 10%.
4. Все вышеперечисленные – 30%.
5. Другое – 15%.

Несмотря на большое количество интеграционных группировок в современном мире, в качестве относительно успешных примеров регионального сотрудничества в теоретической литературе обычно приводятся ЕС, АСЕАН и НАФТА.

Как известно, европейцы начинали с координации усилий отдельных стран в торговле и отдельных отраслях промышленности, перейдя затем к созданию единого экономического пространства, но при этом всегда лелеяли мысль о создании общего политико-правового пространства и наднационального правительства, своего рода «Соединенных Штатов Европы». АСЕАН известна тем, что, помимо почти полувекового опыта функционирования в виде форума по региональной безопасности, в ее рамках был реализован весьма успешный проект зоны свободной торговли, ограничившей уровень торгового протекционизма стран-участниц 15% номенклатуры товарных наименований и позволившей за первые три года своего существования (до начала Азиатского финансового кризиса конца 1990-х годов) вдвое увеличить

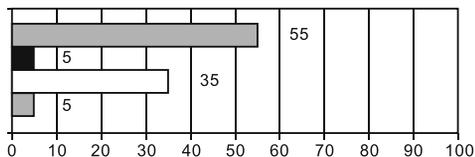
объемы внутрирегиональной торговли. НАФТА – Североамериканская зона свободной торговли, объединяющая США, Канаду и Мексику, - предусматривает свободу передвижения товаров, услуг, капиталов (но не рабочей силы) и при этом отвергает координацию экономической политики государств-участников и их внешнеполитических шагов, что расценивается многими учеными как один из поучительных примеров достижения реального роста торговли при отсутствии наднациональных органов.

На предложение сравнить три эти организации в плане того, какая из них обладает наиболее позитивным опытом для Центральной Азии, участники опроса ответили широкой поддержкой полезности интеграционного опыта ЕС (55%). АСЕАН в качестве адекватного примера выбрало 35%, а НАФТА - всего лишь 5% респондентов.

Исходя из этого можно сделать вывод о том, что казахстанские аналитики предвидят длительную перспективу постепенной реализации идеи региональной интеграции в Центральной Азии и обнаруживают для этого значительный потенциал. А среди ответов под рубрикой «другое» отметим следующее мнение эксперта: «Любой из этих примеров полезен в смысле учебы на чужих ошибках, но строить надо не только то, что хочется, но и то, что получается».

3. Опыт каких из существующих региональных объединений наиболее полезен для совершенствования межгосударственного сотрудничества в Центральной Азии?

1. Европейский Союз (ЕС) – 55%.
2. Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА) – 5%.
3. Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – 35%.
4. Другое – 5%.

Ни для кого не секрет, что на сегодняшний день продвижение региональной интеграции в Центральной Азии нельзя назвать успешным. Перед странами региона стоит множество проблем, препятствующих укреплению доверия между ними. Естественно, что для решения проблем их следует сначала идентифицировать.

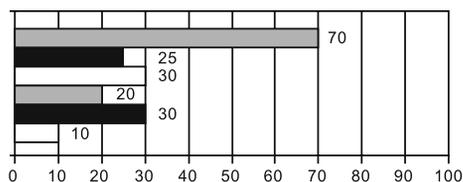
Казахстанские эксперты в качестве наиболее трудноразрешимой задачи видят водную проблему. Этот вариант ответа выбрали 70% респондентов. Проблема неравномерного распределения водных ресурсов в регионе оказывается, судя по ответам, намного сложнее других аспектов межгосударственных отношений (вопрос предполагал возможность выбора респондентами более одного варианта ответа): границы, анклавов и диаспоры выбрали 30%, развитие свободной торговли - 30%, проблему взаимных поставок энергоресурсов - 25% и транспортного транзита - 20% опрашиваемых.

Среди ответов под рубрикой «другое» отметим следующий прогноз эксперта: «В нынешних условиях любые многосторонние вопросы одинаково неразрешимы в долгосрочном смысле. Казахстану следует исходить из приоритетности собственных интересов в каждом конкретном случае, а не интересов региона (то есть всех стран региона)».

Несмотря на схожий этнический состав, приверженность большинства (пусть даже нередко и формальная) населения всех стран региона к исламу, общее прошлое в составе одних и тех же империй (в последние полтора столетия – России и СССР), государства Центральной Азии существенно

4. Какие вопросы регионального сотрудничества в Центральной Азии являются наиболее трудноразрешимыми?

1. Водные ресурсы – 70%.
2. Поставки и транзит энергоресурсов – 25%.
3. Границы, анклав и диаспоры – 30%.
4. Транспортный транзит – 20%.
5. Свобода торговли – 30%.
6. Другое – 10%.

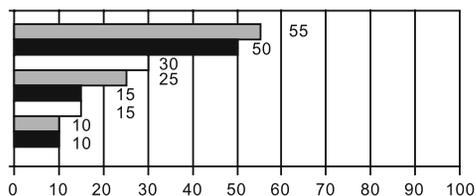
отличаются друг от друга по уровню экономического и политического развития. В связи с этим автор данного исследования попыталась с помощью экспертного сообщества выявить ключевые факторы, подрывающие эффективность регионального сотрудничества в Центральной Азии. Данный вопрос также предполагал возможность выбора респондентами более одного варианта ответа.

На первое место среди неблагоприятных для региональной интеграции факторов казахстанские эксперты определили «разные пути и, как следствие, разные уровни экономического развития» (55%). Половина участников опроса (50%) указала на политические амбиции (по всей видимости, чрезмерные) отдельных руководителей государств региона как важный негативный фактор в развитии многостороннего сотрудничества в Центральной Азии. Далее идут «отсутствие заинтересованности правящих элит» (30%) и «слабое развитие институтов рыночной экономики» (25%). На недемократический характер правящих режимов, а также незавершенность формирования национальных государств как на важные факторы указало по 15% экспертов.

Среди факторов, приведенных отдельными экспертами в ответах под рубрикой «другое», стоит, на наш взгляд, выделить «отсутствие сильных стимулов для сотрудничества при наличии достаточно привлекательных альтернатив».

5. Какие факторы в наибольшей степени мешают эффективности регионального сотрудничества в Центральной Азии?

1. Разные пути и, как следствие, разные уровни экономического развития – 55%.
2. Политические амбиции отдельных руководителей – 50%.
3. Отсутствие заинтересованности правящих элит – 30%.
4. Слабое развитие институтов рыночной экономики – 25%.
5. Недемократический характер правящих режимов – 15%.
6. Незавершенность формирования национальных государств – 15%.
7. Отрицательное влияние внешних сил – 10%.
8. Другое – 10%.

Среди политологов достаточно распространено мнение о том, что к реализации успешных проектов региональной интеграции способны лишь государства с развитой демократией. Очевидно, что в странах Центральной Азии процесс перехода к полноценным демократическим формам государственного устройства еще не завершен, и значительную часть правящих режимов региона политологи относят к авторитарным режимам различной степени жесткости.

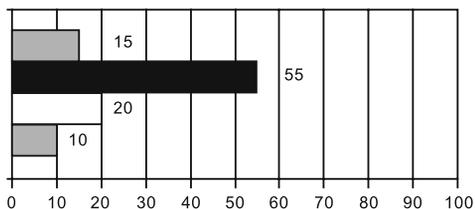
На соответствующий вопрос анкеты о способности авторитарных политических режимов успешно реализовывать проекты региональной интеграции 55% респондентов ответили отрицательно, поддержав аргумент о том, что «в таких государствах национальные интересы подменяются интересами элит». 20% участников опроса уверены в том, что характер политического режима не влияет на динамику экономического сотрудничества. Еще 15% экспертов согласились с утверждением о том, что в азиатских странах авторитарный характер правительств не только не является препятствием, но, наоборот, благоприятствует продвижению межгосударственного сотрудничества.

Схожего мнения придерживается и один из экспертов, поместивший свой ответ под рубрикой «другое»: «Именно авторитарные режимы как раз и способны успешно реализовывать подобные проекты, потому что интеграция далеко не всегда отвечает интересам всех общественных групп, а авторитарные режимы, в отличие от демократических, не обязаны учитывать интересы всех своих избирателей».

Тем самым, несмотря на мнение значительной группы экспертов о том, что авторитарный характер правления в большинстве центральноазиатских государств как минимум не мешает, а то и способствует продвижению интеграционных проектов, большинство участников опроса частично объясняют неудачу многих региональных проектов именно недемократическим характером правительств в ряде государств Центральной Азии.

6. Способны ли авторитарные политические режимы успешно реализовывать проекты региональной интеграции?

1. Да, в странах Азии это благоприятное условие – 15%.
2. Нет, так как при таких режимах национальные интересы подменяются интересами элит – 55%.
3. Характер правящего режима не влияет на динамику экономического сотрудничества – 20%.
4. Другое – 10%.

Само расположение Центральной Азии в сердце континента предполагает наличие нескольких альтернативных, в географическом плане, направлений сотрудничества. Основные направления на сегодня следующие – Россия и бывшие партнеры по СССР, мусульманский мир в целом (или отдельно Турция), Китай и, наконец, создание интеграционного объединения исключительно с участием стран Центральной Азии. Таким образом, очередной вопрос нашей анкеты касался предпочтений экспертов в отношении выбора партнеров по интеграции для государств региона. При этом несколько экспертов выбрало более одного варианта ответа.

Наиболее предпочтительным партнером половина экспертов (50%) видит Россию. Однако другая половина опрошенных считает, что страны Центральной Азии должны возобновить региональную интеграцию самостоятельно, без привлечения внешних сил. На наш взгляд, это отражает объективное равновесие в среде казахстанских политологов «евразийцев» и «центральноазиатов».

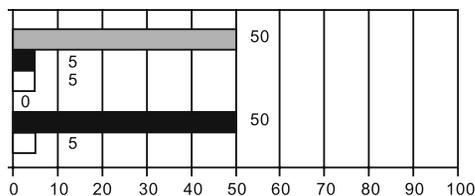
Никто из опрошенных экспертов не видит перспективным направление на мусульманский мир, т.е. Ближний Восток. За эффективность сотрудничества с Китаем и Турцией высказалось по 5% респондентов.

После слияния в 2005 году ОЦАС и ЕврАзЭС субрегиональная интеграция постсоветской Центральной Азии сегодня не представлена ни одной реальной структурой. И в ближайшей перспективе эта идея вряд ли будет реализована. Поэтому поддержку казахстанскими экспертами приоритетности продвижения субрегиональной интеграции без участия внешних игроков мы склонны оценивать как их видение долгосрочной перспективы региональных процессов.

Предпочтение развитию сотрудничества государств региона с Москвой, на наш взгляд, можно объяснить целым рядом факторов. В первую очередь отметим сохраняющуюся эмоциональную предрасположенность русскоговорящих элит Центральной Азии к бывшей метрополии. Во-вторых, следует признать объективное усиление позиций России в регионе, как в сфере политического диалога, так и в продвижении взаимовыгодного делового сотрудничества. В-третьих, этот результат можно объяснить отсутствием ожидавшейся отдачи от сотрудничества с Турцией и другими партнерами с мусульманского Востока, недоверием к «поучающему» Западу и страхом перед китайской «экспансией». В-четвертых, сохраняющейся зависимостью от России как от важнейшего рынка сбыта значительной части экспортных товаров Центральной Азии (нефть, газ, электричество, хлопок и др.), а также в транспортно-коммуникационной сфере. Все это дает на данном этапе Москве определенные преимущества в глазах центральноазиатских элит.

7. Привлечение каких из соседних государств к проектам региональной интеграции больше соответствует интересам стран Центральной Азии?

1. Россия – 50%.
2. Китай – 5%.
3. Турция – 5%.
4. Мусульманский мир в целом – 0%.
5. Внутрорегиональная интеграция без участия сторонних государств – 50%.
6. Другое – 5%.

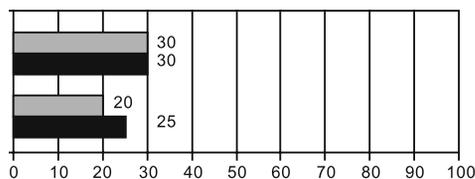

Преобладание пророссийских настроений в подходе к региональному сотрудничеству было подтверждено ответами респондентов на еще один вопрос – о том, какие межгосударственные объединения, присутствующие сегодня в Центральной Азии, кажутся им наиболее эффективными (ряд экспертов выбрал более одного варианта ответа). Наивысшие оценки здесь получили сразу три организации с участием Москвы (одна из них военно-политическая): ЕврАзЭС и ШОС по 30%, и ОДКБ – 20%. Придание приоритета развитию регионального взаимодействия в рамках ОЭС, по мнению казахстанских аналитиков, было бы совсем нелогичным шагом.

Интересно, что четверть экспертов при выборе наиболее эффективного многостороннего объединения в Центральной Азии выбрало ответ «никакое».

8. Какое межгосударственное объединение, действующее в Центральной Азии, является наиболее эффективным?

1. ЕврАзЭС – 30%.
2. ШОС – 30%.
3. ОЭС – 0%.
4. ОДКБ – 20%.
5. Никакое – 25%.

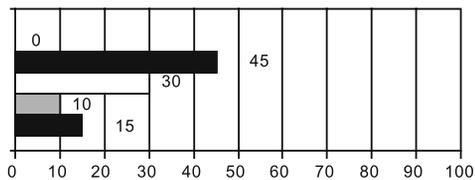
Это объективно свидетельствует о довольно-таки низкой оценке экспертами деятельности функционирующих интеграционных проектов в регионе.

Исходя из предыдущего вопроса, автор данного исследования решила детально рассмотреть три организации, имеющие схожие задачи в продвижении региональной экономической интеграции – ШОС, ОЭС и ЕврАзЭС. И поэтому следующие три вопроса касались оценки эффективности этих интеграционных проектов.

Интересным представляется тот факт, что работе ни одного из них не была дана высокая оценка. 45% опрошенных казахстанских экспертов оценили качество деятельности ЕврАзЭС и ШОС как «среднее», при котором достижений немногим больше, чем неудач.

9. Как Вы оцениваете эффективность деятельности ЕврАзЭС?

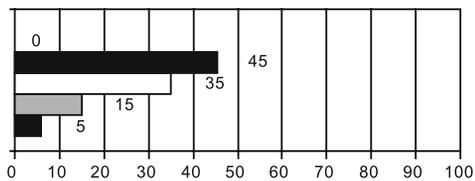
1. Высокая, реально способствует региональной интеграции – 0%.
2. Средняя, достижений больше, чем неудач – 45%.
3. Низкая, провалов больше, чем достижений – 30%.
4. ЕврАзЭС следует объединить с ОДКБ – 10%.
5. Другое – 15%.

Негативно оценили эффективность программ регионального экономического сотрудничества ЕврАзЭС и ШОС 30% и 35% опрошенных аналитиков соответственно. При этом 10% респондентов поддержали целесообразность обсуждаемого в последнее время среди политологов слияния ЕврАзЭС и ОДКБ. 15% экспертов указало на то, что ШОС экономическая повестка вообще не нужна.

10. Как Вы оцениваете эффективность экономической программы ШОС?

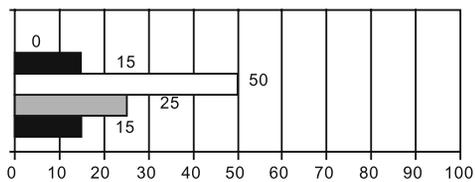
1. Высокая, ее задачи решаются относительно успешно – 0%.
2. Средняя, достижений больше, чем неудач – 45%.
3. Низкая, никакого прогресса не наблюдается – 35%.
4. ШОС не нужен экономический блок задач – 15%.
5. Другое – 5%.

Что касается ОЭС, то здесь половина опрошенных экспертов (50%) выступила за роспуск этого объединения (еще 25% отметили, что с деятельностью организации не знакомы вовсе). В то же время хотелось бы отметить отдельное мнение из рубрики «другое» - о необходимости сохранения ОЭС как форума для встреч лидеров постсоветских стран ЦА с их южными соседями (Турция, Иран, Пакистан и Афганистан).

11. Как Вы оцениваете эффективность деятельности ОЭС?

1. Высокая, организация успешно решает поставленные задачи – 0%.
2. Средняя, достижений больше, чем неудач – 15%.
3. Низкая, эту организацию следует распустить – 50%.
4. С деятельностью ОЭС не знаком вовсе – 25%.
5. Другое – 15%.

Среди наиболее важных вопросов при сравнении деятельности нескольких организаций со схожими задачами и параллельным участием в них стран Центральной Азии следует отметить проблему совместимости их экономических программ и стыковки обязательств государств региона перед прочими партнерами в рамках этих объединений.

Один из вопросов анкеты был направлен как раз на выяснение позиции казахстанских политологов и экономистов по данной проблеме и звучал следующим образом: «Мешает ли функционирование нескольких организаций по региональному сотрудничеству в Центральной Азии достижению поставленных ими задач?»

Как показали результаты опроса, половина (50%) экспертов считает, что параллельное функционирование этих организаций не мешает достижению поставленных ими задач. Часть из них видит конечные цели организаций слишком различными для того, чтобы они мешали деятельности друг друга. Другие полагают, что, в принципе, чем больше каналов для сотрудничества - тем лучше, и «одно другому не мешает».

Однако четверть экспертов (25%) считает, что параллельная работа нескольких организаций по региональному сотрудничеству является все же одной из главных причин низкой эффективности дипломатических усилий государств в этом направлении.

Среди мнений, высказанных под рубрикой «другое» (25% респондентов), есть как положительные, так и отрицательные варианты ответа на вопрос «мешает – не мешает». Позволим себе процитировать два наиболее характерных ответа, отражающих два противоположных подхода к данному вопросу.

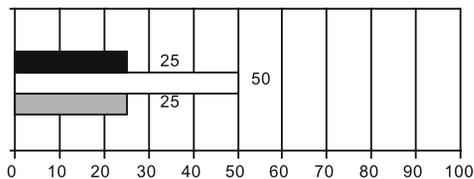
Так, по мнению одного из казахстанских экспертов, «наличие трех схожих интеграционных объединений в Центральной Азии является свидетельством отсутствия четко выработанного национального интереса у государств региона в участии в данных структурах. То есть от количества теряется качество – от каждого объединения центральноазиатские государства берут только то, что необходимо им в конкретный момент и не уступают тогда, когда это не приносит прибыли».

Другой казахстанский специалист считает, что «сохранение всех трех организаций свидетельствует о стремлении к балансированию стран региона в сложном геополитическом окружении. Само расположение стран Центральной Азии и их богатые ресурсы обуславливают сложность выбора стратегических партнеров. Также это делает невозможным интеграцию только с участием стран региона, и необходим поиск партнера извне».

Для автора данной статьи достаточно неожиданным стал тот факт, что большинство экспертов (пусть и относительное) высказалось за необходимость параллельного развития регионального сотрудничества сразу с несколькими

12. Мешает ли функционирование нескольких организаций по региональному сотрудничеству в Центральной Азии (ЕврАзЭС, ШОС, ОЭС) достижению поставленных ими целей?

1. Да, именно поэтому ни одна из организаций не достигла поставленных задач – 25%.
2. Нет, так как конечные цели организаций отличаются – 50%.
3. Другое – 25%.

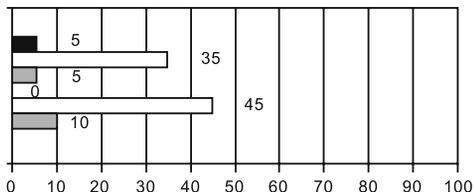
партнерами. И в этом, пожалуй, есть свое рациональное зерно, поскольку три сравниваемые организации действительно позволяют центральноазиатским государствам решать ряд важных внешнеполитических задач и действительно диверсифицировать свои внешнеэкономические связи.

Очевидно также, что достаточно формальное участие государств региона в интеграционных группировках и подписание ими декларативных документов не решают всех текущих проблем, особенно в сфере торговли и общей таможенной политики. В рамках нескольких организаций принимались соглашения об унификации таможенных пошлин и подготовке к созданию зоны свободной торговли. Но действиями (или, наоборот, бездействием), а нередко и прямым саботажем отдельных стран-участниц положительный эффект от этих усилий сводился к минимуму.

Исходя из этого, автор включила в анкету вопрос о том, какие меры оказали бы реальное позитивное влияние на расширение торговли между центральноазиатскими странами. Относительное большинство (45%) экспертов отметило, что наиболее предпочтительным шагом для поддержки торговли в Центральной Азии стало бы создание субрегиональной зоны торговли исключительно с участием стран региона. Чуть меньше, 35% экспертов, отметили, что формирование зоны свободной торговли в рамках ЕврАзЭС окажет позитивное влияние на расширение экономических связей. Формирование зоны свободной торговли в рамках ШОС поддержало лишь 5% экспертов, а аналогичный проект ОЭС и вовсе не получил какой-либо поддержки участников опроса.

13. Какой шаг оказал бы наиболее позитивное влияние на развитие торговли между странами Центральной Азии?

1. Вступление всех стран региона в ВТО – 5%.
2. Формирование ЗСТ ЕврАзЭС – 35%.
3. Формирование ЗСТ ШОС – 5%.
4. Формирование ЗСТ ОЭС – 0%.
5. Создание субрегиональной ЗСТ – 45%.
6. Другое – 10%.

Казахстан на сегодня, несомненно, превратился в неформального лидера среди стран региона и является одним из инициаторов различных интеграционных процессов на территории Центральной Азии и евразийского пространства. Исходя из этого, автор данного опроса решила выяснить, какие последствия могут ожидать казахстанское общество в случае реальной активизации интеграционных процессов в регионе. Данный вопрос предполагал возможность выбора респондентами более одного варианта ответа.

Наиболее вероятным последствием такого хода событий, по мнению большинства экспертов, был бы рост деловой активности в целом (65%). Еще одним позитивным последствием для Казахстана будет расширение внутрирегиональной торговли и возможностей использования транзитного потенциала стран-участниц интеграционного объединения для экспорта казахстанского сырья и углеводов (50%).

Можно сказать, что экспертное сообщество в отношении потенциальных последствий региональной интеграции для Казахстана настроено весьма позитивно. Лишь треть участников опроса видит преобладание негативных для страны последствий в виде ухудшения ситуации на внутреннем рынке

труда или неприемлемом усилении влияния в регионе России и Китая. Оба «пессимистичных» варианта набрали по 15%. Никто из опрошенных экспертов не считает, что активное участие Казахстана в интеграционных процессах может привести к ухудшению положения отечественного производителя.

14. Какие наиболее вероятные последствия может повлечь за собой активное участие Казахстана в проектах региональной интеграции в Центральной Азии?

* * *

Подводя итоги экспертного опроса, хотелось бы отметить следующие ключевые, на взгляд автора, результаты.

Казахстанские эксперты предпочитают осторожный и постепенный, но последовательный и принципиальный подход к дальнейшему совершенствованию многостороннего взаимодействия государств Центральной Азии. Для его актуальной характеристики значительное большинство респондентов выступило за применение более консервативных терминов «сотрудничество» и «координация усилий» в противовес популярному, но, пожалуй, немного легковесному слову «интеграция».

При выборе предпочтительных для Казахстана партнеров по региональной интеграции эксперты разделились на две равные группы, которые мы называем «евразийцами» (сторонники альянса с Россией) и «центрально-азиатами» (сторонники субрегиональной интеграции без участия внешних игроков).

Ориентиром для многостороннего сотрудничества центральноазиатских стран большинство казахстанских экспертов выбрало, тем не менее, опыт Европейского Союза, с анализом истории развития которого во многом связано современное понимание интеграционных процессов в мире.

При определении наиболее эффективного межгосударственного объединения, функционирующего сегодня в Центральной Азии, ни одна из организаций (ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС, ОЭС) не получила поддержки хотя бы трети опрошенных экспертов, в то время как четверть респондентов и вовсе посчитала, что ни одна из указанных структур не является достаточно эффективной.

Среди причин, повлекших неудачу в деятельности региональных проектов в постсоветской Центральной Азии, около половины экспертов выделили разные модели и уровни экономического и политического развития задействованных стран, а также чрезмерные политические амбиции отдельных руководителей государств региона, что указывает на наличие как объективных, так и субъективных сложностей для продвижения многостороннего сотрудничества.

Несмотря на довольно распространенное мнение о контр-продуктивности параллельного участия центральноазиатских стран сразу в нескольких интеграционных структурах со схожими задачами, более половины опрошенных экспертов поддержали противоположный тезис. Это стало одним из неожиданных для составителей анкеты результатов опроса.

Наиболее важным для понимания дальнейших перспектив, на наш взгляд, являются результаты анкетирования экспертов по последнему вопросу – о потенциальных последствиях для казахстанского общества активизации процессов регионального сотрудничества в Центральной Азии. Выяснилось, что экспертное сообщество оценивает потенциальные выгоды от такого хода событий намного выше возможных отрицательных последствий, что позволяет нам смотреть на перспективы многостороннего сотрудничества между странами и народами региона с изрядной долей оптимизма.

ABSTRACT

This article analyzes outcomes of the survey and poll on issues of regional integration in Central Asia, which was held in spring 2008 among the leading Kazakh analysts specializing in international relations and economy.

The results showed that majority of experts support cautious, gradual, and consistent approach to improving multilateral interaction among Central Asian states. They preferred words “cooperation” and “coordination of efforts” rather than popular “integration”. However, the Kazakh analysts still see EU as a better model for regional integration in Central Asia.

In choosing the preferred partners to promote regional integration with the experts divided equally into supporters of deeper ties with Russia and of reviving intraregional community without external players.

No existing organization failed to get a support of at least third of Kazakh analysts as regionally the most efficient one with EurAsEC and SCO viewed slightly better than others. Quarter of experts deem all of them as totally inefficient.

Among the reasons of failures of regional projects half of the respondents named difference in models and stages of economic and political development of five countries, as well as irrelevant political ambitions of some heads of regional states. This proves persistence of both objective and subjective reasons hindering multilateral cooperation in Central Asia.

The surprise was that despite the widespread claim of counter-productive nature of the parallel membership of Central Asian governments in several integrationist structures with similar tasks, the majority of experts supported the contrary.

The most important question for understanding further prospects concerned the experts' opinion on potential consequences of accelerating regional cooperation. As it was discovered, the country's analysts see far more potential gains than losses for Kazakhstani society. This allows approaching prospects of multilateral cooperation in Central Asia with a good deal of sound optimism.

О ПЕРВОМ ФОРУМЕ ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКО-КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

25 августа 2008 года в г. Алматы состоялся Первый Форум по вопросам безопасности и сотрудничества в Центральноазиатско-Каспийском регионе. Данное мероприятие было организовано ИМЭП совместно с МИД РК в рамках мероприятий заседания Совета министров иностранных дел стран-участниц Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА).

В работе Форума приняли участие известные политологи и экономисты, ведущие ученые научно-аналитических центров и академических институтов Казахстана, приглашенные эксперты из России (Г.И. Чуфрин, А.В.Власов, М.В.Ильин и Е.Ю. Мелешкина), США (Ф.Старр и Г.Глисон), Великобритании (Р.Аллисон и О.Антоненко), Франции (Т.Гомар), Индии (П.Сахай), Таджикистана (С.И.Шарипов), Кыргызстана (М.С.Иманалиев), Узбекистана (А.Ф.Расулев), представители руководящего состава государственных структур Республики Казахстан (Администрация Президента РК, МИД РК), известные общественные деятели, представители дипломатического корпуса.

В ходе работы Форума состоялась содержательная дискуссия по следующим вопросам:

- актуальные проблемы и ключевые тенденции развития геополитической ситуации в Центральноазиатско-Каспийском регионе;
- концептуальные подходы и политика мировых и региональных держав в регионе;
- состояние и перспективы экономического развития и процессов политической модернизации в странах региона.

Необходимость проведения Форума была обусловлена стремительными изменениями, происходящими в странах Центральноазиатско-Каспийского региона и на прилегающих территориях и требующими серьезного научного осмысления и взвешенной оценки. В ходе дискуссий на мероприятии участниками неоднократно отмечалось то обстоятельство, что в вышеупомянутом регионе сегодня происходят сложнейшие процессы политической и экономической модернизации, а влияние процессов глобализации на внутривнутриполитические процессы в составляющих его странах становится все более очевидным.

На обсуждение были вынесены также и основные вызовы региональной безопасности, такие как социально-экономическая нестабильность, водно-энергетические проблемы, вопросы экологии, нелегальной миграции, религиозный экстремизм и наркотрафик. Особое внимание участники Форума посвятили вопросам кооперации и взаимодействия государств региона в сфере безопасности и экономического сотрудничества с учетом последних международных событий.

Следует отметить, что 26 августа в рамках Форума состоялись тематические круглые столы по следующим направлениям: 1) «Стратегии мировых и региональных держав и интересы Центральноазиатских и Каспийских государств», 2) «Политическая конкуренция и партийное строительство в постсоветских государствах: общее и особенное», 3) «Концепция развития национальных экономик Центральноазиатско-Каспийского региона в условиях глобализации и регионализации мировой экономики».

В ходе работы круглого стола по проблемам партийного строительства, в котором принимали участие представитель партии «НурОтан» С.Сахиев, известный оппозиционный политик Казахстана П.Своик, видные представители российского политологического сообщества М.Ильин и Е.Мелешкина, а также ряд ведущих отечественных политологов, особое внимание было уделено проблемам развития казахстанской партийной системы. В частности, эксперты сошлись в необходимости обеспечить реальную конкуренцию на политическом поле путем создания соответствующих правовых условий. Также они подчеркнули актуальность совершенствования механизмов влияния партий на государственную власть и политические процессы.

Весьма плодотворными оказались дискуссии между исследователями из Казахстана и других стран СНГ по поводу влияния мировых рынков на устойчивость развития стран Центральноазиатско-Каспийского региона, о перспективных направлениях экономической интеграции и опыта глобального прогнозирования. Состоялся ценный обмен мнениями по ключевым социально-экономическим аспек-

там проблем безопасности и сотрудничества в Центральноазиатско-Каспийском регионе.

В целом, можно с уверенностью констатировать, что практические итоги Форума оказались весьма успешными и позволили выявить те тенденции и мнения, которые существуют сегодня в международном экспертном сообществе и которые, несомненно, внесут свою лепту в поиск путей решения наиболее злободневных проблем региона.

По итогам Форума будет подготовлен сборник основных и дискуссионных выступ-

лений, представляющих собой определенный срез мнений признанных специалистов в этой области.

В будущем планируется проводить данный Форум ежегодно, так как проект изначально позиционировался в качестве «второй дорожки» заседаний СМВД СВМДА и призван стать индикатором экспертного мнения по определению мегатрендов общемирового и регионального развития.

Э.Байназарова

ПЕРСПЕКТИВЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИКИ КАЗАХСТАНА

15 сентября 2008 года в г. Алматы в отеле «Интер-континенталь» состоялся семинар на тему «Диверсификация и структурные сдвиги в экономике Казахстана: возможности и вызовы». Семинар был организован Министерством экономики и бюджетного планирования (МЭБП) Республики Казахстан, Азиатским банком развития (АБР) и Институтом экономических исследований (ИЭИ) МЭБП.

В работе семинара принимали участие представители Минэкономики, АБР, ИЭИ, ряда научных институтов и вузов, а также сотрудники ИМЭП при Фонде Первого Президента РК. С докладами, посвященными различным аспектам диверсификации, на семинаре выступили *Х.Фелите* и *Н.Усуи* - главный экономист и экономист отдела координации стран и регионального сотрудничества АБР, *А.Токсанова* – вице-президент ИЭИ, *А. Курманова* – исполнительный директор Института экономических стратегий – Центральная Азия, *Г.Лесбеков* – заместитель директора департамента корпоративного развития АО «Фонд развития предпринимательства «Даму». От ИМЭП на семинаре выступили главные научные сотрудники *В.Додонов* и *К.Берентаев*.

В.Додонов представил вниманию участников семинара доклад на тему «Концепция «мобильной экономики»: новые возможности и методы диверсификации в условиях глобальной экономики». В докладе было отмечено, что диверсификация остается одной из наиболее актуальных проблем казахстанской экономики на протяжении многих лет. Эта актуальность обусловлена все более усиливающейся сырьевой ориентацией и структурой ВВП, которая в последние годы

усиливается по мере наращивания объемов добычи углеводородов и роста их цены на мировых рынках.

В связи с рядом объективных ограничений на возможность диверсификации в Казахстане, затрудняющих ее быстрое и эффективное осуществление (ресурсных, кадровых, финансовых, временных), предлагается новая концепция «мобильной экономики». Эта концепция позволяет обойти ограничения ускоренного развития страны за счет быстрого инвестирования ресурсов в уже имеющиеся зарубежные производства вместо долгосрочного их замораживания в попытках развить собственные казахстанские аналоги. Таким образом достигается мобильность ресурсов, а вместе с ними – и большей части собственно экономической системы. Становится возможным формирование принципиально нового базиса развития национальной экономики – достижения гибкости производства и структуры ВВП в зависимости от текущей конъюнктуры глобальных рынков.

Инструментом реализации этого продвижения, направленного на закрепление Казахстана в «лидерском пуле» стран, должно стать широкомасштабное и целенаправленное инвестирование средств в зарубежные активы. Именно этот инструмент позволит добиться гибкости ВВП, потому что современный уровень развития финансовых рынков позволяет очень оперативно осуществлять передислокацию капиталов из одной отрасли в другую.

В выступлении *К.Берентаева* отмечалось, что диверсификация казахстанской экономики тормозится рядом проблем системного характера при отсутствии единства трактовки собственно понятия «диверсификация». В

качестве основных причин сохранения нерациональной структуры казахстанской экономики выделяются отсутствие продуманной структурной и промышленной политики, отсутствие научно-методического обеспечения программных документов в данной области

и отсутствие в Казахстане системы стратегического планирования экономических процессов, в том числе в области диверсификации экономики.

Ю.Додонов

О ВАШИНГТОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ОБЩЕСТВА ПО ИЗУЧЕНИЮ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ

18-21 сентября 2008 года на базе Джорджтаунского университета в столице США состоялась Девятая ежегодная конференция Общества по изучению Центральной Евразии. Под этим термином в данном сообществе понимают независимые государства Центральной Азии и Южного Кавказа, а также Афганистан, Монголию и населенные преимущественно тюркскими и иранскими этносами территории России и Китая. Данный форум объединяет исследователей Центральной Евразии, прежде всего, конечно, из США и Канады, но также из других частей мира, включая сами страны изучаемого ими региона, в количестве более тысячи человек, из которых около 200 приехали в этом году в Вашингтон для участия в конференции.

В программе нынешней конференции было заявлено 57 секций по истории, культуре, экономике и политике Центральной Евразии. Из этого множества несколько секций было посвящено Казахстану. В частности состоялись круглый стол по вопросам развития СМИ в нашей стране и обсуждение новой книги известной британской исследовательницы проблем нацистроительства в Центральной Азии Б.Дэйв, которая называется «Казахстан: этнос, язык и власть».

Наибольшее, на наш взгляд, внимание участников форума привлек круглый стол с немного странным заголовком «Центральная Азия: почему столь мало конфликтов?» (Central Asia: Why So Few Conflicts?). О его странности говорили и сами докладчики. Очевидно, что речь шла об относительной спокойности Центральной Азии в сравнении с соседним и, на первый взгляд, достаточно схожим регионом Южного Кавказа.

Ряд участников дискуссии говорили, тем не менее, о двусмысленности такой постановки вопроса, подразумевающей, пусть и невольно, необычность и непонятность, возможно даже парадоксальность, достаточного мирного развития центральноазиатских

государств за почти два десятилетия независимости. Другие ставили под сомнение изначальный скепсис и пессимизм, который был свойственен многим российским и западным экспертам, выступавшим в начале 1990-х годов с предсказаниями о неспособности новых государств Центральной Азии самостоятельно и мирно решать свои проблемы. По мнению, участника дискуссии, одного из ведущих американских специалистов по нашему региону, Ф.Старра, история и практика суверенного развития центральноазиатских государств доказали необоснованность столь высокомерного отношения как к их элитам, так и народам, населяющим эти страны.

Докладчиками в данной секции выступили руководитель шведского Института проблем политики безопасности и развития, известный эксперт по Южному Кавказу и Центральной Азии С.Корнелл, профессор Национального военного университета США Р.Кангас, а также израильские ученые Б.Шаффер (бывший директор Гарвардского центра каспийских исследований) и А.Идан. Их выступления содержали ряд интересных положений, обсуждение которых, в частности, и спровоцировало упомянутую выше дискуссию.

Определенный интерес среди участников конференции вызвала также и секция, озаглавленная «Отношения государства и общества в Центральной Азии». В частности, доклад одного из крупнейших международных экспертов по аграрному сектору экономик постсоветских государств, долгое время работавшего на программы МВФ, Всемирного банка и Евросоюза в регионе, профессора Д. Ван Агта осветил ряд острейших проблем хлопкового сектора Таджикистана. В частности он доказывает фактическое сохранение в этой отрасли таджикской экономики планового хозяйства и тотального контроля над производством хлопка со стороны административного аппарата, но в интересах не государства, а узкого круга лиц в правящей элите. Именно с утаиванием этой

ситуации от международных доноров и был связан недавний скандал с требованием МВФ и Всемирного Банка о возврате правительством Таджикистана нескольких десятков миллионов долларов, которые были ранее получены им по грантам, направленным на покрытие долгов хлопкосеющих хозяйств этой страны.

Кроме того, внимание слушателей привлекли доклады Т.Мюнча (Колледж оборонной разведки США) и Д.Зартмана (Военно-воздушная академия США), посвященные попыткам классифицировать политические режимы центральноазиатских государств согласно классическим западным теориям властных отношений. Еще один докладчик на секции, казахстанский докторант Университета Корнелла (США) А.Бисенова осветила концептуальные основы формирования архитектурного облика новой столицы суверенного Казахстана, города Астаны с точки зрения современных философских интерпретаций градостроительства.

Принимавший участие в работе конференции эксперт ИМЭП А.Абдрахманов выступил с докладом на секции, посвященной актуальным вопросам внешней политики государств

Центральной Азии. В своем выступлении он изложил свое видение ключевых, на его взгляд, особенностей новой внешнеполитической стратегии Туркменистана, реализуемой при президенте Г.Бердымухаммедове.

Два других доклада на этой секции были посвящены анализу внешнеполитической стратегии Казахстана. В частности, турецкая исследовательница Х.Кахвечи (Ближневосточный технический университет) раскрыла свое видение ключевых характеристик деятельности официальной Астаны по формированию положительного имиджа казахстанского государства в международном информационном пространстве. А докторант американского Университета Бингэмптона Г.Кырбасов попытался дать анализ многовекторной модели внешней политики Казахстана с применением «теории игр» и показал, что именно эта модель является оптимальной для нашей страны не только с точки зрения практической дипломатии, но и с точки зрения современных теорий политической науки.

А.Абдрахманов

Марат Ерсаинович Шайхутдинов – директор ИМЭП

Фредерик Старр – председатель Института Центральной Азии и Кавказа Университета Джонса Хопкинса (Вашингтон, США)

Алексей Викторович Власов – генеральный директор Информационно-аналитического центра МГУ по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве (Москва, Россия)

Муратбек Сансызбаевич Иманалиев – президент Института общественной политики (Бишкек, Кыргызстан)

Константин Львович Сыроежкин – главный научный сотрудник ИМЭП

Чжао Хуашэн – руководитель отдела российских и центральноазиатских исследований Центра по изучению ШОС Фуданьского университета (Шанхай, Китай)

Леонид Райнгольдович Скаковский – заместитель директора Института геополитических исследований и международных отношений Казахстанско-Российского Университета

Татьяна Владимировна Каукунова – эксперт Центра по изучению Китая при ИМЭП

Лейла Маратовна Музапарова – заместитель директора ИМЭП

Юрий Вячеславович Додонов – главный научный сотрудник ИМЭП

Зауре Казбековна Чуланова – ученый секретарь ИМЭП

Кайрат Мухамеджанович Шайхиев – эксперт Центра мировой экономики ИМЭП

Юрий Очирович Булукатаев – эксперт Центра внутренней политики ИМЭП

Галия Александровна Досмухамбетова – заместитель директора Института геополитических исследований и международных отношений Казахстанско-Российского университета

Асемгуль Галымовна Есенбаева – эксперт Центра внутренней политики ИМЭП

Мурат Турарович Лаумулин – главный научный сотрудник ИМЭП

Галия Камилловна Абдрахманова – докторант PhD кафедры политологии Казахского Национального Университета им. аль-Фараби

Эльнара Ерболатовна Байназарова – эксперт Центра международных исследований ИМЭП

Аскар Сауытбекулы Абдрахманов – эксперт Центра международных исследований ИМЭП

Marat Shaikhutdinov – Director of IWEP

Frederick S. Starr – Chairman of the Central Asia – Caucasus Institute, Johns Hopkins University (Washington DC, USA)

Alexei Vlasov – General Director of the MSU Information and Analysis Centre for Studies of Sociopolitical Processes in the Post-Soviet Area (Moscow, Russia)

Muratbek Imanaliyev – President of the Institute for Public Policy (Bishkek, Kyrgyzstan)

Konstantin Syroezhkin – Senior Research Fellow at IWEP

Zhao Huasheng – Director for Russia and Central Asia Studies, Centre for SCO Studies, Fudan University (Shanghai, China)

Leonid Skakovsky – Deputy Director of the Institute for Geopolitical Research and International Relations at the Kazakhstan-Russia University

Tatyana Kaukenova – Research Fellow of the Centre for Chinese Studies attached to IWEP

Leila Muzaparova – Deputy Director of IWEP

Yuri Dodonov – Senior Research Fellow at IWEP

Zaure Chulanova – Academic Secretary of IWEP

Kairat Shaihiyev – Research Fellow at the Centre for World Economy at IWEP

Yuri Buluktayev – Research Fellow at the Centre for Domestic Politics of IWEP

Galiya Dosmukhambetova - Deputy Director of the Institute for Geopolitical Research and International Relations at the Kazakhstan-Russia University

Asemgul Yessenbayeva – Research Fellow at the Centre for Domestic Politics of IWEP

Murat Laumulin – Senior Research Fellow IWEP

Galiya Abdrakhmanova – PhD Student at the Department of Political Science at the al-Farabi Kazakh National University

Elnara Bainazarova – Research Fellow at the Centre for International Studies of IWEP

Askar Abdrakhmanov – Research Fellow at the Centre for International Studies of IWEP

**Институт мировой экономики и политики
при Фонде Первого Президента Республики Казахстан**

Институт мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Первого Президента Республики Казахстан создан в 2003 г.

Деятельность ИМЭП направлена на научные исследования проблем мировой экономики, международных отношений, геополитики, безопасности, интеграции и евразийства, а также на изучение деятельности Первого Президента Республики Казахстан и его вклада в создание и укрепление Казахстана как независимого государства, в развитие международного сотрудничества и содействие миру и стабильности.

ИМЭП сочетает в своей деятельности независимый характер исследований с активным участием в общественной дискуссии и системной вовлеченностью в реальные процессы трансформации в Казахстане. Независимый общественный статус Института способствует его участию в выявлении и выражении национальных интересов страны.

ИМЭП осуществляет исследовательскую деятельность по следующим основным направлениям:

- ✧ глобальные проблемы современности и их влияние на Казахстан и другие транзитные государства;
- ✧ анализ и прогнозирование мировой экономической динамики и социально-политических процессов;
- ✧ изучение проблем международной, региональной и национальной безопасности;
- ✧ исследование политических, экономических, социальных и правовых проблем в Казахстане, его положение в мировом сообществе;
- ✧ экономические, политические и социальные процессы в государствах Центральной Азии, в России, Китае, США, ЕС, Японии, других странах;
- ✧ международно-политические исследования;
- ✧ международные сопоставления.

Другими направлениями деятельности ИМЭП являются:

- ✧ распространение объективной и достоверной информации о Республике Казахстан в стране и за рубежом;
- ✧ публикация результатов теоретических и прикладных научных исследований, научных журналов, периодических изданий, мониторингов;
- ✧ проведение конференций, семинаров, общественных дискуссий;
- ✧ осуществление международных научных проектов;
- ✧ международные контакты и сотрудничество с ведущими научными и аналитическими учреждениями в ближнем и дальнем зарубежье;
- ✧ содействие международному сотрудничеству, миру и стабильности.

The Institute for World Economy and Politics at the Foundation of the First President of Kazakhstan

The Institute for World Economy and Politics (IWEP) at the Foundation of the First President of Kazakhstan is a scientific research institute that addresses global economic and political issues. The IWEP was founded in 2003. It has a status of a public foundation.

The aim of the IWEP is to optimize knowledge of the modern global economic and political processes and prepare practical recommendations to develop economic and foreign policy of the Republic of Kazakhstan.

In its activities, the IWEP combines an independent research character with an active participation in public discussion and with its involvement in real processes of transformation in Kazakhstan. The independent public status of the Institute supports its participation in revealing and expressing national interests of our country.

The institute conducts research in the following main areas:

- ✧ contemporary global problems and their influence on Kazakhstan and other transitional states;
- ✧ analysis and forecasts of the world economic dynamics and socio-political challenges;
- ✧ international, regional and national security issues;
- ✧ political, economic, social and legal problems of Kazakhstan, its place in the global community;
- ✧ economic, political and social processes in Central Asia, Russia, China, the US, EU, Japan and other countries;
- ✧ international political research;
- ✧ international comparisons.

Other fields of the IWEP activities include:

- ✧ distribution of objective and valid information about the Republic of Kazakhstan in the country and abroad;
- ✧ publication of results of theoretical and practical research, scientific journals, periodicals, monitoring;
- ✧ organization of conferences, seminars, public discussions;
- ✧ undertaking international research projects;
- ✧ international contacts and cooperation with leading research and analytical organizations in the world;
- ✧ contribution to international cooperation, peace and stability.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ

Тексты статей должны быть переданы в редакцию журнала в электронном виде. Допустимый объем статьи составляет от 10 000 до 30 000 символов (с пробелами). Сноски оформляются постранично. В конце статьи указываются ФИО и должность автора.

Таблицы, графики, диаграммы и другие графические материалы должны быть приложены дополнительно с указанием места их размещения в тексте.

Статья должна сопровождаться резюме на английском языке объемом от 1500 до 2000 символов (с пробелами).

Тексты статей не возвращаются, не рецензируются и не восстанавливаются. Ответственность за содержание статей несет автор (авторы). Редакция оставляет за собой право публикации или отклонения статьи.

Согласно приказам Коллегии Комитета по контролю в сфере образования и науки Министерства образования и науки Республики Казахстан №572 от 25.05.2008 и №692 от 02.06.2008 журнал «Казахстан в глобальных процессах» включен в Перечень изданий для публикации основных научных результатов диссертаций по разделам «08.00.00 – Экономические науки» и «23.00.00 – Политические науки» соответственно.

ПОДПИСКА

Подписаться на журнал «Казахстан в глобальных процессах»
можно по каталогу АО «Казпочта».

Индекс журнала – 75251.

За дополнительной информацией обращаться по телефону
+7 (727) 2700-614.